

РУСИСТИКА

2026 Том 24 № 3

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Приглашенный редактор *В.А. Ефремов*

DOI 10.22363/2618-8163-2026-24-3

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Средство массовой информации зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72956 от 25.05.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Шаклеин В.М. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, академик РАЕН, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: shaklein-vm@rudn.ru

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н. – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: strelchuk-en@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Алефиренко Н.Ф. – действительный член Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Белгородский государственный университет, Белгород, Российская Федерация

Балыхина Т.М. – академик РАЕН, академик Нью-Йоркской академии наук, доктор педагогических наук, профессор, Москва, Российская Федерация

Вальтер Харри – член президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), доктор филологических наук, профессор, профессор Института славистики, Университет имени Эрнста Морица Арндта, заместитель председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, Грайсвальд, Федеративная Республика Германия

Гаврилина М.А. – доктор педагогики, профессор, Латвийский университет, Рига, Латвийская Республика

Гусман Тирадо Рафаэль – член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии, Гранада, Королевство Испания

Дейкина А.Д. – заслуженный деятель науки и образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

Дэвидсон Дэн – почетный президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, старший академический советник и директор научно-исследовательского центра Американских советов по международному образованию, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, PhD по филологии, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка, Брин-Мор колледж, Вашингтон, Соединенные Штаты Америки

Загоровская О.В. – председатель Совета по русскому языку при администрации Воронежской области, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Российская Федерация

Макарова Вероника – PhD по лингвистике, профессор кафедры языкознания, Саскачеванский университет, Саскачеван, Канада

Маслова В.А. – член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Витебский государственный университет, Витебск, Республика Беларусь

Мокиенко В.М. – действительный член Европейского общества фразеологов «ЕВРОФРАЗ», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Перотто Моника – PhD по педагогике, профессор, научный сотрудник кафедры русского языка, факультет иностранных языков и литературы, Болонский университет, Болонья, Итальянская Республика

Протасова Е.Ю. – доктор педагогических наук, профессор, профессор-адъюнкт отделения языков, гуманитарный факультет, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика

Рицибурская Л.В. – действительный член комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

Рязанова-Кларк Лара – член Королевского лингвистического общества, PhD по филологии, заведующая русским отделением, Эдинбургский университет, академический директор Российского центра книги Дашковой при Эдинбургском университете, директор научного центра «Русский язык в контексте», Эдинбург, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии

РУСИСТИКА

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Белый список РЦНИ, РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Dimensions.

Цель и тематика

Научный журнал «Русистика» специализируется на рассмотрении актуальных вопросов русского языка и методики его преподавания как родного, неродного и иностранного в условиях русской, близкородственной и неродственной языковых сред.

Журнал является площадкой для научного сообщества в области отечественной и зарубежной русистики, освещает спектр проблем как собственно лингвистических, так и связанных с культурно-историческими и социальными аспектами изучения и преподавания русского языка.

Миссия журнала заключается в предоставлении возможностей русистам из различных стран и регионов объективно информировать международное научное сообщество о состоянии исследований русского языка, проблемах его функционирования в многополярном мире, привлекать дополнительный интерес ученых к этим проблемам.

Цель журнала: создание научного-исследовательского, образовательного и информационного пространства для взаимного обмена достижениями российских и зарубежных ученых, специализирующихся в области русского языка и методики его преподавания.

Задачи:

1. Обмен научными достижениями российских и зарубежных коллег в области русистики, публикации результатов научных центров по проблемам развития и сохранения русского языка в многополярном мире.
2. Рассмотрение теоретических исследований по проблемам функционирования русского языка в России и зарубежных странах.
3. Актуализация проблем методики преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного.
4. Анализ современных тенденций в развитии школьной и вузовской русистики.
5. Отражение вопросов изучения и преподавания русского языка как иностранного и проблем сохранения русского языка в диаспоре.

6. Проблемы развития русского языка как языка науки.

7. Освещение государственной политики в области русского языка и методики его преподавания.

8. Презентация медиадидacticеских и электронных средств обучения русскому языку и методике его преподавания.

Очередные выпуски журнала, как правило, являются тематическими и посвящены наиболее актуальным проблемам русистики. Выход тематических номеров анонсируется на сайте журнала.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, а также научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

К публикации принимаются только оригинальные статьи, ранее не опубликованные. Самоплагат не допускается.

Журнал входит в Перечень рецензируемых периодических изданий, публикации которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите диссертационных исследований.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Испании, Италии, Латвии, Финляндии, Германии, Великобритании).

Журнал выходит один раз в квартал (4 номера в год). Подписка на печатную версию журнала оформляется в почтовых отделениях РФ. Индекс журнала в каталоге подписных изданий – 36433.

Редактор *О.В. Горячева*

Редактор англоязычных текстов *С.С. Микова*

Компьютерная верстка *Т.Н. Селивановой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rfj@rudn.ru

Подписано в печать 21.09.2026. Выход в свет 25.09.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1033. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН им. Патриса Лумумбы

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

2026 VOLUME 24 NUMBER 3

LEXICAL AND GRAMMATICAL TRENDS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Guest Editor *V.A. Efremov*

DOI 10.22363/2618-8163-2026-24-3

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Viktor M. Shaklein – Doctor of Philology, Professor, Honoured Employee of Higher Education of the Russian Federation, Honoured Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), member of Presidential Russian Language Council, member of the Academy of Natural Sciences, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: shaklein-vm@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena N. Strelchuk – Doctor of Pedagogy, Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: strelchuk-en@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Nikolay F. Alefirenko – Full Member of the Academy of Social Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation
Tatyana M. Balykhina – Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the New York Academy of Sciences, Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow, Russian Federation

Dan Davidson – President Emeritus and Director of American Councils Research Center (ARC), American Councils for International Education, Director of Russian Language Centre, Foreign Member of Russian Academy of Education, PhD in Philology, Professor of the Russian Language and Foreign Language Studies, Bryn Mawr College, Washington, United States of America

Alevtina D. Deikina – Honoured Worker of Science and Education, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Methods of Teaching Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russian Federation

Margarita A. Gavrilina – Doctor of Pedagogy, Professor, Lithuanian University, Riga, Republic of Latvia

Rafael Gusman Tirado – member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology, Granada University, Granada, Kingdom of Spain

Veronika Makarova – PhD in General Linguistics, Professor, Department of Linguistics, University of Saskatchewan, Saskatchewan, Canada

Valentina A. Maslova – member of the Presidential Board of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University, Vitebsk, Republic of Belarus

Valeriy M. Mokienko – Full Member of European Society of Phraseologists “EUROPHRAS”, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Slavonic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Monica Perotto – PhD in Pedagogy, Professor, research assistant and Associate Professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University, Bologna, Italian Republic

Ekaterina Yu. Protasova – Doctor of Pedagogy, Professor, Associate Professor of Language Department, Humanitarian Faculty, Helsinki University, Helsinki, Republic of Finland

Larisa V. Ratsiburskaya – Full Member of Slavonic Education Commission under International Committee of Slavistics, Doctor of Philology, Professor, Chairperson of the Chair of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Lara Ryazanova-Clarke – member of Royal Linguistic Society, PhD in Philology, Chairperson of Russian Department of Edinburgh University, Academic Director of Russian Centre of Princess Dashkova in Edinburgh University, Director of Scientific Centre “Russian Language in Context”, Edinburgh, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland

Harry Walter – member of the Presidium of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Professor, Ernst Moritz Arndt University, Institute of Slavistics, Deputy of Chairperson of Phraseological Commission under International Committee of Slavists, Greifswald, Federal Republic of Germany

Olga V. Zagorovskaya – Chairperson of Russian Language Council of Voronezhskaya Oblast Administration, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogic University, Voronezh, Russian Federation

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by White List of RCSI, Russian Index of Science Citation, Scopus, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Dimensions.

Aims and Scope

The journal "Russian Language Studies" is specialized in actual problems of the Russian language and methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language under the conditions of Russian, closely related and unrelated linguistic environment.

The journal presents a platform for Russian and foreign scientists, reflects not only linguistic, but also cultural, historical, social aspects of learning and teaching Russian.

The mission of the journal is to give the opportunity to specialists in Russian philology from different countries and regions to objectively inform international scientific community about modern research in the Russian language, its functioning in the multipolar world and to draw the scientific attention to these problems.

The aim of the journal is to create scientific, research, educational and information space for presenting the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies and methods of teaching Russian as a foreign language.

The targets of the journal are:

1. Delivering the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies, publishing the results of scientific centres in developing and keeping the Russian language in the multipolar world.
2. Characterizing theoretical papers on Russian language functioning in Russia and abroad.
3. Pointing out the problems in methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language.
4. Analyzing modern trends in Russian language teaching at school and university.
5. Reflecting problems of learning and teaching Russian as a foreign language and keeping the Russian language in diasporas.

6. Problems of developing Russian as a language of science.

7. Presenting Russian national policy in the Russian language and methods of its teaching.

8. Demonstrating media-didactic and electronic means of teaching Russian.

Next issues of the journal are planned as thematic ones and are devoted to the most actual problems of Russian language studies. Thematic issues are announced at the journal site.

The journal publishes scientific articles (theoretical, academic and research, methodical), review articles, book reviews, annotations, scientific reports about Russian and foreign scientists. The articles written by starting investigators are published on the "Page of a young scientist".

The journal publishes only original articles which have not been published before. Self-plagiarism is not allowed.

The journal has an international status proved by the editorial board and reviewers including outstanding scientists from Russia, the United States, Belarus, Spain, Italy, Latvia, Finland, Germany, Great Britain.

The journal is published every three months with 4 issues a year. Readers can subscribe to the journal in post-offices of the Russian Federation. The index of the journal in subscription edition catalogue is 36433.

Copy Editor *O.V. Goryacheva*
English Text Editor *S.S. Mikova*
Layout Designer *T.N. Selivanova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Газарова Д.Ю. (Ереван, Республика Армения) Деривационный потенциал русских глаголов в современном интернет-дискурсе	319
Дымарский М.Я. (Санкт-Петербург, Российская Федерация) Комбинации сочинительных союзов в современной русской речи	334
Ефремов В.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация) Психояз как форма медиализации русского языка	350
Маринова Е.В. (Нижний Новгород, Российская Федерация) Вариантность техницизмов IT-сферы по одушевленности в русской речи: типология, особенности, сопутствующие процессы	364
Плотникова А.М. (Екатеринбург, Российская Федерация) Язык техносферы в динамическом аспекте	379
Рацибурская Л.В. (Нижний Новгород, Российская Федерация) Словообразовательные новации в современных российских медиа.....	392
Северская О.И. (Москва, Российская Федерация) Сленговые маркеры положительной оценочности: динамика конкуренции	408
Фуфаева И.В. (Москва, Российская Федерация) Исторические чередования согласных в парадигмах русских глаголов-неологизмов	423
Шاپоваленко Е.В. (Калининград, Российская Федерация), Шкапенко Т.М. (Калининград, Российская Федерация) Новообразования с суффиксом -оид в русском языке новейшего периода	439

CONTENTS

LEXICAL AND GRAMMATICAL TRENDS IN THE MODERN
RUSSIAN LANGUAGE

Gazarova D.Y. (Yerevan, Republic of Armenia) The derivational potential of Russian verbs in modern internet discourse	319
Dymarsky M.Ya. (Saint Petersburg, Russian Federation) Combinations of coordinating conjunctions in modern Russian speech	334
Efremov V.A. (Saint Petersburg, Russian Federation) Therapy-speak as a form of Russian language medicalization	350
Marinova E.V. (Nizhny Novgorod, Russian Federation) Animacy variation in the IT-sphere technical terms in Russian speech: typology, peculiarities, and accompanying processes.....	364
Plotnikova A.M. (Ekaterinburg, Russian Federation) The language of the technosphere in a dynamic aspect	379
Ratsiburskaya L.V. (Nizhny Novgorod, Russian Federation) Word-building innovations in modern Russian media.....	392
Severskaya O.I. (Moscow, Russian Federation) Slang markers with positive evaluation: the dynamics of competition	408
Fufaeva I.V. (Moscow, Russian Federation) Historical consonant alternations in the new Russian verbs paradigms	423
Shapovalenko E.V. (Kaliningrad, Russian Federation), Shkapenko T.M. (Kaliningrad, Russian Federation) Neologisms with the suffix -oid in modern Russian language	439

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

LEXICAL AND GRAMMATICAL TRENDS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-319-333

EDN: EHEDHD

Научная статья

Деривационный потенциал русских глаголов в современном интернет-дискурсе

Д.Ю. Газарова

Ереванский государственный университет, Ереван, Республика Армения

 dgazarova@ysu.am

Аннотация. В современном русскоязычном интернет-дискурсе аффиксация продолжает оставаться одним из самых продуктивных способов словообразования. При глагольной деривации активно используется префиксация и суффиксация. Одно из частых проявлений вербальной деривации — образование видовой пары. Цель исследования — систематизировать основные словообразовательные модели глагольной деривации в современном интернет-дискурсе и выявить, какие тенденции наблюдаются в процессе глагольного словопроизводства. Материал для исследования отбирался в социальных сетях, в тематическом отношении поиск не был ограничен. В качестве методов исследования были применены контент-анализ, словообразовательный, структурно-семантический и контекстуальный методы, интернет-опрос. Доказано, что глагольные новообразования не только сохраняют классические значения префиксов и суффиксов, описанные в академических трудах, но и приобретают новые семантические оттенки, обусловленные именно спецификой цифрового пространства. Анализ деривационных процессов с опорой на классическую систему значений глагольных аффиксов позволил установить, что интернет-коммуникация адаптирует традиционные морфологические модели под актуальные прагматические задачи: самовыражение, экспрессию и осуществление фатической, коммуникативной функций в цифровой среде. Сделан вывод о том, что богатый деривационный потенциал глаголов является показателем адаптации речи пользователя к виртуальному пространству и свидетельством гибкости русской морфологической системы, делающей интернет-коммуникацию экспрессивной и креативной. Перспективами исследования может стать анализ глаголов, связанных с искусственным интеллектом (*промптить, перегенерить*), или изучение возрастных особенностей использования экспрессивных аффиксов.

Ключевые слова: социальные сети, глагольная деривация, аффиксация, постфиксация, перфективация, вторичная имперфективация, идентификационная функция, интерактивность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Газарова Д.Ю., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 25.01.2026; принята к печати 29.04.2026.

Для цитирования: Газарова Д.Ю. Деривационный потенциал русских глаголов в современном интернет-дискурсе // Русистика. 2026. Т. 24. № 3. С. 319–333. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-319-333> EDN: EHEDHD

Введение

Язык интернета, обладающий своей спецификой, сочетает в себе элементы устной и письменной речи: «Формально речь в Интернете — письменная. С другой стороны, она представляет собой запись быстрых и спонтанных диалогов, неформальных и необдуманных, из-за чего приобретает множество черт речи устной» (Гурьянова, 2023: 77).

Об интернете как о новой среде общения, об особенностях орфографии и лексики интернет-языка начали говорить с конца 1990-х — начала 2000-х (Русский язык конца XX в., 2000; Crystal, 2006; Baron, 2008; Лутовинова, 2009; Кронгауз, 2013). Исследователи отмечали особый вид орфографии, выделяли функционально-стилистические и системные изменения в языке под давлением общения в Сети.

В дальнейшем к интернет-коммуникации стал применяться функционально-семантический подход (Шмелева, 2015). Исследователи отмечают, что изменения претерпевает каждый уровень языка (Иванова, Клушина, 2021; Хазова, 2023), особое значение стал приобретать социокультурный аспект общения в Сети, что проявилось, например, в анализе лексики периода пандемии (Русский язык коронавирусной эпохи, 2021; Шмелева, 2021; Жданова, Рацибурская, 2024). Таким образом, если вначале исследования носили описательный характер, фокусировались на особенностях нового явления — интернет-языка, то начиная с 2010-х гг. акцент сместился на изучение глубинных процессов, учет лингвопрагматических характеристик, влияющих на коммуникацию вообще и общение в интернете в частности: «Сравнительно с „неэлектронным“, традиционным языком усложняются одни и упрощаются другие языковые и речевые средства. Устная и письменная формы коммуникации вступают в сложное конкурентное взаимодействие» (Ефремов, 2013: 162). Фокус лингвистических исследований сместился с описания сленговых, жаргонных особенностей на анализ социокультурных и лингвопрагматических факторов (McCulloch, 2019; Calude, 2025; Szymańska, 2026). В качестве специфики интернет-коммуникации исследователи отмечали компрессивные явления, универбацию, словосложения (Маркова, 2024; Николина, 2024).

Язык интернета перестал восприниматься как изолированный язык: он стал зеркалом глобальных процессов и инструментом социальной адаптации (Рацибурская, Жданова, 2021). «Виртуальная языковая личность, реализуясь в новом коммуникативном пространстве, конструирует собственную бинарную оппозицию „реальный/виртуальный мир“; коммуникативные модели оппозиции „реальность/виртуальность“ начинают активно взаимодействовать, что закономерно приводит к изменению форм и средств ее репрезентации» (Марченко, 2013: 3).

Цель исследования — выявить основные словообразовательные модели русской глагольной деривации в современном интернет-дискурсе с применением сравнительного анализа относительно деривационных моделей, описанных в академической «Грамматике-80» (Русская грамматика, 1980).

Методы и материалы

Лексика интернета была зафиксирована в фундаментальных работах, таких как (Словарь языка Интернета.ру, 2016), в котором глаголы представлены лишь как часть общего списка с акцентом на семантику; (Русский язык коронавирусной эпохи, 2021), где рассмотрена лексика ковидного периода; словарь (Улуханов, 2025), зафиксировавший новые глаголы в общезыковом пространстве. Наше исследование сфокусировано на глагольной деривации на материале интернет-дискурса в постковидную эпоху (2021–2025 гг.), сосредоточено на морфодинамических процессах в актуальном цифровом дискурсе.

Материалом для исследования послужил богатый русскоязычный контент, представленный в блогах, комментариях, постах социальных сетей. Орфография и пунктуация авторов сохранены. Материал не был ограничен тематически: поиск проводился по различным интернет-платформам, анализировались посты разного содержания (образовательного, развлекательного, научного, делового).

Отобранный материал исследовали с помощью контент-анализа, словообразовательного, структурно-семантического и контекстуального методов. Мы также провели анонимный интернет-опрос, в качестве респондентов выступили студенты и выпускники факультета русской филологии Ереванского государственного университета в возрасте 20–27 лет (всего 60 человек). Респондентам был задан вопрос: «*Кто для вас френд?*», в качестве ответов предлагались следующие варианты: «*Друг, но не очень близкий*»; «*То же, что и друг*»; «*Всего лишь контакт в соцсетях*»; «*Знакомый, приятель*». Данные опроса о восприятии лексемы *френд* включены в нашу работу как база для объяснения деривационного выбора. Опрос позволил верифицировать когнитивные основания выбора конкретных морфологических моделей. Также в рамках читаемого автором статьи курса по интернет-лингвистике проводились наблюдение, устный опрос и отбор языковых новообразований, используемых магистрантами в повседневном общении. Все эти данные позволили выявить, какие словообразовательные модели являются доминирующими у современной молодежи. Статистическое преобладание определенных моделей в ответах магистрантов позволило говорить о формировании стандартных деривационных моделей.

Выводы, полученные на основе анализа материалов социальных сетей и интернет-опроса, дополнили наблюдения автора.

Результаты исследования

В результате анализа собранного материала, данных онлайн-опроса и устного опроса студентов выявлено, что в русскоязычном интернет-пространстве в основном реализуется три типа аффиксальной глагольной деривации: префиксальная, суффиксальная и постфиксальная. В современном словопроизводстве превалирует префиксация.

К заимствованным корням присоединяются разнообразные русские суффиксы и префиксы: от иноязычной лексемы (существительного) образуется глагол с соответствующим суффиксом (*френд* — *френдить*, *лайк* — *лайкать*), а уже потом к данному глаголу присоединяются префиксы с различной семантикой. В основном это префиксы со значением завершенности действия (глаголы совершенного вида): *лайкать* — *отлайкать*, *френдить* — *зафрендить*. Присоединяемые префиксы могут быть омонимичными: *расфрендить*, *разлайкать* (значение прекращения действия, испытываемого состояния) и *расшарить* (дистрибутивное значение); *отлайкать* (*все посты*) — доведение действия до конца и прекращение действия и *отлайкать* (*случайно лайкнувших*) — обратное, противоположное действие. В ходе исследования выявлен основной набор наиболее частотных префиксов, участвующих в глагольной деривации единиц, особенно активно используемых в интернет-пространстве.

Из суффиксов чаще всего используются суффиксы *-и(ть)* на базе иноязычных корней: *кринжить*, *троллить*, *стримить*, *чилить* и др. Интересен тот факт, что в конце XX — начале XXI вв. наблюдалась иная тенденция: суффикс *-и(ть)* был менее употребителен в заимствованиях, в отличие от частотных тогда глаголов на *-ирова(ть)*, *-изирова(ть)*, *-ова(ть)*: «Менее активны глаголы на *-ить*, имеющие разговорный характер. Они часто образуются от названий инструментов, орудий: *ксерить*, *факсить*» (Русский язык конца XX столетия, 2000: 129). Наш анализ показал, что ситуация изменилась и именно суффикс *-и(ть)* наиболее активен в глагольном словопроизводстве интернет-новаций. В интернет-языке этот суффикс стал показателем несовершенного вида глагола, в отличие от глагольных новообразований в других типах дискурса (ср. *объяснять* — *объяснить* vs *хейтить* — *захейтить*).

В ходе анализа выявлены также случаи вторичной имперфективации глаголов (*забанивать*, *откомменчивать* и др.).

Обсуждение

Социальные сети представляют собой особый жанр интернет-дискурса. Как отмечает Е.Я. Шмелева, «с каждым годом для все большего числа людей место СМИ занимают социальные сети, блоги и форумы, и для них „поставщиком“ новых слов и словообразовательных моделей является язык интернет-коммуникации, отличающийся рядом особенностей» (Шмелева, 2015: 46).

С развитием интернет-общения увеличилось число новообразований: субстантивных, адъективных, глагольных. В аспекте словопроизводства глагола наиболее активна префиксация, и этот процесс не нов для русского языка: «Среди глаголов имеются единицы, используемые и как средства номинации, и как средства экспрессии, и как средства стилистической маркировки речи» (Русский язык конца XX столетия, 1996: 139). В современном интернет-языке префиксация стала более интенсивной. Именно этой интенсификацией и разнообразием словопроизводства обусловлена актуальность нашей работы. Для начала рассмотрим два основных корня-«поставщика» новообразований в интернет-дискурсе.

Лайк

Слово *лайк* (от англ. to like ‘нравиться’) в Рунете используется как частотное существительное, которое «оказалось необычайно удобно, потому что *лайк* сразу стал единицей измерения успеха, популярности, остроумия, значимости и актуальности, а единице должно соответствовать существительное» (Кронгауз, 2013: 263). Лайк уже давно стал не только единицей измерения успеха, но и весьма емким знаком коммуникации, выражающим различные значения: одобрение, сочувствие, подтверждение; это своего рода универсальный и многофункциональный маркер внимания.

Данная лексема служит производящей основой для глагольных новообразований: *лайкать, лайкнуть, залайкать, облайкать, отлайкать, недолайкать, перелайкать, лайкануть* и др. Префиксы формируют у глаголов с данным корнем новые оттенки значения: завершение и прекращение действия (*отлайкать* — по аналогии с *отлюбить*); дистрибутивное значение, многократное и поочередное действие, распространенное на все или многие объекты (*перелайкать*); доведение действия до конца (*облайкать*), недостаточная степень действия (*недолайкать*) и т.д. На специфику префиксальных значений часто указывают сопутствующие маркеры:

Я вас всех готова облайкать 100500 раз!; Нет, чтобы облайкать меня с головы до ног!; Сколько нужно времени, чтоб это все облайкать? Пришла только вас отлайкать, на разговоры нету сил; За это время стараюсь быстрее всех отлайкать и отсмотреть.

Также корень *-лайк-* присоединяет суффикс *-ану(ть)*: *лайкануть*. Слово образовано по аналогии с глаголами типа *сказануть, психануть, хлестануть, крутануть, рискануть* и др., которые характерны для разговорно-сниженной речи и просторечия:

Лайканул в поддержку и подписался; Я лайканула, считай продвинула коммент; На всякий случай — лайкану; Это личный аккаунт, сейчас с рабочего лайкану.

Отметим также, что данный корень активно участвует и в именных словообразованиях: *лайкозависимость, лайкатель, лайкоголик, лайкатель, лайкобукет, лайко-попрошайки, лайко-инфляция, лайкофил, лайкоман* и др. Однако активнее всего корень *-лайк-* участвует именно в глагольной деривации.

Френд

Как указано в (Словарь языка Интернета.ру, 2016: 228), «*френд* — это участник социальной сети или автор блога, добавленный в список контактов другого пользователя с помощью специальной кнопки и имеющий доступ к информации на его странице, от английского *friend* с тем же значением, буквально „друг“».

В русском языке сосуществование этих двух слов имеет четкие разграничения: *друг* — этическая категория, *френд* — функциональная категория. Интернет-опрос 60 респондентов в возрасте 20–27 лет дал следующие результаты. Из предложенных четырех вариантов толкования слова *френд* участники

не выделили ни одного доминирующего: 9 респондентов выбрали вариант «то же, что и друг», 16 респондентов указали, что френд — это «друг, но не очень близкий», 16 опрошенных отметили, что это «знакомый, приятель», 19 респондентов определили френда как «всего лишь контакт в соцсетях». По результатам видно, что меньше всего респондентов считают, что *френд* и *друг* — синонимы. Следующие употребления подтверждают данное наблюдение:

Френдзона не равно дружба, согласны; Приехал ко мне в гости мой далекий и незнакомый доселе френд; Я ему была никто, френд из фб.*

От данной лексемы в русском языке образованы глаголы: *френдить(ся)*, *зафрендить(ся)*, *расфрендить(ся)*, *отфрендить(ся)*:

ФБ вдруг предлагает зафрендить людей, с которыми я общался лет 20–25 назад; Спозвольте зафрендиться? Очень нравится беседа; Всем тем, кого я раздражаю, предлагаю отфрендиться.*

«Набор характерных приставок только подчеркивает отличия *френда* от друга: *задружить* кого-то невозможно, но и крепко *сфрендиться* с кем-то затруднительно» (Кронгауз, 2013: 258).

Разумеется, в интернет-дискурсе сохраняется противопоставление имени и глагола: основное значение существительного — это предметность, номинация, статичный «ярлык», в то время как глагол выражает значение процессуальности, динамичный процесс. Так, в случаях, когда речь идет о категоричности, о фиксировании и констатации факта, ситуации, используется существительное (*расфренд*), образованное посредством нулевой суффиксации от глагола *расфрендить* (по аналогии с *выходить* — *выход*, *разобрать* — *разбор*, *призывать* — *призыв* и др.):

Расфренд, дальше не по пути; Сразу предупреждаю двухходовки я играю быстро — одно нарушение — расфренд, второе нарушение — бан.

В случаях же, где акцентируется динамика действия, используется уже глагол: *А потом я его расфрендил; Как расфрендить человека в тредсе*? Если вы хотели кого-то отфрендить, почистить каналы в телеге... — сделайте это наконец и живите спокойно!*

Мы не случайно предварили анализ основного набора префиксов и суффиксов, участвующих в глагольной деривации, рассмотрением этих двух корней: *-лайк-* и *-френд-*. Как нам кажется, эти словообразовательные процессы послужили моделью для других новообразований в интернет-языке. Являясь одними из первых массово освоенных в интернете заимствований, данные лексемы сформировали первичные словообразовательные модели и послужили своеобразным «деривационным фильтром» для грамматической адаптации последующих заимствований. Именно на этих моделях была апробирована жизнеспособность различных префиксов и суффиксов в цифровой среде, что в дальнейшем позволило им функционировать в качестве словообразовательных прототипов.

* Данные социальные сети принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

Глагольная префиксация

Выделим наиболее частые префиксы глагольных новообразований и проследим, насколько значения данных префиксов, указанные в «Грамматике-80», реализованы в интернет-дискурсе:

- **за-**: *захейтить*, *забайтить*, *заспамить*, *залайкать*, *зафрендить*, *забуллить*, *запостить*, *зарегиться* и др.

Значения префикса, реализуемые в интернет-дискурсе:

- начало действия (по аналогии с *запеть*, *заговорить*): *зафолловить*, *залогиниться*;

- доведение действия до результата (по аналогии с *законспектировать*, *зарегистрировать*): *забайтить*, *запостить*, *зафиксировать*;

- доведение до нежелательного состояния (негодности, утомления, истощенности) посредством действия (по аналогии с *задразнить*, *закормить*, *загубить*): *забанить*, *заспамить*, *захейтить*.

Примеры: *Вас не получится захейтить, если у вас есть самоирония; Случайно не могла залогиниться пять дней; Подскажите эффективный способ зафиксировать режим сна; Предлагаю заскринить этот пост.*

- **от-**: *отлайкать*, *отфрендить*, *отхейтить*, *оттегать*, *откомментировать* и др.

Значения префикса, реализуемые в интернет-дискурсе:

- ответное действие (по аналогии с *отблагодарить*, *отомстить*): *откомментировать*;

- финитивное значение (по аналогии с *отрегулировать*): *отпостить*, *отстримить*;

- экспрессивная интенсификация (по аналогии с *отрепетировать*, *отработать*): *отхейтить*;

- прекращение действия (по аналогии с *отгреметь*, *отзвучать*, *отцвести*): *отлайкать*.

Примеры: *Мемы отпостил, аватарку обновил; Надо отфрендить всех, кто не лайкнул; Отстримил сегодня четыре часа, сходил на работу; Отдушил по полной; Всех подряд они отхейтить не смогут!*

- **по-**: *погуглить*, *полайкать*, *похейтить*, *поскринить*, *поагрить* и др.

Значения префикса, реализуемые в интернет-дискурсе:

- ограничение действия во времени (по аналогии с *поработать*, *понаблюдать*): *поскроллить*, *постримить*, *посвайпать*;

- результативность (по аналогии с *поблагодарить*, *подарить*, *пожалеть*): *пофиксировать*, *полайкать*;

- смягчение действия, незначительная интенсивность (по аналогии с *портить*, *попридерживать*): *потроллить*.

В отличие от экспрессивного и результативного значения префикса *за-* (*захейтить*, *залайкать*), в случаях с префиксом *по-* подчеркивается временный, ограничительный характер действия. И это основное значение данного префикса в интернет-языке:

Примеры: *На комменты решили побайтить; Любите похейтить?; Настроение чуток покринжить; Потом среди ночи проснулся, поскроллил и дальше спать.*

- **об-**: *облайкать, обскринить, обхейтить, обтроллить* и др.

В интернет-дискурсе реализуется следующее значение префикса **об-** — распространение действия на все стороны объекта, на многие объекты (по аналогии с *объехать пол-Европы, обойти все магазины*).

Примеры: *Удивительно, как еще не набежали специалисты... чтобы вас обхейтить с головы до ног; Еще один облайкал все хайлатсы; Не ожидала, что такой безобидный пост можно умудриться обхейтить;*

- **на-**: *наспамить, налайкать, нафрендить, напостить, наскринить* и др.

Основное значение префикса, реализуемое в интернет-дискурсе, — накопительное значение (по аналогии с *накупить, наловить*): *напостить, накомментить, нагуглить, нафлудить*:

Примеры: *Вы когда успели столько напостить?; Очень хочется везде накомментить, но у меня лимиты; Тот случай, когда хотела набайтить комментов, но придуманная история не совпала с реальностью; Посмотрел повтор и наскринил эпичных фото.*

Префикс **на-** выражает мультиобъектность и мультисубъектность: «Мультиобъектность достаточно продуктивно выражается префиксом **на-** в одном из его значений, ср. *накупить книг, наделать долгов, наговорить глупостей* и т.п. В то же время, при единичных непреходных глаголах префикс **на-** может выражать и мультисубъектность, ср. *нападало листьев* или *со всех сторон набежали любопытные*» (Плунгян, 2011: 158).

- **про-**: *прогуглить, пролайкать, проскроллить, проспамить, пролагать* и др.

Значения префикса, реализуемые в интернет-дискурсе:

– тщательное выполнение действия (по аналогии с *продумать, прожарить*): *прогуглить, пролайкать*;

– упущение, пропуск, ошибка (по аналогии с *прослушать, проехать свою остановку*): *проскроллить*;

– совершение действия в течение какого-нибудь времени, временная протяженность действия (по аналогии с *проговорить до утра, прождать весь вечер*): *простримить*.

Примеры: *После моего совета прогуглить, прежде чем делать такие выводы, я в блоке; Мужчины, а вот если вы не поленились пролайкать всю стену в инсте* — это что-нибудь значит?; Знаете, я залип в ТикТоке в 2 ночи и случайно проскроллил видео Джареда Лето, где он рассказывал про отказ от гаджетов на 12 дней; 10 часов простримить не удалось.*

- **раз- (рас-)**: *расфрендить, разлайкать, расшарить, разбанить, развирснуть* и др.

Значения префикса, реализуемые в интернет-дискурсе:

– обратное действие (по аналогии с *разлюбить, разочароваться*): *разбанить, разлайкать*;

* Данные социальные сети принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

– распределение, распространение действия в разные стороны, дистрибутивное значение (по аналогии с *разъехаться*, *разбросать*): *расшиарить*, *распостить*.

Примеры: *Я решила сегодня **разбанить** всех; У друга бывшая забыла **разлогиниться**; И все лайки **разлайкать**! Чтобы **расшиарить** свой музыкальный плейлист, нужно действительно доверять людям; И фото ее надо бы по инету **распостить**.*

• **пере-**: *перезалить*, *перепостить*, *перехейтить*, *перелайкать*, *перебанить* и др.

Значения префикса, реализуемые в интернет-дискурсе:

– повторное действие (по аналогии с *переделать*, *переучить*, *перечитывать*, *переформировать*): *перезалить*, *перепостить*, *перегенерить*;

– совершение действия с нежелательно большой длительностью и интенсивностью (по аналогии с *переплатить*, *перекормить*, *перехвалить*): *переспамить*, *перехейтить*, *перелайкать*;

– действие в целях превзойти другого исполнителя этого действия (по аналогии с *перекричать*, *переиграть*, *переспорить*): *передуинить*;

– дистрибутивное значение (по аналогии с *перепробовать*, *перебывать*): *перебанить*, *перескринить*.

Примеры: *Победить дуинилу можно только **передуинив**; Я тебе **переспамлю**! Если этого неостаточно могу вернуться на сайт и **перескринить**; План на 2025 год в Тредс*: **перебанить** всю «элику» и жить спокойно.*

• **при-**: *приконнектиться*, *приаттачить*, *прилинковать* и др.

Основное значение данного префикса, реализуемое в интернет-дискурсе, — это присоединение (по аналогии с *приклеить*, *пристегнуть*):

Примеры: *Главное не забыть сам attachment **приаттачить**; Там еще все объекты **прилинковать** надо; Я хочу **приконнектиться**.*

При сборе и анализе материала другие значения префикса *при-* (значения неполноты действия (*приоткрыть*), дополнительного действия (*прикупить*), доведение действия до результата (*приготовить*, *приручить*) нам не встретились. Возможно, это связано с тем, что эти значения более продуктивно выражены в интернет-языке префиксами *по-* и *за-*. Данные префиксы, как видно из проведенного анализа, являются самыми продуктивными в интернет-дискурсе.

Глагольная суффиксация

Среди суффиксов наиболее активно используются следующие: *-и(ть)*, *-а(ть)*, *-ну(ть)*, *-ану(ть)*: *троллить*, *агрить*, *игнорить*, *кринжить*, *хейтить*, *байтить*, *френдить*, *стримить*, *чилить*, *банить*, *офтопить*, *скринить*, *лайкнуть*, *глюкнуть*, *тегнуть*, *лайкануть*, *хайпануть* и др.

В Сети часто используется суффикс *-ану(ть)*, который вносит экспрессивно-интенсивный оттенок: *хайпануть*, *лайкануть*, *чекануть*, *глюкануть* и др.

* Данные социальные сети принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

Примеры: *Говорю просто, чтоб хайпануть; Явно может глюкануть; Он теганул на моем сердце; Лайканул, теперь любить будешь?*

Суффикс *-ану(ть)* вносит значение интенсивности, внезапности, резкости действия.

Относительно суффикса *-и(ть)* еще раз отметим, что в новациях интернет-языка этот суффикс реализует значение несовершенного вида, в отличие, например, от употребления в других видах дискурса, где *-и(ть)* является маркером совершенного вида и противопоставлен суффиксу *-а(ть)/-я(ть)*: *решать — решить, изучать — изучить, заявлять — заявить* и т.д. В интернет-дискурсе же наблюдается отличная от данной видовая оппозиция: *-и(ть)* — показатель несовершенного вида, а суффикс *-ну(ть)* или префикс *за-* — показатели совершенного вида:

хейтить — захейтить, лайкать — лайкнуть, пружить — запружить, банить — забанить и др. Суффикс *-а(ть)* тоже встречается как показатель несовершенного вида, но реже: *свайпать, кликать, лайкать, юзать* и др.

Примеры: *В научные труды кто-нибудь донатит? Ветка с просьбой задонатить второй день гуляет по тредс**; *Потом все идут фиксить ошибку; Я решила кринжить по полной; Крашить кого-то — это не только про внешность; Надо было кликнуть по верхней части экрана, но именно в этот момент пришло уведомление от человека, которого ты игноришь; Стараясь читать каждого и свайпнуть вправо правильного человека.*

В интернет-дискурсе встречаются случаи вторичной имперфективации, при которой от глагола несовершенного вида образуется совершенный вид, а затем от этого перфекта происходит вторичное образование несовершенного вида: *комментить — откомментить — откомменчивать; банить — забанить — забанивать; лайкать — отлайкать — отлайкивать; тегать — затегать — затегивать; скроллить — проскроллить — проскролливать*. В результате вторичный имперфектив становится семантически ближе к глаголу совершенного вида, чем первичный: «На первый взгляд, оба глагола несовершенного вида — *читать и прочитывать* — могут выступать в роли имперфективного субститута глагола *прочитать*, ср.: *Он берет записку, читает ее и выбегает из комнаты* и *Он берет записку, прочитывает ее и выбегает из комнаты*. Здесь, однако, имеется тонкое семантическое различие: форма *читает*, в отличие от формы *прочитывает* (и формы СВ *прочитал*), ничего не сообщает о том, было ли доведено чтение до конца» (Зализняк, Шмелев, 2000: 51).

Эти процессы указывают на способы адаптации, освоения заимствованных корней. Одновременно вторичные имперфекты придают дискурсу экспрессивность.

Глагольная постфиксация

Постфиксация также используется в интернет-дискурсе для глагольных новообразований: *скуфиться, сфрендиться, зафолловиться, залогиниться, агриться, замэтчиться, сконнектиться, стримиться* и др.

* Данные социальные сети принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

В интернет-дискурсе реализуются три основных значения постфиксации:

- собственно-возвратное (по аналогии с *умываться, настраиваться*);
- общевозвратное (по аналогии с *сердиться, тревожиться*);
- взаимно-возвратное (по аналогии с *видеться, обниматься*):

*Ребят, мой лучший друг начал **скуфиться**; Планы на вечер — не **соскуфиться** окончательно; Да и как их там не **шипперить**, если они сами готовы **шиппериться**? Прости, я не собиралась **мэтчиться** с тобой; А почему вы не можете не читать, не комментить, не **агриться**, а просто пройти мимо? Оо, еще много мест, где можно **кринжиться**; Девочки, а по кому вы **крашились** из селебов или актеров?*

На наш взгляд, не случайно, что именно эти значения (собственно-возвратное, общевозвратное и взаимно-возвратное) превалируют в употреблении постфиксальных глагольных новообразований, так как интернет-пространство характеризуется эмоциональностью, экспрессивностью и *интерактивностью*, а важнейшими функциями интернета вообще и социальных сетей в частности являются коммуникативная, экспрессивная и идентификационная функции.

Заключение

Итак, в интернет-языке глагольная деривация происходит довольно активно. Основным инструментом освоения заимствованных корней становится глагольная префиксация. Анализ показал, что глагольные префиксы сохраняют свои традиционные значения, отмеченные, например, в «Грамматике-80»: дистрибутивное, инхоативное, финитивное, ограничительное значения. Однако в инновациях языка цифрового пространства морфемы приобретают дополнительные экспрессивные и лингвопрагматические функции, нейтральным аффиксам предпочитают морфемы с эмоциональной нагрузкой (*лайкануть, хайпануть, обхейтить, захейтить*), меняются способы перфективации (суффикс *-и(ть)* становится показателем несовершенного вида); постфикс *-ся* подчеркивает интерактивную сущность интернет-пространства, акцентируется межличностная коммуникация.

Интернет-дискурс не разрушает словообразовательную систему языка, а актуализирует те или иные значения. Опираясь в процессе анализа на основные значения глагольных аффиксов, указанных в академической грамматике, мы пришли к выводу, что интернет-коммуникация, сетевой «новояз» адаптирует их под задачи самовыражения, фатического, экспрессивного общения в Сети.

Проведенное исследование глагольной деривации позволило выявить системность деривационных процессов, которые подчиняются определенным морфологическим закономерностям. Несмотря на иноязычную природу производящих основ, их адаптация происходит в строгом соответствии с деривационными моделями, описанными в академической «Грамматике-80». Богатство аффиксальных моделей, используемых в современном русскоязычном интернет-дискурсе, говорит о гибкости русского языка: заимствованные кор-

ни осваиваются, русифицируются посредством нанизывания русских аффиксов. Все эти процессы делают интернет-коммуникацию экспрессивной, яркой, живой, креативной и точной.

В качестве перспективы исследования можно наметить анализ глаголов, связанных с ИИ (*промтнуть, инференсить, регенерить* и др.), анализ возрастных особенностей в активном глагольном словопроизводстве (например, возрастная стратификация использования более экспрессивных аффиксов), а также анализ сдвига в глагольном управлении, в выражении категории переходности/непереходности глаголов, анализ процесса деобъективизации (например, глаголы *гуглить, стримить, постить, промтнуть* и др. все чаще функционируют как непереходные, хотя изначально употреблялись как переходные).

Список литературы

- Гурьянова С. В начале было кофе. Лингвомифы, речевые «ошибки» и другие поводы поломать копья в спорах о русском языке. М. : Эксмо, 2023. 368 с.
- Ефремов В.А. Русский язык в интернете // Октябрь. 2013. № 5. С. 161–165. EDN: TMFJOP
- Жданова Е.А., Рацибурская Л.В. Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 350–362. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362> EDN: RRNCCG
- Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М. : Языки славянских культур, 2000. 226 с. EDN: SMRQNX
- Иванова М.В., Клушина Н.И. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 367–382. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382> EDN: FYERZY
- Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского : монография. М. : АСТ, 2013. 412 с. EDN: SBVWBV
- Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 40 с. EDN: NKYPVB
- Маркова Е.М. Компрессия языковой формы в современной русской речи // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 375–391. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391> EDN: SMXPSU
- Марченко Н.Г. Социальная сеть «ВКонтакте»: лингвопрагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 21 с. EDN: ZOQWMZ
- Николина Н.А. Тенденции развития компрессивного словообразования в современном русском языке // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 392–405. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-392-405> EDN: SJAWZD
- Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : монография. М. : РГГУ, 2011. 672 с. EDN: PWOOPJ
- Рацибурская Л.В., Жданова Е.А. Специфика русских медийных новообразований в отражении социальных реалий // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 466–480. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480> EDN: GFKECE
- Русская грамматика : в 2-х т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / редкол.: Н.Ю. Шведова и др. М. : Наука, 1980. 783 с.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995) : монография / отв. ред. Е.А. Земская. М. : Языки русской культуры, 2000. 480 с. EDN: PWASVD
- Русский язык коронавирусной эпохи : монография / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. 610 с. EDN: PZXQOJ

- Словарь языка Интернета.ru / под ред. М.А. Кронгауза. М. : АСТ : Пресс-книга, 2016. 288 с. EDN: YIGFFB
- Улуханов И.С. Новые фиксации глаголов в русском языке XX–XXI вв. : словарь-справочник. М. : ЛЕНАНД, 2025. 656 с.
- Хазова А.Б. Изучение компьютерно-опосредованной коммуникации в лингвистическом аспекте // Вопросы языкознания. 2023. № 2. С. 144–156. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.2.144-156> EDN: STNHQK
- Шмелева Е.Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 146–152. EDN: UXQQNB
- Шмелева Е.Я. Русский ковидный: новые языковые явления глобальной пандемии // Russian Language Journal. 2021. Т. 71. № 2. С. 319–333. <https://doi.org/10.70163/0036-0252.1017> EDN: WEWBQY
- Baron N.S. Always on: Language in an online and mobile world. Oxford : Oxford University Press, 2008. 304 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195313055.001.0001>
- Calude A.S. Linguistics of social media: an introduction to the special issue // Languages. 2025. Vol. 10. № 6. 140. <https://doi.org/10.3390/languages10060140> EDN: BEGZQF
- Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. 318 p.
- McCulloch G. Because Internet: understanding how language is changing, London : Harvill, Secker, 2019. 336 p.
- Szymańska M. Linguistic creativity on digital platforms. Exploring neologism motivation on social media // Language and dialogue. 2026. Vol. 16. № 1. Pp. 30–48. <https://doi.org/10.1075/ld.00218.szy> EDN: CPSQPT

Сведения об авторе:

Газарова Диана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русской филологии, Ереванский государственный университет, Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, д. 1. *Сфера научных интересов*: прагмалингвистика, интернет-лингвистика, лингвополитология, русский как иностранный. ORCID: 0009-0008-4632-7128. SPIN-код: 3077-6858. E-mail: dgazarova@ysu.am

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-319-333

EDN: EHEDHD

Research article

The derivational potential of Russian verbs in modern internet discourse

Diana Y. Gazarova

Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia

✉ dgazarova@ysu.am

Abstract. In modern Russian-speaking internet discourse, affixation remains one of the most productive ways of word formation. Prefixation and suffixation are active in verbal derivation. A frequent verbal derivation is the formation of aspectual pairs. Cases of secondary imperfectivization are also of particular interest. The research attempts to systematize the main word-formation models of verbal derivation in internet discourse and identify current trends in

verb formation. The research material was selected from various social media platforms without thematic restrictions. Research methods included content analysis, word-formation, structural-semantic, contextual scientific analysis, and online survey. The study proves that verbal neologisms not only preserve the traditional meanings of prefixes and suffixes established in academic works but also acquire new semantic components due to the specifics of the digital space. The analysis of derivational processes based on the classical system of verbal affix meanings reveals that internet communication adapts traditional morphological models to its current pragmatic tasks: self-expression, emotional emphasis, and phatic and communicative functions in the digital environment. The authors conclude that the rich derivational potential of verbs indicates users' adaptation to virtual space and demonstrates the flexibility of Russian morphological system. This makes internet communication expressive, creative, and precise. Future research prospects include the analysis of verbs related to artificial intelligence (*промннуть* 'to prompt', *перегенернуть* 'to regenerate') or the study of age-related characteristics in the use of expressive affixes.

Keywords: social networks, verbal derivation, affixation, postfixation, perfectivization, secondary imperfectivization, identification function, interactivity

Conflict of interest. The author has no conflict of interest to declare.

Article history: received 25.01.2026; accepted 29.04.2026.

For citation: Gazarova, D. Y. (2026). The derivational potential of Russian verbs in modern internet discourse. *Russian Language Studies*, 24(3), 319–333. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-319-333> EDN: EHEDHD

References

- Baron, N. S. (2008). *Always on: Language in an online and mobile world*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195313055.001.0001>
- Calude, A. S. (2025). Linguistics of social media: An introduction to the special issue. *Languages*, 10(6), 140. <https://doi.org/10.3390/languages10060140> EDN: BEGZQF
- Crystal, D. (2006). *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Efremov, V. A. (2013). Russian language on the Internet. *Oktyabr*, (5), 161–165. (In Russ.). EDN: TMFJOP
- Gur'yanova, S. (2023). *In the beginning, there was coffee. Linguistic myths, speech "errors" and other reasons to spar in debates about the Russian language*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.).
- Ivanova, M. V., & Klushina, N. I. (2021). Russian language in modern web space: Dynamic processes and development trends. *Russian Language Studies*, 19(4), 367–382. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382> EDN: FYERZY
- Khazova, A. B. (2023). Linguistic studies of computer-mediated communication. *Voprosy Jazykoznanija*, (2), 144–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.2.144-156> EDN: STNHQK
- Krongauz, M. A. (2013). *Self-study book of "Olbanian"*. Moscow: AST: CORPUS Publ. (In Russ.). EDN: SBVWBV
- Krongauz, M. A. (Ed.). (2016). *Dictionary of internet.ru language*. Moscow : AST: Press-kniga Pibl. (In Russ.). EDN: YIGFFB
- Lutovinova, O. V. (2009). *Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse*. [Author's abstr. dr. phil. diss.]. Volgograd. (In Russ.). EDN: NKYPVB
- Marchenko, N. G. (2013). *The social network "VKontakte": A Linguistic-Pragmatic Perspective*. [Author's abstr. cand. phil. diss.]. Rostov-on-Don. (In Russ.). EDN: ZOQWMZ

- Markova, E. M. (2024). Language form compression in modern Russian speech. *Russian Language Studies*, 22(3), 375–391. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391> EDN: SMXPSU
- McCulloch, G. (2019). *Because Internet: understanding how language is changing*. London: Harvill, Secker.
- Nikolina, N. A. (2024). Trends of compressive word formation in modern Russian language. *Russian Language Studies*, 22(3), 392–405. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-392-405> EDN: SJAWZD
- Plungyan, V. A. (2011). *Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages*. Moscow: RSSU Publ. (In Russ.). EDN: PWOOIL
- Priemysheva, M. N. (Ed.). (2021). *The Russian language of the coronavirus era: monograph*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.). EDN: PZXQOJ
- Ratsiburskaya, L. V., & Zhdanova, E. A. (2021). The specificity of Russian media neoderivatives reflecting social realia. *Russian Language Studies*, 19(4), 466–480. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480> EDN: GFKECE
- Shmeleva, E. Ya. (2015). Internet communication: New trends in Russian word formation. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, (2), 146–152. (In Russ.). EDN: UXQQNB
- Shmeleva, E. Ya. (2021). COVID-Russian: New linguistic features from a global pandemic. *Russian Language Journal*, 71(2), 319–333. (In Russ.). <https://doi.org/10.70163/0036-0252.1017> EDN: WEWBQY
- Shvedova, N. Y. (Ed.). (1980). *Russian grammar: in 2 vol. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
- Szymańska, M. (2026). Linguistic creativity on digital platforms. Exploring neologism motivation on social media. *Language and Dialogue*, 16(1), 30–48. <https://doi.org/10.1075/Id.00218.szy> EDN: CPSQPT
- Ulukhanov, I. S. (2025). *New fixations of verbs in the Russian language of the 20th-21st centuries*. Moscow: LENAND Publ. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., & Shmelev, A. D. (2000). *Introduction to Russian Aspectology*. Moscow: LRC Publ. (In Russ.). EDN: SMRQNX
- Zemskaya, E. A. (ed.). (2000). *Russian language of the late 20th century (1985–1995)*. Moscow: LRC Publ. (In Russ.). EDN: PWASVD
- Zhdanova, E. A., & Ratsiburskaya, L. V. (2024). Lexical and word-formation innovations in the Russian-language Internet communication: Productive word-formation models. *Russian Language Studies*, 22(3), 350–362. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362> EDN: RRNCCG

Bio note:

Diana Y. Gazarova, Candidate of Philology, Associate professor, Dean of the Faculty of Russian Philology, Yerevan State University, 1 Alex Manoogian st., Yerevan, 0025, Republic of Armenia. *Research interests*: pragmalinguistics, Internet linguistics, political linguistics, Russian as a foreign language. ORCID: 0009-0008-4632-7128. SPIN-code: 3077-6858. E-mail: dgazarova@ysu.am

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-334-349

EDN: EIDHRM

Научная статья

Комбинации сочинительных союзов в современной русской речи

М.Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉ dym2005@list.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена особым вниманием современной лингвистики к грамматической семантике, в т.ч. к явлениям так называемого «малого» синтаксиса. Цель исследования заключается в привлечении внимания к ранее не изучавшемуся явлению комбинирования сочинительных союзов в одном ряду и первичном описании четырех случаев такого комбинирования. Рассмотрены полученные по запросам в Национальном корпусе русского языка конструкции, в которых введены: 1) в ряд с повторяющимся союзом *ни... ни* — дополнительный союз *и*; 2) в такой же ряд — дополнительный союз *да и*; 3) в такой же ряд — союзное сочетание *но и*; 4) в ряд с повторяющимся союзом *то ли... то ли* — дополнительный союз *а*. Показано, что во всех случаях введение эксплетивного союза связано с реализацией дополнительных функций: ритмического выравнивания фразы (*и*), подчеркивания замкнутости ряда (во всех случаях), выражения колебаний говорящего (*да и*), добавления уступительного или противительно-отождествительного оттенка (*но и*), подчеркивания высшей точки градиционной шкалы (*а*). Показано также, что, хотя описанные комбинации обладают разной степенью распространенности (первая и последняя — широкой, вторая и третья — значительно меньшей), все они особенно актуальны для текущего состояния русского языка. Некоторые из них впервые фиксируются только в XX в., другие известны давно, но ранее использовались редко, а с середины XX в. демонстрируют заметный рост употребительности.

Ключевые слова: сочинение, повторяющийся союз, составной союз, сочетание сочинительных союзов, сочиненный однородный ряд, семантика сочинительной связи

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 05.02.2026; принята к печати 18.05.2026.

Для цитирования: Дымарский М.Я. Комбинации сочинительных союзов в современной русской речи // Русистика. 2026. Т. 24. № 3. С. 334–349. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-334-349> EDN: EIDHRM

Введение

В русистике хорошо известны и описаны комбинации подчинительных союзов, возникающие прежде всего при вложении одного придаточного в другое (*сообщил, что, если ..., то ...; придет, если, хотя это и маловероятно, позовут* и мн. др.). Подобным конструкциям посвящены и монографические исследования, например (Гаврилова, 1979), и статьи (Ганцовская, 1974; Ивкова, 2017; Волкова, Коротун 2023). Уделяется внимание также случаям сочетания сочинительного и подчинительного средств связи (Беднарская, 2020). Рассматриваются сочетания сочинительных союзов с конкретизаторами (*и поэтому; но зато*) и квалификаторами (идея разграничения конкретизаторов и квалификаторов принадлежит М.И. Черемисиной и Т.А. Колосовой (Гаврилова, 2015: 76).

Меньше внимания уделяется комбинациям сочинительных союзов: *а + то, но + и* и др. Показательно, что, например, в работе (Логачева, 2012) не приведено ни одного примера таких комбинаций, хотя, как показывает наш материал, в лирике XIX–XX вв. это явление не столь редкое. В работах по сочинительной связи наблюдается тенденция к признанию подобных комбинаций отдельными производными (составными) союзами. Так, в (Апресян, Пекелис, 2012) только в списке повторяющихся союзов (не комбинаций союзов, а именно союзов) фигурируют *то... то... а то; то... то... а то и; либо... либо... то ли; либо... либо... или; то ли... то ли... или* и др. Некоторым из таких составных союзов посвящены специальные работы, например (Урысон, 2010; 2011).

Цель исследования — анализ четырех случаев комбинирования сочинительных союзов в одном ряду. Это случаи, когда комбинация сочинительных союзов имеется, но говорить об отдельном составном союзе, как кажется, нет оснований.

Методы и материалы

В фокусе внимания 4 сочетания: 1) *ни... ни... и ни...;* 2) *ни... ни... да и ни;* 3) *ни... ни... но и ни;* 4) *то ли... то ли... а то ли.* Отличительная особенность этих комбинаций заключается в их особой актуальности для современного русского языка. Некоторые из них фиксируются, согласно данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), лишь начиная с середины XX в., другие фиксировались и ранее, однако примеры, датированные XVIII–XIX вв., единичны; подавляющее же большинство примеров, извлекаемых по соответствующим запросам из НКРЯ¹, датировано второй половиной XX и XXI вв.

Источником материала послужил НКРЯ; в отдельных случаях привлекались материалы из личной картотеки автора. Все высказывания, ставшие объектом анализа, принадлежат письменной речи, в абсолютном большинстве случаев прошедшей стадию редактирования; материал устной речи к анализу не привлекался.

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 1.03–20.03.2026).

В числе методов, кроме наблюдения и описания, будут использованы простейший синтаксический эксперимент и элементы семантического анализа.

Результаты

Анализ материала позволил установить, что во всех рассмотренных случаях введение эксплетивного союза связано с реализацией дополнительных функций: ритмическое выравнивание фразы (*и*), подчеркивание замкнутости ряда (во всех случаях), выражение колебаний говорящего (*да и*), добавление уступительного или противительно-отождествительного оттенка (*но и*), подчеркивание высшей точки градационной шкалы (*а*). Таким образом, первоначальное рабочее предположение о том, что эксплетивный союз появляется как результат действия одной из тенденций, формирующих антиномию избыточности и экономии, из простого стремления к (неосознанному) дублированию смыслов, то есть по принципу «кашу маслом не испортишь», не подтвердилось.

Описанные комбинации обладают разной степенью распространенности, но все они особенно актуальны для текущего состояния русского языка.

Можно полагать, что эти результаты обладают новизной, поскольку комбинации сочинительных союзов, насколько автору известно, до сих пор специально не изучались.

Обсуждение

Ни... ни... и ни

Добавление союза *и* перед конъюнктом однородного ряда (чаще последним), связанного повторяющимся *ни... ни*, далеко не новое явление. Однако примеры подобных употреблений в XVIII–XIX вв. в НКРЯ (основной подкорпус) крайне немногочисленны. Значительный рост употреблений наблюдается начиная с рубежа XIX–XX вв. Не исключено, что некоторую роль в этом сыграла широко известная формула из песни «Интернационал» (*...ни бог, ни царь и ни герой*)², многократно цитируемая в самых разнообразных позднейших текстах; но влияние идеологически окрашенного образца не стоит преувеличивать, поскольку рассматриваемая конфигурация встречается в текстах авторов, которых невозможно счесть апологетами соответствующей идеологии, ср.:

(1) *Вот оно — знакомый наизусть*

Мягкий плеск, залитый серебром...

— Ничего... И я ему молюсь

Ни о чем.

Ни на небе и ни на воде,

ни в далекой линии огня —

Ничего, разлитое везде,

Ничего, входящее в меня.

² Перевод на русский язык «Интернационала», созданного в 1871 г., был осуществлен А.Я. Коцем в 1902 г.

*И без слова, без конца, без сна,
с сердцем, точно растворенный дом,
я молюсь, как тихая сосна,
Ни о чем* (Зинаида Миркина³).

Союзы *и* и *ни*... *ни* относятся к соединительным и близкородственным: второй является отрицательным вариантом повторяющегося первого. Уместен вопрос, существуют ли рациональные объяснения вставки дополнительного союза, дублирующего и без того уже выраженные смыслы.

1. Первое объяснение очевидно из (1): роль эксплетивного *и* сводится к ритмическому выравниванию фразы; этот факт подчеркивается тем, что *и* занимает положение не перед последним конъюнктом и поэтому не может выполнять функцию подчеркивания замкнутости ряда. Такова же функция дополнительного *и* в уже упомянутой строчке из русского перевода «Интернационала». Сходный пример:

(2) *В общении и тренировочной толчее с нашими олимпийцами, чемпионами мира, призерами международных соревнований мой спортивный лексикон дополнился такими «крылатыми» выражениями, как: «ни кефир и ни сметана не заменят нам „метана“», «хочешь быть здоров, как слон, — ешь метандростенолон*!»* (А. Феськов. Олимпийская мафия или культура? // «Огонек». № 5, 1991).

Свободное варьирование позиции дополнительного *и* служит достаточным основанием для того, чтобы считать получающуюся структуру не составным союзом, а комбинацией союзов.

Собственно стихотворная форма для актуализации функции ритмического выравнивания необязательна:

(3) *Не помеха Аввакуму и ни жена, ни дети, ни любовь и ни нежность душевная* (Н.С. Лесков. Божedomы. 1868).

В (3) два последних конъюнкта — *ни любовь и ни нежность душевная* — читаются как трехстопный анапест с дактилическим окончанием. Если учесть, что произведение Н.С. Лескова, хоть и написано прозой, несет заметные черты стилизации, такое уподобление финальной части фразы стиху не кажется неожиданным.

Аналогичное выравнивание, но уже без всякой ориентации на высокий штиль, наблюдаем и в современной прозе и публицистике (4–7):

(4) *Но никто, конечно, — ни бабушка, ни мама, ни дядя Гриша, ни отец, ни Горик и ни Женька — не показывал виду, что Сережка не родной сын бабушки* (Ю.В. Трифонов. Исчезновение. 1981);

³ Период активного поэтического творчества З. Миркиной (1926–2018) пришелся на вторую половину XX в. Дата создания стихотворения в доступных мне источниках не указана; судя по тому, что оно цитируется в одной из 15 глав «Записок гадкого утенка» Г.С. Померанца, написанных, как указано в Предисловии ко второму изданию, «с осени 1983-го по январь 1986-го» (Померанец, 2013: 5), стихотворение написано не позднее 1983 г.

* Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, сильнодействующих веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

(5) *В магазины почти не захожу: нет ни денег и ни желания* (Н. Варсегов. Исповедь россиянки (без сокращений) // Комсомольская правда, 05.12.2007);

(6) *Ни сахаром и ни маслом Шипулин Анжеле не платит* (Н. Ко. Кушцевские фермеры боятся мести жены Цапка // Комсомольская правда, 14.03.2012);

(7) *Потому что насколько я знаю, ни в Астрахани, и ни в Чите нет ни одного визового центра ни одной европейской страны* (АТОР: туроператоры абсолютно готовы к переходу на биометрию // Vesti.ru, 14.09.2015).

В (4) шестичленный ряд организован попарно, и в каждой паре ударному слогу четного конъюнкта предшествуют 3 безударных; в третьей паре сохранение этой закономерности обеспечено эксплетивным *и*.

В (7) часть предложения до первого *ни* читается как трехстопный анапест с неполной четвертой стопой, а однородный ряд (до слова *нет*) — почти как трехстопный амфибрахий. Судя по тому, что есть лишний слог, это получилось без умысла автора, но тем показательней, что эксплетивный *и* все-таки использован: при чтении без декламации, в нейтрально-разговорном ключе, лишний слог (гласный в окончании названия *Астрахани*) редуцируется практически до нуля — и автор компенсирует это вставкой *и*.

Функция ритмического выравнивания наблюдается и во многих примерах, которые будут приведены ниже, но останавливать на этом внимание мы уже не будем.

2. Вторая функция эксплетивного *и* состоит в замыкании ряда. «Основное семантическое отличие бессоюзного перечисления от перечисления с участием *и* состоит в том, что *и* всегда выражает законченность перечисления», — указывает О.Е. Пекелис (Пекелис, 2013) со ссылками на (Санников, 2008; Урысон, 2011). Союз *ни... ни* — при том, что он образует открытый сочинительный ряд, — сам по себе является достаточно сильным средством для выражения законченности перечисления, в особенности если конъюнкты образуют оппозицию. Союз *и* подчеркивает смысл завершенности перечисления:

(8) *Некоторые пытались даже их понюхать, в связи с чем член ЦИК Елена Дубровина вынуждена была сделать публичное заявление, что «шары не отличаются ни формой, ни цветом и ни запахом»* (А. Карпов. Больше одного шара в одни руки не давать! // Труд-7, 01.11.2007);

(9) *Я все не в силах отделиться от стены и уже чувствую, что, если меня вынудят, не могу уйти в кусты: отмываться, ни да ни нет, ни правда и ни ложь — неопределенного желе из страха и желания остаться «честным» на этот раз не получится* (А. Битов. Записки из-за угла. 1964).

В (9) две бинарных оппозиции, во второй исчерпанность перечня подчеркивается эксплетивным *и*, но при этом последний парадоксальным образом подчеркивает и одновременность, сосуществование взаимоисключающих характеристик прогнозируемой речи персонажа. В (10–11) оттенка сосуществования нет, но оппозитивность ряда наблюдается, эксплетивный *и* также подчеркивает его замкнутость:

(10) <...> *глушь такая, что не слышна ни хвала и ни хула...* (А. Вознесенский. Оза. 1964);

(11) *Тот же Уорхол совершенно не страдал никаким ни антиамериканизмом, и ни антисоветчиной* (Отец и дети. Выставка в Москве подвела итоги русского поп-арта // РИА Новости, 07.11.2005).

Оппозитивный характер ряда, однако, не является обязательным условием для реализации функции его замыкания. Свободное комбинирование оппозитивных и неопозитивных рядов в сочетании с варьированием функции и демонстрирует фрагмент старинной казачьей молитвы-заговора, воспроизводимой Шолоховым:

(12) *Святой Дмитрий Солунский, уцтити меня, раба божьего, и товарищей моих на все четыре стороны: лихим людям не стрелять, ни рогаткою колоть и ни бердышем сечи, ни колоти, ни обухом прибити, ни топором рубити, ни саблями сечи, ни колоти, ни ножом не колоти и не резати ни старому и ни малому, и ни смуглому, и ни черному; ни еретику, ни колдуну и ни всякому чародею* (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1-я. 1928–1940).

Этот пример выразительно демонстрирует все функции эксплетивного *и*, унаследованные языком от весьма отдаленных по времени состояний, но особенно востребованные современной русской речью.

Функция замыкания ряда у эксплетивного *и* в (12) налицо. Особенно важно, что она прослеживается во всех 6 случаях его употребления, хотя собственно оппозиция имеет место только в одном микроряде (да и та лишь частный случай гендиадиса (Кручинина, 1988: 21): *ни старому и ни малому*. В остальных случаях подразумевается, по-видимому, исчерпанность перечня (например, действиями *колоть* и *резать* исчерпываются возможные применения ножа как оружия).

Функция замыкания ряда, однако, не отменяет и базовой функции соединительного союза: он всякий раз открывает позицию для нового конъюнкта, как это делает вообще любой союз («Ведь каждый союз „соединяет“, — писал классик (Пешковский, 1956: 448)), и эти две функции парадоксальным образом реализуются одновременно.

Стоит иметь в виду еще и то, что функция замыкания ряда может просто приписываться союзу нашим восприятием. Единственное средство, которое абсолютно несомненно выполняет эту функцию, — это интонация завершения, причем вне зависимости от наличия или отсутствия союза. Однако, учитывая, что о функции выражения законченности перечисления писали только за последние десятилетия и В.З. Санников, и Е.В. Урысон, и О.Е. Пекелис, будем считать, что функция замыкания ряда у эксплетивного *и* действительно существует. В прозрачных примерах вроде следующего она кажется несомненной:

(13) *В результате российской дипломатической активности можно ожидать, что ни США, ни Франция, ни Саудовская Аравия, ни Турция и ни Израиль не будут оказывать противодействие наступлению созданной*

*Россией коалиции на ИГИЛ*** (Великое сотрудничество континентов? // Известия, 01.10.2015).

Функция замыкания ряда может быть особенно уместна в ситуации доведения перечня до абсурда:

(14) *Ни гремевшие во времена оны метаметафористы, ни конструктивисты, ни лианозовцы, ни «бродскисты», ни куртуазные маньеристы, ни митьки, ни петьки и ни федыки* никоим образом не деформировали годами узнаваемую манеру письма «переводчицы с космического» (С. Шабалин. Слово о переводимости // Ex Libris НГ, 28.10.1999).

Ни... ни... да и ни

А.Ф. Прияткина более полувека назад отмечала, что «цепь однородных единиц» — это одно из синтаксических условий, «способствующих присоединению» (Прияткина, 2007 (1962): 205). С этим спорить не приходится, но понятно, что наличие этого условия отнюдь не обязательно влечет появление присоединения. Это как раз относится к рассматриваемому сочетанию. Присоединительный *да и* в составе сочинительного ряда, связанного повторяющимся *ни... ни*, появляется нечасто: по соответствующему запросу НКРЯ (основной и газетный подкорпуса) возвращает выборку из 15 валидных примеров (дата обращения 13.03.2026); Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ) по такому же запросу возвращает 1 валидный пример. Шесть из 16 примеров датируются XXI в.; это допустимо трактовать как медленный рост употребительности, если учесть, что 6 примеров зафиксированы за четверть века, остальные же 12 — за 300 лет. Случаи, не отягощенные никакими осложнениями, представлены такими примерами:

(15) *Я истинно скажу: ни добра, да и ни зла* без нужды я никому не делал — право... (В.Ф. Одоевский. Живой мертвец. 1844);

(16) Матрена: *В мещане выпишусь, буду как люди: что мое — мое, а не так: твое — мое, а мое не твое. Теперь я на полторы тысячи какую бы лавчонку открыла, а так... ни мне* (машет рукой), *да и ни вам, старики...* (Н.Г. Гарин-Михайловский. Деревенская драма. 1903);

(17) *«Ни совет директоров, ни акционеры ни по законодательству, да и ни по практике <...> не оказывают влияния на содержание* (вещания радиостанции. — М. Д.) *<...>», — прокомментировал ситуацию Бергер* (<http://ria.ru/media/20120214/565476017.html> Пример из ГИКРЯ).

Присоединительный *да и*⁴ появляется перед последним конъюнктом и вносит в ряд дополнительный оттенок присоединительности, т.е. добавочности, в некоторой степени — спонтанности появления этого конъюнкта. Однако при двучленности ряда — ср. (15–17) — этот оттенок вступает в противо-

**Организация признана экстремистской / террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ И.Н. Кручинина считает его не союзом, а сочетанием союза *да* с частицей *и* (Кручинина, 1988: 135–136). Однако оптимальным представляется решение, впервые предложенное В.А. Плотниковой (Робинсон) еще в академической грамматике 1954 г. (Грамматика..., 1954: 262–263).

речие с тем фактом, что уже открыт сочинительный ряд с повторяющимся союзом *ни... ни*, поскольку из этого факта следует, что второй конъюнкт запланирован одновременно с первым: иначе перед первым конъюнктом не появилось бы первое *ни*, за которым обязано последовать второе.

Здесь надо сделать оговорку. В русском языке есть конструкции с одиноким *ни* вторичного отрицания: *На небе не было ни облачка; Не решил ни одной задачи*. Однако при отрицаемом актанте или сирконстанте должен присутствовать или подразумеваться квантификатор *один*, так как подразумевается множественность отрицаемых актантов. Фраза *До сих пор не прочитал ни страницы* подразумевает, во-первых, *ни одной страницы*, во-вторых — множественность страниц, которые требовалось прочесть. В (15) квантификация актантов *добро* и *зло* исключена лексическим значением абстрактных имен, в (16) — тем фактом, что актанты обозначены личными местоимениями, в (17) — единственностью совета директоров, группы акционеров, законодательства, а также абстрактным значением существительного *практика*. Другими словами, в (15–17) возможность одиночной частицы *ни* исключена.

Вернемся к упомянутому противоречию. В самом деле, при использовании устойчивой антонимической пары *добро — зло* (15) говорящему вряд ли требуется дополнительное размышление перед введением второго конъюкта: произнеся «ни добра», он запрограммировал продолжение «ни зла». Дополнительное размышление обусловлено не лексическим выбором, а причинами морального свойства: утверждение говорящего если и соответствует истине, то с существенными оговорками, ср. характерное *без нужды*: в реальности персонаж как раз делал зло, и скоро выясняется, что не всегда и малое, и отнюдь не будучи к этому вынужден.

Элемент хезитации можно видеть и в (16): не только в ремарке «машет рукой», но и в выборе, кого еще, кроме себя, назвать в качестве потенциально-го выгодополучателя. Именно на этот момент колебания, по-видимому, указывает наложение на соединительный ряд оттенка присоединительных отношений.

Наконец, в (17) элемент хезитации связан, вероятно, с сомнительностью утверждения об отсутствии практики вмешательства менеджмента компании в содержание вещания радиостанции.

Таким образом, противоречие между запланированным характером двучленного сочинительного ряда и добавлением к уже фактически реализованным соединительным отношениям отношений присоединения снимается наличием особого оттенка колебаний говорящего: в выражении этого оттенка и можно видеть цель комбинации союзов в данном случае.

Чаще, однако, встречаются употребления, в которых последний конъюнкт выражен отрицательным местоимением и служит обобщающим компонентом однородного ряда. «Союз *ни... ни* всегда совмещает соединительную функцию с функцией усилительной частицы» (Русская грамматика, 1980: 618), что делает вполне объяснимым и появление обобщающего компонента.

В таких случаях последний *ни* играет двойственную роль: это и элемент союза, и отделяемый префикс отрицательного местоимения:

(18) *И это не значит, что они менее достойны или талантливы, нет, просто она была другой, **ни на них, да и ни на кого** не похожей* [Мадам Честертон в интерьере эпохи и близкого круга друзей // Ведомости, 2010.06.24];

(19) *«Людей, способных на такие поступки, нельзя принимать **ни** у президента, **ни** у премьера, **да и ни** у кого другого», — заявил г-н Шувалов* (И. Шлыгин. Рецепт все тот же: приватизация и пенсионная реформа // РБК Daily, 19.04.2013).

В (19) ряд трехчленный; можно полагать, что здесь обобщающий компонент действительно появляется на правах прототипического присоединения. В (18) ряд двучленный, поэтому по отношению к этому случаю действительны суждения, высказанные выше в отношении примеров (15–17). Любопытно, что при выражении последнего конъюнкта отрицательным местоимением с обобщающей функцией присоединительный или соединительный (*и*) союз превращается из факультативного в едва ли не обязательный элемент конструкции. Весьма сомнительны варианты без *да и* или *и*:

(19.1) **Таких людей нельзя принимать **ни** у президента, **ни** у премьера, **ни** у кого другого.*

Функция усилительной частицы, сохраняющаяся у союза *ни... ни*, порождает в рядах с этим союзом оттенок восходящей градации. Этим объясняется появление перед последним конъюнктом дополнительного (при)соединительного союза, указывающего на достижение высшей точки некоторой шкалы и тем самым замыкающего ряд.

Ни... ни... но и ни

Сочетание *но и* иногда называют в числе присоединительных союзов. Е.Р. Иоанесян считает наиболее вероятной квалификацию этого сочетания как «отдельного составного союза» — особой разновидности противительного союза *но* (Иоанесян, 2010: 25–26). В «Русской грамматике» говорится о сочетании союза *но* с конкретизатором *и*, «непосредственно не поддерживающим собственно противительную семантику союза *но*» и придающим второй части (второму конъюнкту) «выделительную» функцию; еще одно такое сочетание — *но даже* (Русская грамматика, 1980: 625).

Интересно, что сочетание *но и* упоминается в «Русской грамматике» только в связи со сложносочиненным предложением, хотя оно может использоваться и в простом предложении с вторичной, по А.Ф. Прияткиной, союзной связью:

(20) *Замечания были очень доброжелательные, **но и** серьезные, глубокие* [Собственный пример].

Обсуждение природы сочетания *но и*, в т.ч. представления о нем 1) как о производном составном союзе, 2) сочетании союза с частицей, 3) сочетании двух союзов в нашу задачу не входит (это может составить тему отдельной

работы). Заметим лишь, что даже беглое знакомство с выборкой, полученной по простейшему запросу «но и» в основном подкорпусе НКРЯ, показывает, что существуют разные значения этого сочетания. В одних случаях второй компонент сочетания синонимичен словам с соединительно-отождествительной семантикой *тоже / также*. Таков пример (20) и следующие:

(21) *У меня есть заместители, **но и** их надо контролировать* (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым. 2010–2011) (*...но их **тоже** надо контролировать*);

(22) *Наконец-то к моей бесконечной радости, **но и** к моему глубокому позору, я только сейчас, посмотрел этот Фильм* [Форум: 17 мгновений весны (2005–2010)] (*...но **также** к моему позору*).

Такого рода пример приводится и в «Русской грамматике»:

(23) *Есть у меня в настоящее время только один план, **но и** этот план писан вилами на воде* (С. Рахманинов).

В подобных употреблении признаю *и* сохраняющим признаки соединительного союза препятствует лишь его позиция не между конъюнктами. Возможность его синонимической замены свидетельствует о сохранении им известной самостоятельности: сращения в единый союз с *но* не происходит.

Да и позиция не между конъюнктами — аргумент, который может быть оспорен. В трех из четырех приведенных примеров равно могут функционировать и одиночные союзы: *доброжелательные, **но / и** серьезные; есть заместители, **но / и** их надо контролировать; есть план, **но / и** он писан вилами на воде*. Это означает, что *и* в таких употреблении сохраняет союзную функцию и известную самостоятельность, поэтому в (20, 21, 23) можно видеть сочетание двух союзов.

В случае же (22) одиночный *и* возможен (*к моей радости **и** к моему позору*), а вот одиночный *но* как раз нет (**к моей радости, но к моему позору*): следовательно, здесь целесообразнее говорить о составном союзе.

В других употреблении *и* близко по смыслу к *при этом, в то же время*:

(24) *Вас примут с распростертыми объятиями в необразовательных учреждениях, где это (язык особенно) требуется. Уж, конечно, не на должность генерального директора, **но и** определенный рост не заставит себя, на мой взгляд, ждать* (Форум: Были вы в стране преподаваемого языка? 2008–2011).

Замена *и* на *тоже / также* в (24) представляется маловероятной. Более того, при замене на *при этом* или *в то же время* элемент *и* вполне может сохраниться:

(24.1) *...но **при этом и** определенный рост не заставит себя ждать*.

В таких употреблении существен уступительный компонент — один из регулярных оттенков значения союза *но* (ср. *уж конечно* в начале фразы). Возможно, применительно к таким случаям уместно говорить о *но и* как о разновидности противительно-уступительного *но*, т.е. как о едином составном союзе, но в другой, по сравнению с (22), разновидности. Возможность

дистантного расположения компонентов, как в (24.1), не отменяет этой гипотезы: прецеденты дистантного расположения компонентов составного союза хорошо известны, ср. *Он тебя изругает, унизит, а то и выгонит* → *Он тебя изругает, унизит, а то, пожалуй, и выгонит*.

Впрочем, элемент уступительной семантики можно усмотреть и в (20), который допускает перифразу:

(20.1) *Замечания были **хоть и** доброжелательные, **но** серьезные.*

Таким образом, в союзном сочетании *но и* в разных контекстуальных условиях могут актуализироваться семантические оттенки противопоставления, уступки, отождествительной соединительности; в каждом случае на первый план выходит один из них, но остальные не исчезают, а присутствуют в качестве фона.

Как показывают примеры из НКРЯ, при вхождении в ряд с повторяющимся *ни... ни* союзный комплекс *но и* выступает прежде всего с оттенками противопоставления и отождествления:

(25) *Частной, личной жизни у меня не было, и в конце концов Бог знает, для кого и чего живу. **Ни для людей** — их не люблю, **ни для Бога** — его не знаю, **но и ни для себя**. Для кого же? (С.И. Вавилов. Дневники. 1914–1916);*

(26) *Кабинка представляла собою досчатую пристроечку, внутри были нары <...>, на стенках <...> висело весьма скромное количество вождей, так сказать, — **ни энтузиазма, но и ни контр-революции** <...> (И.Л. Солоневич. Россия в концлагере. 1935);*

(27) *Нет таких мест, где б так вкусен был город... Этот не насыщающий и предельно насытивший **ни небесный, но и ни земной**... Где он бродит и где расположен? (В. Володин. Повесть временных лет. 2009).*

В (25) реализована тернарная оппозиция *для людей — для Бога — для себя*. Первый и третий ее члены оппозитивны по горизонтали, и оба они оппозитивны второму — по вертикали. В (26–27) оппозиции очевидны, если учесть, что под энтузиазмом автор подразумевает *революционный энтузиазм*.

Думается, что главное назначение *но и* при введении его в уже сформированный сочинительный ряд состоит в подчеркивании парадоксальности сосуществования называемых явлений. Вторая функция заключается в замыкании ряда: противительный союз закрывает структуру.

То ли... то ли... а то ли

Как и повторяющийся *ни... ни*, повторяющийся *то ли... то ли* создает открытую структуру, хотя и с другим значением (перебор вариантов, возможность любого из называемых элементов). Появление дополнительного *а* закрывает эту структуру:

(28) *В кустах что-то недовольно заурчало — **то ли** собака, **а то ли** сам лесной хозяин (М. Успенский. Там, где нас нет. 1995);*

(29) *Никто в толпе не шелохнулся — **то ли** побоялись, **а то ли** пьяных еще не было (Митьки. Громпопыка. 1997).*

В некоторых случаях конъюнкты образуют явную оппозицию, хотя, как видно из (28–29), оппозитивность необязательна:

(30) *Все так, старик, — **то ли** думал только, **а то ли** проговаривал Цахилганов* (В.Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины. 2004);

(31) *Меня цыганка заговорила», — говорил он **то ли** в шутку, **а то ли** всерьез* (К. Кожевникова. Дождички по четвергам // Вестник США, 17.09.2003).

Оппозиция может быть и неявной, но в организации ряда она принимает несомненное участие:

(32) *Здесь он умер. На том канаве, / Перед тем прошептал изречение / Непонятное: «Хочется пе...» / **То ли** песен. **А то ли** печенья? / Кто узнает, чего он хотел, / Этот старый поэт перед гробом!* (Д. Самойлов. Дом-музей) — возвышенное / земное;

(33) *Черт его знает, **то ли** у него выработался тик, **а то ли** он всерьез подмигнул* (Р. Солнцев. Демон // Огонек. № 7. 1991) — намеренность / ненамеренность.

Общей для всех случаев данного типа является актуализация градационных отношений. Ряд с повторяющимся *то ли* эти отношения передавать не призван; однако для этого союза действительно цитированное выше замечание «Русской грамматики»: как и повторяющийся *ни*, он «совмещает соединительную функцию с функцией усилительной частицы» — с той лишь разницей, что базовой в данном случае является не соединительная, а разделительная функция. Это свойство рядов с повторяющимся *то ли* влечет их нередкое использование для создания иронического парадокса.

Повторяющийся союз всегда подчеркивает, что «каждый конъюнкт участвует в сочинении» и что «каждый конъюнкт рассматривается отдельно» (Апресян, Пекелис, 2012; Haspelmath, 2007: 15). Тем самым он подчеркивает грамматическое равноправие конъюнктов и заставляет ожидать их семантической однородности. Когда же в качестве конъюнктов сочиненного ряда используются элементы с резко диссонирующими значениями, неизбежно возникает парадокс. Повторяющийся союз его усиливает, ср. самый известный, по-видимому, пример:

(34) *Я потерял сознание, остались одни чувства... Тонкие... Едва определимые... **То ли** мне хочется музыки и цветов, **то ли** зарезать кого-нибудь* (Е. Шварц. Обыкновенное чудо).

Если обобщить наблюдаемые в материале (ок. 100 примеров из основного и газетного подкорпусов НКРЯ) довольно разнообразные отношения между конъюнктами, то можно сказать, что их общим знаменателем является градация ожидаемости. Последний конъюнкт всегда называет нечто наименее ожидаемое: это показывают все приведенные выше примеры. Ср. еще характерные иллюстрации:

(35) *Чтобы помнить — не важно, героя ли, наемника, — нужно, чтобы он был человеком с именем и лицом, а не «солдатом номер три» в постановке, смысл которой режиссеры **то ли** скрывают от зрителей, **а то ли** и сами давно потеряли* (И. Давыдов. Работа для патриота // «Сноб», 16.02.2018);

(36) *Теперь она не знает, как быть — **то ли** продолжить романтическое знакомство, **то ли** остаться верной своему веселому мужу, **а то ли** вообще подружить их и не мучиться проблемой выбора* (Е. Гусятинский. Доказательство жизни // «Русский репортер». 2013);

(37) *Да, видели мотоцикл — **то ли** синий, **то ли** черный, **а то ли** вообще оранжевый* (А. Евтушенко. Почему я оправдал обвиняемого в убийстве // Комсомольская правда, 25.04.2002).

Наименьшая ожидаемость нередко специально подчеркивается частицей *вообще* (36–37). Особенно любопытны случаи, когда наименее ожидаемое является непосредственно наблюдаемым, в которое персонаж не хочет или боится поверить. В этом случае может возникать дополнительный маркер достоверности:

(38) *Грудь его сдавила новая, не испытанная прежде боль — состоящая из отвращения и гнева на то, что можно покушаться на величайшее чудо природы, на ее величайший и уязвимейший дар... **то ли** это такое освещение было, **а то ли** и **взаправду** так обстояло дело, но младенец показался Камлаеву мертвенно-синим* (С.А. Самсонов. Аномалия Камлаева. 2008);

(39) *И **то ли** парма расступилась — расползались буреломы, отодвигались стволы, — **а то ли** **вправду** синий луч с небосвода, рассыпавшегося льдинками, был путеводным, но вскоре лес поредел, как рубаха на локтях, и вдали перед бледной полосой застывшей Колвы поднялись черные зубчатые гребни городища и острога* (А. Иванов. Сердце Пармы. 2000).

Ряд рассматриваемого вида может быть окрашен не только алетической модальностью, но также аксиологически, когда наименее ожидаемое равняется наиболее нежелательному, ср. (28):

(40) *Оказывается, из-за плотного гастрольного графика певица **то ли** не успела, **а то ли** не захотела предоставить оригинал* (К. Щербино. Аристократы и эстрада // Теория моды. № 25. 2012).

Следует особо отметить, что включение союза *а* в ряд с повторяющимся *то ли*, представляет собой сравнительно новое явление в русском языке. Самый ранний пример в НКРЯ датируется второй четвертью XX в.:

(41) *И довольно красивое. И вдруг с удивлением заметил испуганные глаза и открытый рот священника. Слово замерло на устах отца Якова. **То ли** ошибка, **то ли** подлинный кошмар, **а то ли** — она и есть, Сергея Павловича беглая дочь!* (М.А. Осоргин. Свидетель истории. 1932).

Абсолютное же большинство примеров зафиксировано в последнее десятилетие прошлого века и первые — нынешнего, и количественный рост вхождений от десятилетия к десятилетию несомненен. Как и в случае с *ни бог, ни царь и ни герой*, здесь тоже можно предполагать некоторую роль прецедентного текста *то ли девочка, а то ли виденье* (песня Максима Леонидова «Девочка-виденье» появилась в 1997 г.), многократно цитированного и пародированного. Самый факт цитирования и пародирования этой строчки можно рассматривать как свидетельство того, что автор песни точно уловил актуальную языковую тенденцию.

Заключение

Изложенные наблюдения позволяют сделать ряд выводов. Они носят предварительный характер, поскольку изучение комбинирования средств сочинительной связи без возникновения новых союзов находится пока, насколько можно судить, в начальной стадии.

1. Комбинирование сочинительных союзов может вести к образованию новых составных союзов, но не обязательно. Образованию новых союзов препятствуют сохранение каждым компонентом своего значения и композиционность семантики комбинации. Это в равной мере относится к вставке в ряд, сочиненный при помощи повторяющегося *ни*, как эксплетивного соединительного *и*, так и присоединительного *да и*, и противительно-отождествительной комбинации *но и*, которая в отдельных случаях сама обнаруживает тенденцию к образованию нового союза. То же относится и к вставке противительного *а* в разделительный ряд с повторяющимся *то ли*.

2. При кажущейся избыточности описанных включений сочинительного союза в уже оформленный сочиненный ряд, во всех рассмотренных случаях обнаруживаются дополнительные функции и оттенки значений, реализация которых составляет цель таких включений. Так, эксплетивный *и* в ряду с повторяющимся *ни*, во-первых, может выполнять функцию ритмического выравнивания фразы, во-вторых, служит средством указания на исчерпанность перечисления. Можно полагать, что функция ритмического выравнивания имеет место и в других рассмотренных комбинациях. Присоединительный союз *да и* в аналогичной позиции своим значением вступает в противоречие с открытостью ряда, но в то же время оказывается эффективным средством указания на хезитацию говорящего, которая может быть вызвана разными причинами, а также средством, предвосхищающим обобщение, причем последнем случае дополнительный союз даже становится обязательным. Комбинация *но и* в той же позиции подчеркивает парадоксальность сосуществования называемых явлений. Противительно-сопоставительный *а*, появляясь перед последним конъюнктом разделительного ряда с повторяющимся *то ли*, подчеркивает завершение скрытого за разделительностью градационного ряда, предвосхищая номинацию в последнем конъюнкте высшей точки некоторой шкалы (чаще всего шкалы неожиданности). Наконец, общей для всех рассмотренных случаев является функция замыкания открытого по своей изначальной природе ряда.

3. Рассмотренные явления неоднородны в плане актуальности. Если примеры, приведенные в пп. 2 и 3, могут быть сочтены сравнительно редкими, то многочисленность современных примеров с эксплетивным *и* в составе ряда с повторяющимся *ни*, а также с *а* в составе ряда с повторяющимся *то ли*, позволяет утверждать, что перед нами интенсивно развивающиеся явления современного русского языка, причем последнее начало свое развитие всего лишь несколько десятилетий назад.

Список литературы

- Апресян В.Ю., Пекелис О.Е.* Сочинительные союзы // Русграм: материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2012. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/label/Сочинительные_союзы/ (дата обращения: 21.03.2026).
- Беднарская Л.Д.* Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений : монография. М. : Флинта, 2020. 152 с. EDN: UYTSTJ
- Волкова Е.Б., Коротун В.Л.* Сложноподчиненные предложения неоднородного соподчинения с одним условным компонентом в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 1. С. 151–156. <http://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-151-156> EDN: EHDFAV
- Гаврилова Г.Ф.* Усложненное сложное предложение в русском языке. Ростов-на-Дону, 1979. 232 с.
- Гаврилова Г.Ф.* О семантике и функциональных потенциях сочинительных союзов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 9. С. 71–77. EDN: VHLFSH
- Ганцовская Н.С.* Многокомпонентные сложноподчиненные предложения в пьесах А.Н. Островского (к вопросу о взаимоотношении разговорной и книжной речи) // Язык и слог Островского-драматурга. Ярославль, 1974. С. 80–92.
- Грамматика русского языка.* Т. 2 : Синтаксис. Ч. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1954. 704 с.
- Ивкова Е.Ю.* Многокомпонентные сложноподчиненные предложения контаминированной структуры в современном русском языке (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир») // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Спец. вып. С. 81–83.
- Иоанесян Е.Р.* Союз *но*: особенности употребления // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2010. № 2. С. 158–205.
- Кручинина И.Н.* Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М. : Наука, 1988. 212 с.
- Логачева А.А.* Изменения в системе сложносочиненного предложения в языке русской лирики первой половины XIX — последней трети XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2012. 24 с. EDN: QHVBEP
- Пекелис О.Е.* Сочинение // Русграм: материалы для проекта корпусного описания русской грамматики, М., 2013. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/syntvar/coordination/#label_toc346610888 (дата обращения: 27.03.2026).
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М. : Учпедгиз, 1956. 512 с.
- Померанц Г.С.* Записки гадкого утенка. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
- Прияткина А.Ф.* К изучению присоединительных конструкций // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2007. С. 201–214. EDN: YKQFFT [Цитируемая статья впервые опубликована в: Уч. зап. ДВГУ. Вып. 5. Владивосток, 1962.]
- Русская грамматика / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. М. : Наука, 1980.
- Санников В.З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве : монография. М. : Языки славянских культур, 2008. EDN: SUQJEN
- Урысон Е.В.* Составные союзы *а то* и *а не то*: возможности семантического композиционного анализа // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 61–73. EDN: MBCGIF
- Урысон Е.В.* Опыт описания семантики союзов : монография. М. : Языки славянских культур, 2011. EDN: UGNTYR
- Haspelmath M.* Coordination // *Language typology and syntactic description* / ed. by T. Shopen. Cambridge, 2007. Vol. 2. Pp. 1–57. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511619434>

Сведения об авторе:

Дымарский Михаил Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, 1-я л. В. О., д. 52. Сфера научных интересов: русский язык, синтаксис, лингвистика текста, культура речи. ORCID: 0000-0002-1796-7686. SPIN-код: 8662-7550. Researcher ID: M-8002-2016. Scopus Author ID: 57131173400. E-mail: dym2005@list.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-334-349

EDN: EIDHRM

Research article

Combinations of coordinating conjunctions in modern Russian speech

Mikhail Ya. Dymarsky

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
✉ dym2005@list.ru

Abstract. The relevance of the topic stems from the special attention to grammatical semantics in modern linguistics, including the phenomena of the so-called “minor” syntax. The research draws attention to the previously unstudied phenomenon of combining coordinating conjunctions in one row and at providing the first description of four cases of this combination. The study analyses constructions obtained through queries in the Russian National Corpus where 1) the repeating conjunction *ни... ни* ‘neither ... nor’ is followed by the additional conjunction *и* ‘and’; 2) the same row contains the additional conjunction *да и* ‘and’; 3) the same row contains the pair of conjunctions *но и* ‘but at’; 4) the repeating conjunction *то ли ... то ли ...* ‘or ... or’ is supplemented by the conjunction *а* ‘but’. We show that all constructions introduce the expletive conjunction to perform additional functions: rhythmic alignment of the phrase (и ‘and’), emphasizing the closedness of the row (in all cases), expressing the speaker’s hesitation (да и ‘and’), adding a concessive or adversative-identifying connotation (но и ‘but and’), and emphasizing the highest point of the gradation scale (а ‘but’). We also confirm that the described constructions have different frequency (the first and the fourth are widespread; the second and third are significantly less frequent), but all of them are particularly relevant in the modern Russian language. Some of them were first recorded only in the 20th century; others have long been known, were not frequent previously, but from the middle of the 20th century demonstrate a noticeable increase in usage.

Keywords: coordination, repeating conjunction, compound conjunction, superposition of coordinating conjunctions, composed homogeneous row, semantics of coordination

Conflict of interest. The author has no conflict of interest to declare.

Article history: received 05.02.2026; accepted 18.05.2026.

For citation: Dymarsky, M. Ya. (2026). Combinations of coordinating conjunctions in modern Russian speech. *Russian Language Studies*, 24(3), 334–349. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-334-349> EDN: EIDHRM

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-350-363

EDN: EJKUCF

Научная статья

Психояз как форма медиализации русского языка

В.А. Ефремов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉ valef@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена ростом медиализации в современном российском обществе, связанном с рядом факторов: пандемия COVID-19, распространение концепций «новой этики» и «новой эмоциональности», популярность психотерапевтических услуг. В результате широкой экспансии психологической терминологии в быденные речь и коммуникацию в 2020-е гг. в русском языке возникает феномен «психояза». Цель исследования — анализ лингвистической природы психояза как одной из форм медиализации современного русского языка и речи. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, электронного архива русскоязычных СМИ «Интегрум», а также лексикографического ресурса «Новое в русской лексике» (ИЛИ РАН). Контексты употребления исследуемых единиц извлекали методом поиска слов и коллокаций с элементами контент-анализа. Использованы традиционные методы семантического, компонентного, контекстуального, лексикографического и лингвокогнитивного анализа. Установлены генезис и эволюция термина и понятия *психояз*. Выявлена хронология этого явления: первый этап детерминологизации психоаналитической лексики в русском языке приходится еще на 1990-е гг. (*комплекс, либидо, фрустрация, нарциссизм* и др.). Психояз квалифицирован как классический случай детерминологизации специальной лексики. Впервые в науку введено и обосновано различие двух терминов: *психояз1* (некорректное использование психологических терминов в быденной речи) и *психояз2* (использование психологической терминологии для описания явлений, не имеющих отношения к сфере психологии). Показано, что важным фактором актуализации психологической лексики выступают «новая этика» и «новая эмоциональность». В заключении намечаются дальнейшие перспективы исследования: от лингвокогнитивных и лингвоаксиологических до лексикографических.

Ключевые слова: психотерапевтический жаргон, психологические термины, квазитермины, детерминологизация, новая этика, новая эмоциональность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25.02.2026; принята к печати 15.05.2026.

Для цитирования: Ефремов В.А. Психояз как форма медиализации русского языка // Русистика. 2026. Т. 24. № 3. С. 350–363. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-350-363> EDN: EJKUCF

© Ефремов В.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Несмотря на то что в современных гуманитарных исследованиях проблематику медиализации принято возводить едва ли не к истории Древней Греции, все-таки как самостоятельный феномен, связанный с усилением социальной и политической роли медицины в жизни общества, она становится предметом научных разысканий лишь с конца 1960-х гг. (Михель, 2011).

В социологии и антропологии медиализацией называют «процесс, при котором немедицинские проблемы определяются в медицинских терминах, описываются с использованием медицинского языка, понимаются через принятие медицинских рамок или „лечатся“ с помощью медицинского вмешательства» (Conrad, 2007: 5). На наш взгляд, с лингвистической точки зрения медиализация проявляется прежде всего в экспансии медицинских концепций, терминов и понятий в язык и мышление усредненной языковой личности, не имеющей соответствующего специального образования. Усиление медиализации в современном российском обществе имеет множество причин: стремительное развитие науки и медицины, широкое распространение знаний в эпоху Интернета, популяризация здорового образа жизни, интерес к телесным практикам и нетрадиционным формам медицины и мн. др. Следовательно, и медиализацию языка можно изучать в разных ракурсах: от репрезентации медицинских знаний в медиа до медицинских мифов в общественном сознании и их трансляции в художественной литературе XIX или XX вв., например. (Иные лингвистические аспекты медиализации освещены в (Макарова, 2015)).

Одновременно процесс медиализации, особенно усилившийся в связи с пандемией конца 2010-х — начала 2020-х гг., совпал с формированием в российском обществе, во-первых, концепции «новой этики», «генезис которой напрямую связан с развитием интернет-коммуникации и новых медиа как пространством идей, сложившихся из сложного микса феминизма третьей волны, проблематики новой чувствительности, культуры отмены, политической корректности и др.» (Ефремов, Матвеева, 2023: 265), и, во-вторых, ситуации «новой эмоциональности», которая предполагает высокую степень эмоциональной открытости и откровенности современной личности, ставящей в центр общественного внимания свои личный опыт, травматичные переживания, уязвимость перед агрессивным миром. Причем крайне важным представляется тот факт, что «субъектом дискурса новой эмоциональности является жертва: человек страдает от истощающих его отношений с семьей или коллегами, недооценивает собственную деятельность, переживает из-за проблем на работе или дома и т.д.» (Кошкарова, Яковлева, 2019: 149). Апологеты новой этики и новой эмоциональности призывают использовать новый, одновременно объективный и морально чувствительный язык, тем более что некоторые из сторонников новой этики открыто декларируют, что «привычный нам язык — это часто язык вражды» (Бобылева, 2021: 16).

В связи с этим важно упомянуть интересное коллективное исследование, в котором приняли участие психологи, антропологи, социологи, филосо-

фы, журналисты, публицисты (Сложные чувства, 2021)*. Книга создана в концептуальной рамке новой этики, и в ней анализируются в т.ч. и новые психологические реалии и трансформации современного русского языка с точки зрения репрезентации новых эмоций (подзаголовок «Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности»). Большая часть описанных в этом исследовании слов и является элементами психояза: *абьюз, газлайтинг, личностный рост, личные границы, нарциссизм, обесценивание, ресурс, токсичность, харассмент* и мн.др.

Кроме того, отдельной сферой изучения поведения человека в Сети становится киберэтика, которая приобретает все большее значение в связи с развитием новых медиа (Шомова, 2016). Современные СМИ и пространство интернет-коммуникации становятся все более конфликтогенными. Сегодня едва ли не любое слово, которое так или иначе характеризует человека или мир его переживаний, может потенциально кого-нибудь обидеть и моментально стать предметом этических рассуждений и разбирательств, а интернет-пользователь, его употребивший, будет морально уничтожен и почти неминуемо заклеен «как агрессор, классификация которых также бурно развивается на наших глазах (от традиционных *мизогинист, гомофоб, ксенофоб, расист* до новых *абьюзер, харассер, газлайтер, эйджист, лукист* и т.д.)» (Ефремов, Матвеева, 2023: 266).

Таким образом, бурное развитие интернет-коммуникации, рецепция идей новой этики и дискурса новой эмоциональности, а также очередной этап медиализации общественного сознания, связанный с пандемией и ростом психотерапевтических услуг, привели к широкому распространению в русскоязычном коммуникативном пространстве 2010–2020-х гг. так называемого **психояза**. Исследователи отмечают, что популярность психояза растет во всем мире и связана как минимум с двумя социальными причинами: (1) снижение (прежде всего на Западе) роли религии, которая традиционно помогала верующему человеку, предлагая те или иные формы выхода из сложных жизненных ситуаций, и (2) рост услуг в области психического здоровья, спровоцированный в т.ч. и пандемией COVID-19.

И если первоначально этот термин обозначал неправомерное и/или некорректное использование терминов и квазитерминов, связанных с психологией, психотерапией и психическим здоровьем, в повседневной, обыденной речи (**психояз1**), то в последнее время у этой лексемы появилось второе значение — ‘использование психологической терминологии для описания явлений, не имеющих отношения к сфере психологии’ (**психояз2**).

Важно оговорить, что не все единицы психояза — это бывшие термины, в его состав входят и квазитермины, связанные с различными околопсихологическими или даже оккультными практиками, преследующими разнообразные формы (псевдо)духовного поиска (интересный анализ ряда подобных

* Среди 20 участников, принявших участие в этом проекте, трое (Г. Юдин, И. Будрайтскис, Г. Гусейнов) признаны иностранными агентами в Российской Федерации.

квазитерминов дан в (Демина, 2023), где исследуется «Панганский толковый словарь»¹).

Анализ бурного проникновения психологической терминологии в современный русский язык только начинается: если не брать точечные исследования функционирования в современном языке конкретных языковых единиц (типа *буллинг*, *выгорание*, *токсичный*, *триггер* и др.), среди работ на эту тему можно назвать три статьи, посвященные анализу терминов поп-психологии в интернет-среде (Здриковская, Мохова, 2022; Белова, Землякова, 2024) и на телевидении (Павлова, Грязнова, 2025), а также кандидатскую диссертацию, посвященную лингвоаксиологическим проблемам интернет-дискурса популярной психологии (Истомина, 2025).

Цель исследования — анализ лингвистической природы психояза как формы медиализации современного русского языка и речи.

Методы и материалы

Материалом исследования послужили (1) Национальный корпус русского языка² (подкорпус «Социальные сети»), (2) электронный архив русскоязычных периодических изданий России и стран СНГ «Интегрум»³, (3) информационно-поисковый лексикографический ресурс Института лингвистических исследований РАН «Новое в русской лексике»⁴, из которых методом поиска слов и коллокаций с элементами контент-анализа извлекались контексты употребления исследуемых единиц. Кроме того, использовались традиционные методы семантического, компонентного, контекстуального, лексикографического и — отчасти — лингвокогнитивного анализа.

Методика исследования языкового материала была направлена на анализ семантических трансформаций лексических единиц, генетически восходящих к терминам психоанализа, психологии, психиатрии и единицам квазипсихологического дискурса.

Результаты исследования

Установлены генезис и семантическая эволюция в русском языке лексемы *психояз*, которая сейчас функционирует как словообразовательная калька английского *therapy-speak*, но не без влияния семантики более раннего квазiterмина *psychobabble* ('психоболтовня').

Вопреки представлению о психоязе как исключительно современном феномене, исследование доказывает, что детерминологизации психологической (прежде всего психоаналитической) лексики уже происходила в русском

¹ Панганский толковый словарь. URL: <https://phangan.ru/blog/slovar> (дата обращения: 01.04.2026).

² Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).

³ Интегрум. URL: <https://aclient.integrum.ru/?si=wZCMqV2R&qu=0> (дата обращения: 01.04.2026).

⁴ Новое в русской лексике. URL: <https://neolex.iling.spb.ru/> (дата обращения: 01.04.2026).

языке, а именно в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Тогда в обиходную речь вошли такие единицы, как *вытеснение*, *комплекс*, *фрустрация*, *нарциссизм* и др.; часть из них была зафиксирована в толковых словарях уже в производном значении (например, *нарциссизм* как ‘самовлюбленность’).

Психояз квалифицирован как классический случай деспециализации и детерминологизации узкоспециализированной лексики. На примере термина *сублимация* продемонстрировано, как психоаналитическое понятие (‘защитный механизм психики’) прирастает обиходным значением ‘перенаправление энергии на другой вид деятельности’.

В работе впервые введены (с обоснованием различия) термины *психояз1* и *психояз2*, находящиеся в ситуации хронологической и семантической преемственности. *Психояз1* обозначает некорректное и непрофессиональное использование психологических терминов и квазитерминов в обиходной речи (особенно в разговорах о психическом здоровье и межличностных отношениях). *Психояз2* обозначает метафорическое использование психологической терминологии для описания явлений окружающей действительности, не имеющих отношения к сфере психологии. Широкое распространение и метафоризация *психояз1* приводят к появлению *психояз2*, который намечает новые пути концептуализации действительности.

Важным фактором актуализации «психологической» лексики становятся и сугубо российская концепция новой этики, и общемировая ситуация «новой эмоциональности».

Обсуждение

История слова

В русском языке 2020-х гг. слово *психояз* — это результат калькирования английского слова *therapy-speak* (*therapy speak*), которое в англоязычной среде приобрело широкое хождение после публикации эссе журналистки и культурного обозревателя Кэти Уолдман в *The New Yorker* 26 марта 2021 г.⁵ В русском языке существуют и другие кальки английского происхождения, созданные по этой же модели: *новояз* восходит к *newspeak* Джорджа Оруэлла, *коронояз* — к *coronaspeak* (Maher, 2024). Однако в русском языке появляются и свои, уникальные лексические единицы, созданные по словообразовательной модели сложного существительного со вторым корнем -яз: *луркояз* (2008), *некрояз* (2022), например.

Справедливости ради необходимо отметить, что английский термин *therapy-speak* для обозначения неоправданного использования психологических, психоаналитических и психиатрических терминов в повседневной жизни был не первым в англоязычной культуре. В 1975 г. в статье «Psychobabble: The New Language of Candor» («Психоболтовня: Новый язык искренности»)

⁵ Waldman K. The Rise of Therapy-Speak // *The New Yorker*. 26.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/the-rise-of-therapy-speak> (дата обращения: 01.04.2026).

американский писатель, критик и журналист Ричард Дин Розен придумал слово *psychobabble* («психоболтовня»), созданное на основе универбации словосочетания *psychological* («психологический») *babble* («лепет; болтовня»), для обозначения «набора повторяющихся вербальных формальностей, который уничтожает ту самую спонтанность, искренность и понимание, которые он якобы призван продвигать. Это жаргон, сводящий психологическое прозрение к набору стандартизированных наблюдений и предлагающий застывший лексикон для работы с бесконечным разнообразием проблем» (цит. по: (Robert, 1990: 480)). В качестве единиц психоболтовни Розен приводит такие слова, как *codependent* («созависимость»), *denial* («отрицание»), *narcissism* («нарциссизм») и аналогичные им.

На просторах русскоязычного сегмента интернета первое употребление слова *психояз* обнаруживается в 2010 г., в фантастической повести А.А. Самойленко «В этой бесконечной, крохотной Вселенной....», в которой внутри метаязыковой рефлексии автора находим замечание: «— *Крыша поехала!.. — замычала тетенька-врач. Для справки: „крыша поехала“ — это профессиональный психояз и универсальный диагноз наших психиатров*»⁶. Здесь слово *психояз* используется в значении «профессиональный сленг психиатров».

Второе (явно окказиональное, авторское) употребление слова *психояз* относится к 2015 г. На портале «Стихи.ру» в ответ на похвалу своему стихотворению «Антигероиня» поэт Надежда Ревазова упоминает некую книгу, характеризуя ее следующим образом: «*Есть такой разговорничек „Межлокальная контрабанда“ . Психояз навороченный, легкообременительный*»⁷. Книга, о которой идет речь, изданная без указания автора, года и места публикации (в реальности же «Межлокальная контрабанда» написана представителем тюменской неофициальной культуры А. Михайловым в 1997 г.), представляет собой образец андеграундной словесной культуры в виде собрания микротекстов от одного до нескольких предложений, не имеющих никакого отношения к (псевдо)психологическому дискурсу. На неподготовленного читателя эта книга может произвести впечатление некоего психоделического опыта, что, наверное, и сподвигло Н. Ревазову использовать для ее описания слово *психояз* в значении «чрезмерно сложный для восприятия язык».

Впервые же в интересующем нас значении термин *психояз* использован в Рунете блогером «Живого Журнала» под ником *mikhail_bar* 11 марта 2020 г. в следующем контексте:

«*Психояз.*

Впору составлять словарь „психояза“.

Популярные психологические термины, с помощью которых обрисовывается некоторая новая реальность самосознания и самоописания.

Абьюз, агрессия, буллинг, газлайтинг, депрессия, нарцисс, насилие, мизогиния, обесценивание, сексизм, созависимость, ресурс, токсичность и т.д. <...>

⁶ Интерпум. URL: <https://aafnet.integrum.ru/artefact3/ia/ia5.aspx?lv=6&si=wZCMqV2R&qu=221&st=0&bi=7516&xi=&nd=1&tnd=7&srt=3&f=0> (дата обращения: 01.04.2026).

⁷ Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2015/04/05/7399> (дата обращения: 01.04.2026).

Какое-то ядреное сочетание рекламы, моды, идеологии, психологии, психотерапии и философии своего рода.

Обещает прозрение и спасительную ясность.

Поражает организм не хуже вируса. И есть ли против этого вакцина?»⁸.

Таким образом, как минимум с весны 2020 г. в русскоязычном сегменте интернета появляется лексема *психояз* в значении ‘психологические и психотерапевтические термины, используемые в повседневной, обыденной речи не в терминологическом значении’.

С середины 2020-х гг. о психоязе как об определенной проблеме взаимопонимания и даже «разрушения коммуникации» заговорили и сами психологи⁹.

Психояз 1 как детерминологизация специальной лексики

С лингвистической точки зрения психояз представляет собой классический случай деспециализации и последующей детерминологизации узкоспециализированной лексики. Как известно, детерминологизация — это рядовой для языка процесс утраты терминологической единицей строгого лексического значения и переход ее в разряд общеупотребительной лексики. «В случае с психологическими терминами этот процесс приобретает особую значимость, поскольку связан с распространением психологических концепций и их адаптацией к повседневным коммуникативным потребностям» (Юсенко, 2025: 1820). Аксиологический характер детерминологизации психологической лексики и самой природы психояза подчеркивается большинством исследователей: (Здриковская, Мохова, 2022; Павлова, Грязнова, 2025; Истомина, 2025) и др.

Отметим, что нечто подобное нынешней моде на психологическую терминологию российское общество и русский язык проходили в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда в перестроенное время с Запада пришло огромное количество разнообразных гуманитарных концепций и, в частности, произошла повторная (после стремительно закончившейся по политическим причинам первой четверти XX в.) рецепция психоанализа. Именно тогда на русский язык обрушилась первая волна психояза (в большей степени соответствующего американской версии *psychobabble*): в обиходную речь хлынули такие детерминологизированные слова (понятия) психоаналитической теории, как *вытеснение*, *защитный механизм*, *комплекс*, *либидо*, *психологическая защита*, *фиксация*, *фрустрация* и мн.др. Более того, часть слов, которые уже к тому времени существовали в русском научном (или околонаучном) дискурсе, как *бессознательное*, *нарциссизм*, *подсознательное*, *фетишизм*, в языковом

⁸ Живой журнал. URL: <https://mikhail-bar.livejournal.com/108565.html> (дата обращения: 01.04.2026).

⁹ Кудряшова Н.А. Осторожно, психояз! Кто мы, когда ярлыки исчезают? [Электронный ресурс]. b17 (Сайт психологов № 1). 12.02.2026. URL: <https://www.b17.ru/article/831618/?ysclid=mlo9cdnxpt497566726> (дата обращения: 01.04.2026).

сознании большого количества носителей языка обрели прочную связь именно с теорией Фрейда и его последователей, а не с другими формами гуманитарного знания (как могло бы быть, например, с *фетишизмом*, имеющим отношение и к истории религии).

Важно, что после первой волны детерминологизации психологических и психоаналитических терминов далеко не все эти единицы были зафиксированы фундаментальными толковыми словарями: так, из перечисленного выше ряда в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (БТСРЯ) находим только две единицы, да и то с разными пометами: *фетишизм* (Мед.) и *фрустрация* (Психол.)¹⁰. Одновременно в ряде случаев БТСРЯ фиксирует и полную детерминологизацию исторически психоаналитических терминов, например: «**Нарциссизм**. Самовлюбленность, самолюбование».

Аналогично в БТСРЯ обнаруживается детерминологизированное значение, поданное в виде оттенка, в следующей словарной статье: «**Комплекс**. 4. В психологии: группа разнородных психических элементов, процессов, соединенных в одно целое. *Комплекс вины*. *Комплекс неполноценности* (болезненное осознание своих недостатков, своей неполноценности). *Эдипов комплекс* (возникающее в младенчестве враждебное отношение сына к отцу). || Разг. Ощущение собственной уязвимости, социальной незащищенности; комплекс неполноценности. *Комплексы нужно изживать*. *Она явно с комплексом*. *Человек без комплексов*».

Итак, первая волна детерминологизированной психологической (прежде всего, психоаналитической) лексики обрушилась на русский язык еще в конце XX в., оставив следы в языке и мышлении.

Однако если еще в конце 2000-х гг. А.В. Юревич, рассуждая о современной ему популяризации психологических знаний, мог отметить, что «и психологическое знание, и интерпретации психологических состояний, и практические рекомендации формулируются в поп-психологических текстах в терминах быденного языка, а не в таких терминах практической психологии, как „компенсация“, „сублимация“, „катарсис“, „аутизм“ и др., малопонятных обывателю» (Юревич, 2008: 60), то сейчас, почти 20 лет спустя, все изменилось кардинальным образом. Медикализация языка, речи и сознания приводит к тому, что большинство названных терминов перешло в психояз и активно используется не только в рамках (около)психологического дискурса, но и далеко за его пределами: вот, например, какие употребления слова *сублимация* (упомянутого в приведенной выше цитате эксперта) обнаруживаются в подкорпусе «Социальные сети» НКРЯ¹¹ (орфография и пунктуация источников сохранены):

К тому же, к чему люди бьют посуду, стучат по мебели, пинают по крышки и хлопают дверьми. Сублимация выплеска энергии. тобишь истеричка) [Крысы: болталка (2006–2017)];

¹⁰ Здесь и дальше: Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 01.04.2026).

¹¹ НКРЯ. Подкорпус «Социальные сети». URL: <https://clck.ru/3TFE6G> (дата обращения: 01.04.2026).

*Я их даже не ем сейчас — за лето попробовал половинку, честно угощенный — вторую половинку пришлось выбросить, так как от помидора мне отчетливо поплохело, хотя он был вполне себе домашний, спелый и не кислый. Мда... Клеptomании я тоже за собой не замечал. Скорее, это какая-то **сублимация** плюшкинского желания завестись всем, даже ненужным, ибо — да, я стал жалок и жаден, почти как он.* [Псевдоним alfare. Лайфстайл блог (2020)];

*Здорово, что Вы знаете о **сублимации** в виде спорта, чтения книг и усталости на работе* [Елена Дьячкова. КЕДы (30.07.2021)].

Как видно из приведенных примеров, психоаналитический по происхождению термин *сублимация* полностью утратил в них свое терминологическое значение ('защитный механизм психики, в процессе которого внутренние стремления человека преобразовываются в социально приемлемые действия, через которые он может получить частичное или полное удовлетворение этих стремлений'¹²), превратившись во вполне обиходное слово со значением 'перенаправление сил и энергии на другой тип деятельности'.

Справедливости ради необходимо отметить, что в некоторых случаях психоз может играть важную психотерапевтическую функцию. Например, некоторым людям психологическая терминология (*выгорание, личные границы, токсичность, триггер*) позволяет концептуализировать и рационализировать ту или иную психологически или эмоционально крайне тяжелую ситуацию, делая ее предсказуемой и безопасной. Таким образом, в некоторых случаях рационализация через термины может помочь справиться с чрезмерными эмоциями.

Одновременно следует помнить и об обратной стороне этой медали: «Использование психологических терминов за пределами психологического дискурса служит средством конструирования особой психологической реальности, в которой формируется современная эмоциональная культура уязвимости человека перед жизненными проблемами и его словесно декларируемой жертвенности» (Плотникова, 2021: 51).

Кроме того, опасность психоза заключается еще и в том, что он размывает точные значения психотерапевтических терминов, определенным образом патологизируя те или иные ситуации. Так, с научной точки зрения *булимия, выгорание, депрессия* и мн. др. — это серьезные, требующие тонких и точных действий специалиста состояния. Самодиагностика или использование подобных слов как модных ярлыков может привести к серьезным проблемам. Кроме того, использование психоза в общении с близкими и друзьями заменяет обычное, традиционное участие, поддержку и заботу псевдоинтеллектуальным дистанцированием, подчас сопровождаемым демонстрацией широких (псевдо)познаний из соответствующих областей психологии или даже психиатрии.

Важно, что современные исследователи напрямую указывают на вред психоза как орудия манипуляции и даже агрессии: «В том что касается эти-

¹² B17.ru (Сайт психологов № 1). URL: <https://clck.ru/3TFD8h> (дата обращения: 01.04.2026).

ческих проблем, психоз может использоваться для дискредитации отдельных лиц, уклонения от ответственности и даже демонстрации социального статуса путем занятия якобы объективной позиции» (Isern-Mas, Almagro, 2025: 465).

Психоз2 как метафоризация детерминологизированной лексики

Однако психоз как одна из форм медиализации языка и мышления не останавливается на детерминологизации психоаналитической, психологической и психиатрической лексики и использовании ее в профанном значении для описания ментальной и эмоциональной сфер человека. Напомним, что с социологической и антропологической точек зрения медиализация проявляется в т.ч. и в переносе медицинских терминов и концепций на сферы общественной и человеческой жизни, с медициной не связанные. Подобное происходит и с психозом. «Сегодня в медиа все привычнее рассуждения о *токсичных отношениях в социуме, коллективной травме, газлайтинге*, что приводит к мыслям о формировании в политическом дискурсе особого „психоза“ как части языка медицины» (Шмелева, 2024: 594).

Действительно, можно утверждать, что в современном русском языке формируется продуктивный тип метафоризации, который назовем *психоз2* — использование психологической терминологии для описания явлений, не имеющих никакого отношения к сфере психологии.

Например, на наших глазах происходит переосмысление относительно недавно вошедшего в употребление слова психологического генезиса *абьюз* (‘жестокое и унижительное обращение с кем-л., насилие по отношению к кому-л., имеющее целью принуждение кого-л. к подчинению, подавление его воли и т.п.’¹³), а также его многочисленных и актуальных производных, для номинации и концептуализации явлений, не имеющих никакого отношения к сфере межличностного общения.

Так, в лексикографической базе данных «Новое в русской лексике» зарегистрированы две интересные единицы:

«**Абьюз²** Проф. В сфере информационных технологий — нарушение правил использования интернет-ресурсов, сервисов и т.п. — *При игре во взводе в теории вы сможете стакать блок карт, ну, это такой абьюз получается (на самом деле таков дизайн данной фишки *смеется*)*. Overclockers.ru 26.08.2008. Несмотря на то, что многие провайдеры поддоменов ведут записи WhoIs и исправно откликаются на жалобы, злоупотреблений в этом пространстве пока хватает, а заблокировать фишинговый ресурс — большая проблема. Например, свыше 40 % поддельных сайтов, обнаруженных в отчетный период, были привязаны к доменной зоне .co.cc, хотя соответствующий корейский сервис очень оперативно реагирует на абьюзы. SecurityLab.Ru 04.05.2017»¹⁴. (Орфография и пунктуация источников сохранены).

¹³ Новое в русской лексике. URL: https://neolex.iling.spb.ru/simple-search?title_or=contains&title=абьюз (дата обращения: 01.04.2026).

¹⁴ Там же.

Если это значение русского слова *абыюз* обусловлено аналогичным лексико-семантическим вариантом английского *abuse* ('использование чего-л. вредным или аморальным способом')¹⁵, то вот сверхсловная номинация, которая была зарегистрирована в 2025 г., — это абсолютно точно русская языковая новация.

«Банковский абыюзер. О том, кто выискивает выгодные ставки в разных банках и переводит деньги с вклада на вклад. *Российские банки стали массово повышали приветственные ставки по вкладам, что привело к появлению нового типа клиентов — профессионального ловца выгоды, или „банковского абыюзера“.* Русский репортер [rusrep.ru] 23.04.2025. *За счет массового повышения банками приветственных ставок на рынке вкладов в России появился новый тип клиентов — банковские „абыюзеры“.* Об этом говорится в исследовании аналитической и консалтинговой компании Frank RG. *После сокращения приветственных бонусов в одном банке „ловцы выгоды“ переводят свои сбережения в другой. Так они могут „гонять“ до 30 млн рублей между разными финансовыми организациями, получая самую выгодную на рынке ставку по вкладу или накопительному счету.* t-j.ru 24.04.2025»¹⁶. (Орфография и пунктуация источников сохранены).

Как видно из иллюстраций этой словарной статьи, идея абыюза в семантике данной единицы полностью находится за пределами сферы психологии. И даже если предположить, что сквозь русскую сверхсловную номинацию *банковский абыюзер* как будто бы просвечивает английское словосочетание *financial abuse* ('лишение жертвы доступа к финансовым ресурсам и к принятию финансовых решений'), то все равно в англоязычном мире нет аналога русской новации — *банковскому абыюзеру*. Важно сделать акцент на том, что для любого современного носителя русского языка эта номинация неминуемо будет связана с идеей абыюза как психологического насилия, так как и само слово, и его дериваты активно используется в медиа- и интернет-пространстве уже более двух десятилетий. Собственно, таким образом и реализуются механизмы переосмысления психотерминов, создающие почву для функционирования и развития *психояза*².

Заключение

В ходе истории человечества медиализация языка и мышления происходила многократно и по-разному. В современной мире она связана, прежде всего, с ростом значимости медицины, проблемами доступности медицины и высоких технологий в ней, вопросами биоэтики и государственного медицинского контроля, многочисленными эпидемиями и пандемией COVID-19.

¹⁵ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/abuse> (дата обращения: 01.04.2026).

¹⁶ Новое в русской лексике. URL: https://neolex.iling.spb.ru/simple-search?title_op=contains&title%3Абанковский (дата обращения: 01.04.2026).

В современном русском языке примером медиализации может служить психояз, обозначающий два пути использования медицинской лексики — детерминологизация и метафоризация.

Перспективы исследования связаны с широким спектром дальнейших разысканий. Среди теоретических направлений можно выделить диахронические (анализ функционирования терминов психологии в истории языка), лингвокогнитивные (медиализация как способ концептуализации действительности; роль метафоры в детерминологизации единиц тех или иных наук), лингвоаксиологические (сопоставление состава, механизмов создания и рецепции психотерминов в разных языках и культурах). К практическим задачам можно отнести составление актуального словаря психояза.

Список литературы

- Белова Е.В., Землякова К.В. Использование психологических терминов в интернет-среде как признак виртуализации мышления молодежи // Социогуманитарные коммуникации. 2024. № 4 (10). С. 128–143. EDN: GEINCT
- Бобылева М.С. Мы так говорим: токсичные слова и как их избежать. М. : АСТ, 2021. 224 с.
- Демина А.Е. В потоке, в моменте, в ресурсе: о лексике современного (псевдо)духовного поиска // Неология. Неография. 2022 : сб. науч. ст. СПб. : ИЛИ РАН, 2023. С. 74–88. EDN: EYXVJN
- Ефремов В.А., Матвеева С.У. Язык и гендер в аспекте новой этики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2023. № 210. С. 265–274. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-210-265-274> EDN: FDKYDI
- Здриковская Т.А., Мохова Ю.А. Функционирование психотерапевтических терминов в русскоязычном интернет-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 5. С. 1548–1553. <https://doi.org/10.30853/phil20220284> EDN: MBZKAE
- Истомина Е.М. Лингвоаксиологическое и идеографическое описание интернет-дискурса популярной психологии : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2025. 210 с.
- Кошкарлова Н.Н., Яковлева Е.М. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 147–152. <https://doi.org/10.26170/pl19-05-15> EDN: BOSSNZ
- Макарова О.С. Лингвистический аспект медиализации: постановка проблемы // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2015. № 2 (2). 10. EDN: UMNOXR
- Михель Д.В. Медиализация как социальный феномен // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 2 (60). С. 256–263. EDN: OZFKCN
- Павлова А.И., Грязнова В.М. Процесс детерминологизации терминов из области психологии в языке современных развлекательных телепередач // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 327–332. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.20> EDN: FWHPMQ
- Плотникова А.М. «Когнитивный диссонанс», «депрессия», «разрыв шаблона» и другие психологические термины за пределами психологического дискурса // Cognitive Neuroscience – 2020 : материалы Междунар. форума, Екатеринбург, 11–12 декабря 2020 г. Екатеринбург : УрФУ, 2021. С. 49–51. EDN: WFRPFS

- Сложные чувства*. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности / М. Аронсон и др. М. : Common Place, 2021. 269 с.*
- Шмелева Т.В.* Лингвистическое исследование сферы ‘здоровье/болезни’: методологические основания // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 4 (55). С. 590–598. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.4\(55\).590-598](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2024.4(55).590-598) EDN: LXPHKW
- Шомова С.А.* Новые медиа и «новая этика»: к вопросу о ценностных трансформациях журналистской профессии // Медиаальманах. 2016. № 4 (75). С. 12–20. EDN: WYHYPH
- Юревич А.В.* Поп-психология // Природа. 2008. № 5 (1113). С. 57–60. EDN: OUIAGB
- Юсенко П.В.* Детерминологизация новейших психологических терминов в современном дискурсе // Язык и культура: взгляд молодых : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках V Костомаровского форума, Москва, 22 мая 2025 г. М. : ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2025. С. 1820–1824. EDN: HWXZYP
- Conrad P.* The Medicalization of Society: On the Transformation of Human Conditions into Treatable Disorders. Baltimore : The John Hopkins University Press, 2007. 205 p.
- Isern-Mas C., Almagro M.* Unmasking therapy-speak // Theoretical Medicine and Bioethics. 2025. Vol. 46. № 6. Pp. 465–489. <https://doi.org/10.1007/s11017-025-09730-5> EDN: SOTGEQ
- Maher J.C.* The World of Coronaspeak: Mockdown, PCR and Surgeon’s Finger. Cambridge Scholars Publishing, 2024. 266 p.
- Robert E.* The concise Columbia dictionary of quotations. New York : Avon Books, 1990.

Сведения об авторе:

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9. *Сфера научных интересов*: неология и неография, лексикология и лексикография, современный русский язык, культура речи, юрислингвистика. ORCID: 0000-0002-0247-706X. AuthorID: 320329. SPIN-код: 3233-2138. ResearcherID: M-6351-2016. Scopus ID: 57192025216. E-mail: valef@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-350-363

EDN: EJKUCF

Research Article

Therapy-speak as a form of Russian language medicalization

Valerii A. Efremov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, *Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ valef@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the increasing medicalization in modern Russian society caused by the following factors: the COVID-19 pandemic, the spread of “new ethics” and “new emotionality” concepts, and the growing popularity of

* Среди 20 участников, принявших участие в этом проекте, три человека (Г. Юдин, И. Будрайтский, Г. Гусейнов) признаны иностранными агентами в Российской Федерации.

psychotherapeutic services. The psychological terms entered everyday speech and communication, which gave rise to the phenomenon of *психояз* ‘therapy-speak’. The study is aimed at analyzing the linguistic nature of therapy-speak as a form of modern Russian language and speech medicalization. The research material includes data from the Russian National Corpus (subcorpus “Social Networks”), the Integrum electronic archive, and the lexicographic resource “New Words in Russian Vocabulary” (ILR RAS). The contexts of the analyzed units were extracted through word and collocation search combined with content analysis elements. The study employs traditional methods of semantic, component, contextual, lexicographic, and partially linguistic-cognitive analysis. The research shows the genesis and evolution of the term *психояз* ‘therapy-speak’ in the Russian language. The historical continuity of the phenomenon is revealed; the first wave of determinologized psychoanalytic lexis occurred in Russian in 1990s (комплекс ‘complex’, либидо ‘libido’, фрустрация ‘frustration’, нарциссизм ‘narcissism’, etc.). Therapy-speak is qualified as a traditional case of specialized lexis determinologization. The distinction between *therapy-speak1* (incorrect use of psychological terms in everyday speech) and *therapy-speak2* (metaphorical transfer of psychological terminology to phenomena unrelated to psychology) is introduced and substantiated for the first time. The author proves that “new ethics” is an important factor for psychological lexis actualization.

Keywords: psychotherapeutic jargon, psychological terms, quasi-terms, determinologization, new ethics, new emotionality

Conflict of interest. The author has no conflict of interest to declare.

Article history: received 25.02.2026; accepted 15.05.2026.

For citation: Efremov, V. A. (2026). Therapy-speak as a form of Russian language medicalization. *Russian Language Studies*, 24(3), 350–363. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-350-363> EDN: EJKUCF

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-364-378

EDN: ELEYIG

Научная статья

Вариантность техницизмов IT-сферы по одушевленности в русской речи: типология, особенности, сопутствующие процессы

Е.В. Маринова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Российская Федерация
✉ marinova@list.ru

Аннотация. На материале лексики IT-сферы рассмотрены формы и конструкции, проявляющие в современной русской речи непоследовательность в отношении грамматической категории одушевленности. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью вопросов о типах грамматических вариантов, различия которых проявляются только в винительном падеже, и причинах и условиях варьирования названий человекоподобных устройств (*создать робот / робота; подключить голосовой помощник / голосового помощника*). Цель исследования — установить особенности грамматической вариантности техницизмов в отношении (не)одушевленности в 2010-е–2020-е гг., отмеченные появлением новых случаев колебаний в форме винительного падежа. Источники материала — Национальный корпус русского языка и электронный архив периодических изданий России и стран СНГ «Интегрум», откуда соответственно методом объектного поиска и сплошной выборкой извлекали контексты с варьирующимися в форме винительного падежа существительными, включая сложносоставные номинации типа *робот-водолаз*. Методика исследования языкового материала включает морфологический, семантический, лингвокогнитивный анализ. Впервые приведены корпусные данные о колебаниях в форме винительного падежа сложносоставных существительных, компоненты которых в системе языка по-разному относятся к одушевленности / неодушевленности. В результате установлены два типа вариантности в отношении одушевленности: лексико-грамматическая и собственно грамматическая; выявлены особенности варьирования существительных техносферы, в т.ч. сложносоставных, являющихся номинациями человекоподобных программ; высказано предположение о наличии в русском языке в сложносоставных субстантивах (взаимо)согласования по одушевленности / неодушевленности, ранее не отмечаемого в научной литературе. Сделан вывод о том, что формирование грамматической категории одушевленности в русском языке продолжается по настоящее время. Перспективы исследования видятся в изучении форм винительного падежа новых номинаций с первым компонентом *III-* (например, *III-редактор*).

© Маринова Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: русский язык, употребление термина, грамматические варианты, винительный падеж, сложносоставные существительные, согласование, номинации человекоподобных устройств, антропоморфизм

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 13.01.2026; принята к печати 30.04.2026.

Для цитирования: Маринова Е.В. Вариантность техницизмов IT-сферы по одушевленности в русской речи: типология, особенности, сопутствующие процессы // Русистика. 2026. Т. 24. № 3. С. 364–378. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-364-378> EDN: ELEYIG

Введение

Сам факт изменчивости языка на всех его уровнях и во всех его подсистемах считается одним из его онтологических признаков (достаточно вспомнить концепции языка В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра и др., особо это отмечавших). М.Л. Котин пишет: «Принципиальная изменяемость любого естественного языка является аксиомой и не может быть поэтому поставлена в зависимость ни от каких внешних или внутренних факторов, кроме всепоглощающего фактора времени» (Котин, 2018: 178). Это утверждение означает, что систему языка изменяют не только бурные социальные потрясения, но и более тонкие, незаметные для наивного носителя языка процессы, имеющие внутренний, когнитивный характер. К таким процессам относятся, например, изменения формы языкового знака, которые напрямую, очевидным для рядового носителя языка образом, не связаны с его содержанием. Как правило, эти изменения затрагивают грамматическую систему языка и проявляются по-разному: например, приобретением словом или словоформой новых грамматических признаков или вариативным поведением языковой единицы в отношении той или иной грамматической категории. В нашем исследовании речь пойдет об одной такой категории — одушевленности / неодушевленности у русских имен существительных.

Можно ли считать процессы, происходящие в настоящее время в рамках этой категории, **активными**? На наш взгляд, ответ здесь положительный, поскольку реакция на грамматическую одушевленность / неодушевленность (т.е. на выбор окончания в форме винительного падежа) оказывается неоднозначной у некоторых лексических единиц, что сопровождается (действительно «живым») процессом их варьирования. В качестве небольшой иллюстрации приведем две цитаты из материалов СМИ, вышедших в один и тот же день — 10 февраля 2026 г.¹ Ср.: *Голосовой помощник ЕДЦ* (Единого диспетчерского центра. — Е.М.) *усовершенствовали для консультаций москвичей по вопросам ЖКХ*² (заголовок). — *Ответив на вопросы, Аврора* (голосовой

¹ Извлечены методом сплошной выборки из сервиса «Архив СМИ» электронного архива периодических изданий России и стран СНГ «Интегрум» на запрос «голосовой помощник».

² Москва 24. URL: <https://www.m24.ru/news/10022026/872195> (дата обращения: 10.03.2026).

помощник. — Е.М.) *просит поставить ей оценку — эта опция поможет разработчикам сделать голосового помощника еще более эффективным*³. (Новости).

Как видим, одно и то же существительное в одном и том же падеже — винительном — используется как неодушевленное и как одушевленное.

Вариантность этого и других существительных, рассмотренных нами, подтверждает тезис А.Б. Пеньковского о том, что формирование категории одушевленности в современном русском языке продолжается (Пеньковский, 2004: 85). С этим и связана **актуальность** нашего исследования. Она объясняется также недостаточной изученностью вариантности, проявляющейся у существительных, в т.ч. сложносоставных, в форме винительного падежа; неразработанностью типологии грамматических вариантов, различия которых проявляются по отношению к одушевленности; отсутствием фундаментальных исследований новых случаев варьирования по этому признаку.

Между тем история формирования грамматических классов одушевленных и неодушевленных существительных, представленная, например, в (Крысько, 1994), свидетельствует об уникальной специфике данной категории, что отмечалось и в работах зарубежных русистов (Fraser, Corbett, 1995; Timberlake, 2004; Swart, Lamers, Lestrade, 2008). Для нашего исследования особенно важны следующие моменты: 1) изначально различия в форме винительного падежа отражали социальные роли, социальный статус живых объектов (винительный оформлялся как родительный у субстантивов мужского рода, именующих общественно активных лиц (*князь, посадник*)); 2) деление существительных на одушевленные — неодушевленные, не зеркально отражающее физическую реальность с ее дихотомией «живое — неживое», имеет нечеткий характер, обусловленный национально-культурной спецификой общественного сознания⁴. В 2010-е–2020-е гг. стихийное присвоение наименованиям неживых объектов грамматических признаков одушевленности (*сделать голосового помощника, создать бота*) сопоставимо с теми случаями отклонения от здравого смысла, которые давно зафиксированы грамматической наукой (Русская грамматика..., 1980: 463–464) и, очевидно, подчинены лингвокогнитивному механизму, включающему функцию интерпретации действительности языком на его глубинном уровне.

Цель исследования — установить особенности вариантности существительных в отношении (не)одушевленности в 2010-е–2020-е гг. на материале бурно развивающейся лексики ИТ-сферы.

Методы и материалы

Методика исследования языкового материала включает морфологический, семантический, лингвокогнитивный анализ. Источники материала: Национальный корпус русского языка (основной и газетный подкорпуса;

³ Гудок. URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1743070> (дата обращения: 10.03.2026).

⁴ Достаточно вспомнить одушевленность *мертвеца* и *покойника*.

1985–2021) и электронный архив периодических изданий России и стран СНГ «Интегрум» (сервис «Архив СМИ»; 2021–2026), откуда соответственно методом объектного поиска и методом сплошной выборки извлекали контексты с варьирующимися в форме винительного падежа существительными, включая сложносоставные номинации типа *робот-водолаз*. Состав запрашиваемых в случае объектного поиска единиц формировался методом включенного наблюдения за ростом в русском языке числа обозначений высокотехнологичных человекоподобных программ и устройств.

Результаты

1. Определен основной состав и структурное разнообразие варьирующихся в отношении одушевленности техницизмов — номинаций высокотехнологичных программных инструментов и устройств, выполняющих функции человека или имитирующих его; в состав вошли:

- однословные номинации *робот*, *бот* (и его производные),
- сложные слова с первым неизменяемым компонентом (*ИИ*-, *онлайн*- и др.) и вторым — наименованием лица,
- составные номинации с опорными существительными *переводчик*, *помощник*, *ассистент*, *редактор* и др.,
- сложносоставные существительные с первым компонентом *робот*-.

2. Обосновано положение об открытом характере группы, обусловленном факторами:

- создание новых техницизмов на базе имеющихся при востребованности реалии для дальнейшей ее модификации (*текстовый редактор*, *онлайн-редактор*, *нейросеть-редактор*, *ИИ-редактор*);
- наличие формальных вариантов номинации (*онлайн-переводчик* — *online переводчик*);
- рост числа новых номинаций с первым компонентом *ИИ*- / *AI*- на базе личных существительных.

3. Установлена связь варьирования номинации в форме винительного падежа с ее типом — вторичная (*помощник*, *ассистент*, *редактор* и т.п. как названия программ) и первичная (*бот*, *чат-бот* и под., для которых сема 'программа' является исходной): наличие / отсутствие у варьирующейся единицы формально-семантической связи с одушевленным личным существительным определяет особенности варьирования, в т.ч. его дальнейшее сохранение (для первичных номинаций) или устранение (для вторичных).

4. На основе количественного анализа словоформ винительного одушевленного и винительного неодушевленного (далее соответственно — Вин. ОДУШ, Вин. НЕОДУШ) установлено стремящееся к 100 % преобладание неодушевленного варианта у вторичных номинаций ИТ-сферы, пришедших в русский язык в конце XX в. (*мастер подсказок*, *почтовый клиент*, *переводчик*), при сохранении активного характера самого явления у вновь появляющихся в языке номинаций подобного типа (*ИИ-редактор*, *ИИ-переводчик*, *ИИ-помощник* и др.).

5. Выявлен системный характер варьирования первичных номинаций-технизмов (*робот, бот*), в употреблении которых преобладает Вин. ОДУШ: варьирование обусловлено наличием семы ‘человекоподобное’.

6. На материале сложносоставных существительных с компонентом *робот-* установлена зависимость предпочтений говорящего при выборе Вин. ОДУШ / НЕОДУШ от грамматического признака (не)одушевленности второго компонента (*осмотреть робот-вертолет и роботов-разведчиков*).

7. Установлено действие принципа согласования по одушевленности / неодушевленности между компонентами сложносоставных существительных (*создать робот-водолаз, робот-дезинфектор; создать робота-водолаза, робота-дезинфектора*), ранее не отмеченное в грамматиках русского языка.

8. Выявлены основные типы грамматической вариантности существительных в отношении одушевленности: собственно грамматическая (варьирование в пределах одного и того же значения: *создать бот/бота*) и лексико-грамматическая вариантность (варьирование разных лексико-семантических вариантов многозначного слова: *выучиться на редактора — использовать текстовый редактор*).

Обсуждение

Состав и структура варьирующихся техницизмов

Итак, наблюдаемые нами имена существительные, варьирующиеся в форме винительного падежа, в тематическом отношении составляют одну гомогенную группу: это наименования технических устройств (опций, программ), выполняющих функции человека, т.е. имитирующих его деятельность — как умственную (*онлайн-переводчик*), так и физическую (*робот-санер*). Однако с точки зрения **создания** номинации, техницизмы могут принципиально различаться: одни представляют собой **вторичные** наименования, созданные метафорическим переносом по функции (так в свое время появились *дворники* ‘стеклоочистители’; *истребитель, разведчик, бомбардировщик* — о летательных средствах; *регистратор, навигатор* — об автомобильных устройствах; *аудиогид* и др.). В современной техносфере это *навигатор (по сайту), мастер (подсказок), (текстовый) редактор, переводчик, компилятор* ‘программа перевода с одного машинного языка на другой’ и подобные им, в первичном значении обозначающие человека.

Вторая группа, не менее представительная в количественном отношении, — **первичные** номинации: *робот, бот, чат-бот, спам-бот* и под. Они пришли в русский язык путем заимствования и не имеют «бэкграунда» в виде исходного одушевленного лексико-семантического варианта (ЛСВ), наблюдаемого у номинаций первой группы. Наличие / отсутствие такого семантического признака влияет на грамматическое поведение номинаций, что мы покажем ниже.

Неоднородны номинации исследуемой тематической группы и по структуре. Техницизмы представляют собой:

- однословные номинации: *робот, бот, навигатор*;
- сложносоставные существительные: *робот-водолаз, бот-программа, нейросеть-портретист*;
- сложные слова с неизменяемым первым компонентом, в том числе аббревиатурой: *чат-бот, спам-бот, нанобот, ИИ-редактор / AI-редактор, онлайн-переводчик* и др.;
- устоявшиеся субстантивные словосочетания разных структурных типов: *цифровой двойник, цифровой полицейский, голосовой ассистент; мастер подсказок, редактор изображений* и др.

Следует отметить высокую деривативную продуктивность однословных номинаций обеих групп. В случае актуализации и повышенной востребованности реалии (напр., машинного перевода текста и его редактирования) в процессе номинирования дальнейшей ее модификации используется то же самое исходное существительное, в результате чего формируется гнездо с его вершиной и разнообразными по структуре и лексическому наполнению составными номинациями. Существительное при этом реализует как свою левую, так и правую валентность. См., напр.: *редактор* — *текстовый редактор, фоторедактор, онлайн-редактор, нейросеть-редактор, AI-редактор <изображений, заметок, контента, резюме, обоев, писем>, редактор исходного кода* и др.

Поскольку создание номинаций техносферы, как видим, следует гнездовому принципу, точно определить количественный состав техницизмов, проявляющих колебания в отношении одушевленности, не представляется возможным. Кроме того, в нашем исследовании существенен и тот факт, что один и тот же техницизм может иметь различные формальные варианты: *AI-редактор* — *ИИ-редактор*; *онлайн-переводчик* — *online переводчик*; *Google ассистент* — *гугл ассистент*; *почтовый клиент* — *мейл-клиент* — *клиент электронной почты*; *голосовой помощник* — *голосовой ассистент* (плюс эллиптические варианты: *помощник, ассистент*) и т.д. В целом получается довольно обширная группа потенциальных вариантов в отношении одушевленности. Еще одно доказательство тому — рост числа номинаций на базе личных существительных с помощью препозитивного форманта *ИИ- / AI-*. Вот данные по словарям (Новое..., 2015; 2016; 2017; 2021) и другим, медийным источникам (без учета вариантов с *AI-*): *ИИ-агент <ассистент, врач, дегустатор, диетолог, дизайнер, доктор, исполнитель, кардиолог, коллега, композитор, конструктор, консультант, копирайтер, (топ-)менеджер, микробиолог, модератор, надсмотрщик, оракул, партнер, продавец, поверенный, повар, помощник, психолог, работник, (фото)редактор, рекрутер, репетитор, родитель, секретарь, селекционер, советник, стилист, сценарист, судья, терапевт, хранитель, шеф, юрист>*.

Таким образом, для нашего исследования значим не столько количественный состав варьирующихся единиц, сколько их качественные особенности, прежде всего наличие / отсутствие формально-семантической связи с одушевленным существительным — наименованием лица.

Вторичные (метафорические) номинации-техницизмы: дрейф к неодушевленности

В 90-е гг. XX в. такие номинации путем калькирования английских терминов ИТ-сферы приходят в русский язык, формируя компьютерный лексикон. Семантически они связаны одинаковым родовым значением ‘компьютерная программа’ и общим принципом, положенным в основу номинирования, — персонификацией. Поскольку планом выражения является личное существительное, в первичном значении обозначающее деятеля, внутренняя форма вторичных номинаций метафорична. В связи с этим встает вопрос: как техницизмы реагируют на одушевленность — неотъемлемый признак того самого существительного, которое послужило основой для переноса? Повод для такого вопроса дает такой, например, заголовок: *Яндекс запустил **AI-редактор** и **AI-помощников** для рекламодателей и рекламных площадок*⁵.

Рассмотрим с этой точки зрения **названия компьютерных программ**, или программных инструментов: *мастер (подсказок), почтовый клиент, переводчик, редактор*.

Мастер (подсказок, диаграмм, функций, Web-страниц, шаблонов, преобразований, сводных страниц). Наиболее распространенный среди пользователей термин — *мастер подсказок* (сменяющие друг друга диалоговые окна для выполнения пользователем пошагово какой-либо задачи). Формы винительного падежа этого термина обнаружены только в «Архиве СМИ»: среди 13 случаев 11 — Вин. НЕОДУШ (84,6 %), два — ОДУШ. Ср.: *Часто организации просто нужен чистый ИИ..., а не GPT, который превращает его в новейший мастер подсказок*⁶. — *Система позволяет: добавлять новые роли и кабинеты, менять бизнес-логику проекта, ...настраивать мастера подсказок*⁷.

Почтовый клиент — о программе, выполняющей различные функции по написанию сообщений, отправке, хранению и др. Среди восьми случаев в НКРЯ шесть — Вин. НЕОДУШ (98 %), два — ОДУШ. Ср.: *...пользователи iOS 14 заметили, что, если сменить почтовый клиент, но оставить главным Safari, ссылки в этом браузере... будут по-прежнему открываться в собственной «Почте» Apple*⁸. — *...следующие поколения смартфонов компании не будут иметь доступ к сервисам Google, включая магазин приложений Google Play, браузер Chrome, почтового клиента Gmail*⁹.

⁵ Трушеринг. URL: <https://truesharing.ru/news/60787/> (дата обращения: 06.03.2026).

⁶ Kolibri. URL: <https://www.techradar.com/pro/a-pragmatic-approach-to-generative-ai> (дата обращения: 21.03.2026).

⁷ VC.ru. URL: <https://vc.ru/services/963867-sozdanie-marketpleisa-tovarov-gotovoe-reshenie-dlya-tovarnoi-ploshadki-falcon-marketplace> (дата обращения: 22.03.2026).

⁸ Vesti.ru. URL: <https://www.vesti.ru/article/2460325> (дата обращения: 18.03.2026).

⁹ lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2019/05/19/google_huawei/ (дата обращения: 19.03.2026).

Переводчик. Этот техницизм имеет довольно развернутую парадигму номинаций, в которых он выступает опорным словом; см.: *онлайн-переводчик* / *online переводчик*, *ЯндексПереводчик*, *GoogleПереводчик*, *SkypeПереводчик*, *бот-переводчик*, *поисковик-переводчик* и др. В НКРЯ мы проводили поиск по исходному существительному. Обнаружено 60 случаев употребления этого техницизма в форме винительного падежа; среди них 59 — Вин. НЕОДУШ (98 %), один — ОДУШ. Ср.: *Переводчик, который распознает речь и сам произносит переведенную на другой язык фразу, всего пару десятков лет назад можно было увидеть только в фантастическом фильме*¹⁰. — *Для перевода книги специалисты предложили использовать один из алгоритмов Яндекс. Переводчика, который применяется для обработки больших текстов*¹¹.

С начала интенсивного распространения технологий искусственного интеллекта в 20-е гг. XXI в. становится частотным термин *ИИ-переводчик*. Формы Вин. падежа обнаружены только в «Архиве СМИ» (для поиска взят диапазон дат: 02.03.2025 – 02.03.2026). В 156 (из 163) случаях употребления термина в искомом падеже — Вин. НЕОДУШ (95,7 %), в 7 — ОДУШ. Ср., напр.: *Языкового барьера больше не существует»: Ватикан запустил ИИ-переводчик для папских месс*¹². — *ИИ-переводчика для тюркских языков создали в Казахстане*¹³.

Редактор, или *текстовый редактор*, *редактор исходного кода*, — о программе, предназначенной для создания текстовых файлов и преобразования их содержимого. Формы Вин. падежа обнаружены в НКРЯ: все 30 словоформ — Вин. НЕОДУШ (100 %); см.: *Для начала сделайте так, чтобы на экране было как можно больше белого цвета (например, запустите текстовый редактор Word)*¹⁴.

Однако несколько иную картину показывают наблюдения над употреблением в форме Вин. падежа термина *ИИ-редактор* (поиск проводился по «Архиву СМИ»). Среди обнаруженных словоформ (всего 84 за временной срез 02.03.2025 – 02.03.2026) 80 случаев — Вин. НЕОДУШ (95,2 %), 4 — ОДУШ, в т.ч.: *Если ты работаешь с контентом — можно встроить ИИ-редактора прямо в чат*¹⁵.

Есть ли подобные колебания у графического варианта этой номинации — *AI-редактор*? Поиск по «Архиву СМИ» дал следующие результаты (временной срез тот же): среди 136 употреблений в форме Вин. падежа 126 —

¹⁰ Труд-7. URL: https://search.integrum.ru/ArtefactDocument.aspx?sourceId=179&url=tru_D20080811_N147_L2008081018421395_A01a.txt (дата обращения: 19.03..2026).

¹¹ Vesti.ru. URL: <https://www.vesti.ru/article/2493898?ysclid=ms53ua4b7f127762817> (дата обращения: 19.03.2026).

¹² Татьяна день. URL: <https://dzen.ru/a/aZ7hOgWwsDIXbSew> (дата обращения: 25.03.2026).

¹³ Большая Азия. URL: <https://bigasia.ru/ii-perevodchika-dlya-tyurkskih-yazykov-sozdali-v-kazakhstan> (дата обращения: 25.03.2026).

¹⁴ Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/22616/11663/?ysclid=ms53wca0fd881813671> (дата обращения: 21.03.2026).

¹⁵ VC.ru. URL: https://vc.ru/top_rating/2323946-luchshie-ii-dlya-sozdaniya-botov-onlajn-bez-programmirovaniya (дата обращения: 25.03.2026).

НЕОДУШ (92,6 %), 10 — ОДУШ; напр.: *Clickout Media увольняет сотрудников и переходит на AI-редакторов*¹⁶.

Полученные данные отчетливо показывают **движение вторичных номинаций к неодушевленности** (полностью процесс оформления слова как неодушевленного завершился у компьютерного техницизма *навигатор* и у составного термина *текстовый редактор* — варианты не обнаружены). Степень колебаний в отношении НЕОДУШ / ОДУШ зависит от срока бытования номинации. Техницизмы, появившиеся в XXI в., в период интенсивного развития ИИ-сферы, более вариативны, чем их предшественники. Ранее проведенное нами исследование в отношении терминов *голосовой помощник / ассистент*, *ИИ-помощник*, *виртуальный помощник / ассистент*, *гугл / Google ассистент* и подобные подтверждают это наблюдение (Маринова, 2024; Маринова, 2025а). Возможно, здесь сказывается такой фактор, как антропоморфизм самой реалии: приложения и программы, работающие на основе технологии искусственного интеллекта, теперь еще и «говорят», «советуют», «рассуждают» (опция нейросети так и называется «глубокое мышление»; ср. также термины ИИ-сферы *компьютерное зрение*, *цифровой голос*). Неслучайно ИИ-инструменты называют *человекоподобной техникой*. У пользователя как будто бы больше оснований олицетворять их — тем более что у некоторых есть еще и личные имена — и неосознанно делать выбор в пользу одушевленности, в особенности если номинация новая, неустоявшаяся, включающая существительное, которое ранее не использовалось как техницизм. Напр.: *Подключи Секретаря* (реклама от МТС). Чем новее словоупотребление, тем сильнее морфологическая инерция, которая, однако, уступает место языковой закономерности (утрате одушевленности личными существительными в переносном значении¹⁷) — при условии прочного вхождения номинации в узус. Для понимания специфики функционирования единиц на этом участке языка важно следующее: то, что некоторые вторичные номинации ИТ-сферы окончательно или почти окончательно перешли в разряд неодушевленных существительных, не свидетельствует о том, что в новых аналогичных номинациях вариантности не будет.

Первичные номинации-техницизмы и их дериваты: вариантность как норма

Иначе нам представляется судьба слов *робот*, *бот* и их производных в отношении категории одушевленности.

Слово *робот* (первое вхождение, согласно НКРЯ, относится к 1929 г.) единодушно подается лексикографами как одушевленное. На протяжении нескольких десятилетий слово использовалось в техническом смысле как футурологема — обозначение фикциональной реалии, возможной в будущем. Чело-

¹⁶ Rutab.net. URL: <https://rutab.net/b/hardware/2026/02/17/clickout-media-uvolnyaet-sotrudnikov-i-perehodit-na-ai-redaktorov.html> (дата обращения: 17.03.2026).

¹⁷ Тенденцию отмечали в (Буслаев, 1959: 409; Лазуткина, 2014: 228; Розенталь, 1989: 194; Русакова, 2007: 126).

векоподобие этой реалии как обязательный, сущностный признак относило само наименование в группу существительных с той же семьей ‘человекоподобное’ — *кукла, манекен, снеговик* и др.

Неслучайно уже начиная с 1932 г., как показывает тот же корпус, слово используется и как неодушевленное. Факты расхождения с кодифицированной нормой отмечал в свое время В.А. Ицкович (Ицкович, 1982: 79); высказывалось мнение, что причиной использования Вин. НЕОДУШ является такое значение слова, в котором оно соотносится с автоматическим механизмом, имеющим программное управление. Наше исследование по двум подкорпусам НКРЯ не подтвердило это предположение: слово может использоваться как ОДУШ и НЕОДУШ в одном и том же значении, по отношению к одному и тому же референту, о чем красноречиво говорят следующие примеры: *Уникальный медицинский **робот** презентовали в Екатеринбурге. Экзоатлет ставит на ноги пациентов с серьезными травмами позвоночника*¹⁸... — ср. заголовок: *Уникального медицинского **робота** презентовали в столице Урала* (там же); *Отмечается, что **роботы** планируется начать внедрять к 2024 году*¹⁹ — ср. заголовок: *Южная Корея планирует начать внедрять боевых **роботов** в 2024 году* (там же).

Итак, слово *робот* почти сто лет варьируется, причем варьирование начиная с 2016 г. становится более активным (Маринова, 2025а: 108). Такая активность связана с тем, что слово в конечном итоге перестает быть футурологемой и окончательно переходит в разряд техницизмов. Апелляция к здравому смыслу побуждает говорящих использовать, вопреки норме, неодушевленный вариант. Еще одна причина — деривативная активность и продуктивность существительного: оно становится устойчивым компонентом аппозитивных оборотов типа *робот-сапер, робот-водолаз*, многие из которых входят в язык как устойчивые номинации. В нашем исследовании мы рассматриваем их как сложносоставные существительные (СС). В НКРЯ СС с компонентом *робот* насчитывается 78 (подсчитывались только встретившиеся в Вин. падеже). И это еще одна группа номинаций, подверженных варьированию одушевленности. См., напр., варианты СС в одном и том же тексте: *Естественная информационная технология имитации символического мышления человека является теоретической базой, позволяющей **создавать** разумные **роботы-антропиды** с символическим мышлением... <...> Это позволяет на ее основе **создавать** разумных **роботов-антропидов***²⁰.

Анализ нашего материала показывает, что компоненты в СС согласуются между собой по (не)одушевленности²¹. Оба компонента используются либо как НЕОДУШ (независимо, одушевленным или неодушевленным в системе

¹⁸ Vesti.ru. URL: <https://news.rambler.ru/other/33017806-unikalnogo-meditsinskogo-robotaprezentovali-v-stolitse-urala/> (дата обращения: 16.03.2026).

¹⁹ Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3966698> (дата обращения: 23.03.2026).

²⁰ Информационные технологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/umnye-kognitivnyemobilnye-sotsialnye-roboty-dlya-razvitiya-regionalnogo-servisa> (дата обращения: 28.03.2026).

²¹ Доклад на эту тему прочитан автором статьи на IX Международном научном симпозиуме по русской грамматике 24 сентября 2025 г. в Иркутском государственном университете.

языка является второй компонент) — привезли **робот-водолаз**, отправили **робот-сапер**; разработали **робот-дезинфектор**; смонтировали **робот-манипулятор**, либо как ОДУШ — осмотрели **роботов-саперов**; заказ на **роботов-дезинфекторов**; [гостями из будущего] называют **роботов-манипуляторов**. Ср.: Пожарная команда японского города Иокогама получила новый **робот-спасатель**²². — Китайцы создали **робота-спасателя**²³. Денотативная неодушевленность конкурирует с синтаксической одушевленностью, и в этом участвуют оба компонента.

Можно заметить и некоторые предпочтения в выборе обоими компонентами формы Вин. падежа, зависящие от исходной одушевленности / неодушевленности **второго существительного**. Если СС строится по принципу «**робот** + **одуш.** сущ.», чаще избирается Вин. ОДУШ (82,6 %). И напротив, если СС строится по принципу «**робот** + **неодуш.** сущ.», говорящий предпочитает Вин. НЕОДУШ (64,2 %). Ср.: Во время посещения испытательного полигона в Красноармейске глава правительства осмотрел **роботов-разведчиков, роботов-саперов и робот-вертолет**²⁴.

Однако в целом картина складывается очень пестрая; вариативны в большинстве случаев не отдельные номинации, как например, **робот-спасатель**, а именно сами конструкции. Так, **робот-тренажер** и **робот-водолаз** встретились в форме Вин. падежа один раз: первое — ОДУШ, второе — НЕОДУШ. Исходя из разнородности материала, не позволяющей пока вывести строгие закономерности, нужно оценивать всю ситуацию в целом. Наиболее показательны здесь случаи, когда при неодушевленном втором компоненте у какого-либо СС появляется признак одушевленности. На наш взгляд, «срабатывает» закрепившаяся в узусе норма, согласно которой **робот** — одушевленное существительное. В то же время фактически оно давно варьируется. Следовательно, вариативность СС с первым компонентом **робот-** вполне приемлема и не противоречит системе языка; это свойство (вариативный винительный) можно считать чем-то вроде встроенной функции слова **робот**.

Заслуживающим особого внимания в этом материале является устойчивость механизма **согласования между компонентами по грамматическому признаку (не)одушевленности**. Вопреки мнению некоторых грамматистов о том, что, например, в сочетании **приглашаю предприятия-экспортеры к сотрудничеству** «предпочтительнее одушевленное существительное **экспортер** и оформление грамматической корреляции винительного с родительным: **приглашаю предприятия-экспортеров**» (Конюшкевич, 2024: 105), в реальной речевой практике подобные **рассогласованные** номинации нам не встретились²⁵. Примеры с другими техницизмами (**представить бота-переводчика**,

²² Наука и жизнь. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/15885/> (дата обращения: 28.03.2026).

²³ Vesti.ru. URL: <https://www.vesti.ru/article/2366110?ysclid=ms54o72784401102056> (дата обращения: 27.03.2026).

²⁴ lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2015/01/20/putinandrobot/> (дата обращения: 28.03.2026).

²⁵ Не встретились случаи рассогласования и при поиске некоторых СС, отмеченных в (Конюшкевич, 2024: 105). См. также о СС в деловом медиадискурсе (*визит в страны-партнеры, страны-изгои* и под.) (Буторина, 2024: 22–23).

внедрить поисковик-переводчик), а также СС со вторым компонентом *-робот* (доставить танк-робот, создать доктора-робота, создать говорящие куклы-роботы) также отрицают возможность несогласованных по одушевленности / неодушевленности форм Вин. падежа у компонентов СС.

Обратимся к ближайшему родственнику слова *робот* — техницизму *бот*. О его вариативности, а также вариативности слова *чат-бот* и подобных мы уже писали в (Маринова, 2024; Маринова, 2025а; Маринова, 2025b); см. также (Тельпов, 2024). Корпусные данные, а также дополнительные исследования (парсинг по соцсетям, опрос) показывают устойчивую вариантность слов *бот* и *чат-бот* как в форме единственного, так и в форме множественного числа, с некоторым преобладанием Вин. ОДУШ у слова *бот* (73 %) и незначительным преобладанием Вин. НЕОДУШ у слова *чат-бот* (56 %) (Маринова, 2025b: 291–292). На наш взгляд, *бот* и его дериваты тоже органично вписываются в группу существительных с семой ‘человекоподобный’: для бота это человекоподобие, как и у голосовых помощников, связано с созданием текстов, речепорождением, способностью к вербальной коммуникации.

Завершая обзор первичных номинаций-техницизмов, еще раз подчеркнем, что их вариантность допускается, разрешается самой языковой системой, в отличие от вариантности вторичных номинаций (которую система стремится устранить). **Общим** для варьирующихся единиц обеих групп является характер вариативности: она проявляется у техницизма в рамках одного и того же лексического значения, т.е. не зависит от семантики (подобное — у слов *персонаж*, *лицо* ‘человек’, *микроб*, *кукла* и др.). В таких случаях к варьированию побуждают глубинные, когнитивные механизмы осмысления объекта, обозначаемого словом, по степени его сходства с человеком, живой сущностью. Мы предлагаем считать такой тип грамматической вариантности **собственно грамматической** и отличать ее от другого типа — лексико-грамматической вариантности, которая обнаруживается у разных ЛСВ многозначного существительного. В нашем материале такими существительными являются вторичные номинации. Так, например, слово *редактор* в современной русской лексике полисемично (обозначает лицо и устройство); одушевленность слова в его первом значении и неодушевленность во втором — пример лексико-грамматической вариантности: признак «одушевленность / неодушевленность» подчиняется семантике. Варьирование же техницизма *ИИ-редактор* по этому признаку — собственно грамматический феномен.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает тезис о том, что наличие в языковой системе вариантов знака создает «основу для динамического проявления типологических тенденций» (Исакова, 2022: 7), в особенности если в варьирование вовлекается однородный по какому-либо признаку языковой материал. Техницизмы ИТ-сферы, служащие обозначениями человекоподобных программ и устройств, представляют на современном синхронном срезе именно такую группу. Ее открытый характер, с неустойчивыми

границами между варьирующимися единицами и единицами с устоявшимся грамматическим поведением, соответствует характеру самой грамматической категории одушевленности в русском языке — градуальной, континуальной, не имеющей четких внутренних границ (Крысько, 1994; Русакова, 2007: 137; Swart, Lamers, Lestrade, 2008: 135).

Заключение

Пополнение группы обозначений высокотехнологичных продуктов новыми единицами напрямую зависит от развития техники. В условиях доминирования техносферы и ее стремительного развития в сторону «бесшовного» соединения с естественным физическим миром, с человеком — в сторону уподобления ему — на наших глазах формируется класс потенциальных вариантов по признаку ОДУШ / НЕОДУШ, не поддающийся исчислению. Однако типологические тенденции уже просматриваются.

Грамматическая вариантность Вин. падежа имеет **временный характер** в отношении одной отдельно взятой вторичной (метафорической) номинации и **постоянный** — в отношении этого типа номинаций в целом, в силу открытости границ класса и действия морфологической инерции для его новых членов (*подключить ИИ-помощника, секретаря* и т.д.); тенденция к постепенному устранению вариантности и дрейф к неодушевленности техницизма, наметившиеся в предшествующие периоды развития языка, сохраняются. Кроме того, сопутствующим процессом здесь становится пополнение семантической структуры личных существительных новым значением ('об устройстве'); в этом смысле можно говорить о **регулярной полисемии на базе агентивов** (*редактор, переводчик, помощник* и т.п.) и последующей лексико-грамматической вариантности двух ЛСВ многозначного слова (в значении 'лицо' ОДУШ и в значении 'устройство' НЕОДУШ).

Что касается первичных номинаций и их производных (*робот, робот-спасатель, бот, чат-бот* и т.д.), вариантность Вин. падежа для них, образно говоря, как настройка или встроенная функция для технического устройства, детерминированная глубинными процессами мышления человека, осмысливающего новую реалию техномира как антропоморфную и неосознанно воплощающего свои представления об этом в языке.

Перспективы исследования видятся в изучении форм винительного падежа новых номинаций с первым компонентом *ИИ-/AI-* и личным существительным.

Список литературы

- Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. М. : Учпедгиз, 1959. 628 с.
- Буторина Е.П. Значение категории одушевленности для некоторых композитов в деловом медиадискурсе // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 3. С. 15–27. <http://doi.org/10.18721/JHSS.15302> EDN: HBNIR

- Исакова Л.Д. Многообразие языков в их вариативности : монография. М. : Проспект, 2022. 176 с.
- Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М. : Наука, 1982. 199 с.
- Конюшкевич М.И. Категория одушевленности в зеркале функциональной грамматики // Избранное. Функциональная грамматика. Реляции. Коммуникация. Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2024. С. 92–116.
- Котин М.Л. Язык и время. Очерки теории языковых изменений. М. : Изд. Дом «ЯСК», 2018. 224 с.
- Крысько В.Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка : монография. М. : Luceum, 1994. 224 с.
- Лазуткина Е.М. Вариативность в системе грамматических норм современного русского литературного языка // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2014. № 1. С. 223–325. EDN: SMNBKP
- Маринова Е.В. Русская терминология цифрового общества: грамматические особенности в фокусе неологии и неографии // Русистика. 2024. Т. 22. № 2. С. 225–241. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-2-225-241> EDN: SESKAP
- Маринова Е.В. Вариантность на этапе формирования терминологии новой предметной области (на материале обозначений реалий цифрового общества) // Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова. 2025а. № 1 (943). С. 287–298. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2025.1.25> EDN: FBGVSH
- Маринова Е.В. Варьирование (не)одушевленности существительных, обозначающих человекоподобные программы // Chinese Journal of Slavic Studies. 2025b. Т. 5. № 1. С. 97–113. <https://doi.org/10.1515/cjss-2025-0004> EDN: KNJAVG
- Новое в русской лексике: Словарные материалы — 2015 / отв. ред. С.Д. Левина. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2020. 106 с.
- Новое в русской лексике: Словарные материалы — 2016 / отв. ред. С.Д. Левина. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2018. 122 с.
- Новое в русской лексике: Словарные материалы — 2017 / отв. ред. А.Ю. Кожевников. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2019. 138 с.
- Новое в русской лексике: Словарные материалы — 2021 / отв. ред. Н.В. Козловская, А.С. Павлова. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2022. 318 с.
- Пеньковский А.Б. Заметки по категории одушевленности в русских говорах // Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М. : Издательский Дом «ЯСК», 2004. С. 84–100.
- Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М. : Книга, 1989. 320 с.
- Русакова М.В. Категория одушевленности / неодушевленности: реализация в речи единиц с переносным значением // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2007. Т. 3. № 3. С. 118–153. EDN: YUFBEU
- Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
- Тельнов Р.Е. Об одушевленности слова *чат-бот* // Магия ИННО: перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях. 2024. Т. 6. № 1. С. 106–111. <https://doi.org/10.24833/2949-6357.2024.TRE.1> EDN: GMVKFN
- Fraser N., Corbett G.G. Gender, animacy, and declensional class assignment: a unified account for Russian // Yearbook of Morphology 1994 / ed. by G. Booij, J. van Marle. Dordrecht : Kluwer, 1995. Pp. 123–150. https://doi.org/10.1007/978-94-017-3714-2_5
- Swart P., Lamers M., Lestrade S. Animacy, argument structure, and argument encoding // Lingua. 2008. Vol. 118. No. 2. Pp. 131–140. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2007.02.009>
- Timberlake A. A Reference Grammar of Russian. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 503 p.

Сведения об авторе:

Маринова Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра преподавания русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а. *Сфера научных интересов*: социолингвистика, неология, теория языковых изменений, лексикология и лексикография. Автор более 270 научных работ. ORCID: 0000-0003-3860-5606. SPIN-код: 9498-9911. E-mail: marinova@list.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-364-378

EDN: ELEYIG

Research article

Animacy variation in the IT-sphere technical terms in Russian speech: typology, peculiarities, and accompanying processes

Elena V. Marinova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, *Nizhny Novgorod, Russian Federation*

✉marinova@list.ru

Abstract. Based on the vocabulary of the IT sphere, the study examines forms and constructions that are inconsistent in expressing the grammatical category of animacy in modern Russian speech. The relevance of the study is determined by insufficient research in grammatical variants whose differences are manifested only in the accusative case, causes and conditions for such variation in the names of humanoid devices (e.g. *создать робот / робота* ‘to make a robot’; *подключить голосовой помощник / голосового помощника* ‘to turn on the voice assistant’). The aim of the study is to identify the features of grammatical variation of technical terms regarding (in)animacy in the 2010s and 2020s, marked by the emergence of new cases of fluctuation in the accusative case. The material includes the Russian National Corpus and the electronic media bank “Integrum”. The author extracted contexts containing nouns with varying accusative case forms, including compound nominations such as *робот-водолаз* ‘robot-diver’. The methodology of the article includes morphological, semantic, and linguistic-cognitive analysis. The study is the first to present corpus data on the fluctuations in the accusative case of compound nouns whose components express animacy / inanimacy in different ways within the language system. As a result, two types of animacy-related variations, lexical-grammatical and grammatical, have been established; features of variation in technosphere nouns, including compound nouns which nominate human-like programs have been revealed; a hypothesis about (mutual) animacy / inanimacy agreement within compound substantives in the Russian language have been suggested for the first time in scientific literature. The author concludes that the grammatical category of animacy is still forming in the Russian language. The prospects for the research lie in examining the accusative case of new nominations featuring the first component *III-* ‘AI-’.

Keywords: the Russian language, use of the term, grammatical variants, accusative case, compound nouns, agreement, nominations of humanoid devices, anthropomorphism

Article history: received 13.01.2026; accepted 30.04.2026.

For citation: Marinova, E. V. (2026). Animacy variation in the IT-sphere technical terms in Russian speech: Typology, peculiarities, and accompanying processes. *Russian Language Studies*, 24(3), 364–378. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-364-378> EDN: ELEYIG

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-379-391

EDN: DAWBTO

Научная статья

Язык техносферы в динамическом аспекте

А.М. Плотникова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация
✉ annaplotnikova@urfu.ru

Аннотация. Технологический поворот, обусловленный цифровизацией, развитием искусственного интеллекта, государственной поддержкой инженерного образования, определил актуальность исследования новых слов и значений, которые формируют лексику и фразеологию техносферы. Цель исследования — выявить функционально-прагматические особенности семантики слов и фразеологизмов, входящих в идеографический класс «Техника и технологии», и развивающих производные значения. Материалом послужили слова с компонентом *техно-* в современном русском языке, а также ассоциативно-смысловое поле единиц, представленных в «Концепции технологического развития России до 2030 года». Продуктивность словообразовательной модели с префиксом *техно-* приводит к появлению прагматически маркированных единиц, семантически не связанных с технической терминосистемой и характеризующих эмоционально-оценочное отношение человека к технике и технологиям. Использованы как традиционные методы словообразовательного и семантического анализа лексических единиц, так и корпусные методы и методы автоматической обработки данных. На материале «Концепции технологического развития России до 2030 года» показана связь ассоциативно-смыслового поля, визуально представленного в виде облака слов, с семантическим полем и обозначены сходства и отличия этих двух типов полей. Ассоциативно-смысловое поле «Техника и технологии» расширяется за счет коллокатов «технологический суверенитет» и «технологическое лидерство», втягивая в свою орбиту единицы, которые отображают реалии текущего момента. Проанализированы синонимические, антонимические и паронимические отношения, возникающие в структуре исследуемого ассоциативно-смыслового поля. Охарактеризована широкая сочетаемость лексических единиц «технологический» и «технологии», размывающая исходную семантику этих слов. Рассмотрены устойчивые сочетания с прилагательным «технологический» в аспекте динамики этих единиц. Словарный состав техносферы активно взаимодействует с лексикой различных областей знания, обнаруживая наиболее тесные связи с цифровой сферой. Сделаны прогнозы относительно дальнейшего развития лексики техносферы, которая активно включается в различные области гуманитарного и социального знания. Перспективой исследования может стать системное словарное описание языка техносферы.

Ключевые слова: лексика, неологизмы, префиксoid, сложные слова, семантическое поле, ассоциативно-смысловое поле, лексическая сочетаемость, коллокации

© Плотникова А.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11.02.2026; принята к печати 10.05.2026.

Для цитирования: Плотникова А.М. Язык техносферы в динамическом аспекте // Русистика. 2026. Т. 24. № 3. С. 379–391. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-379-391> EDN: DAWBTO

Введение

Д.С. Лихачев писал: «По моему глубочайшему убеждению, XXI век должен быть веком гуманитарной культуры. Ее доминанта обязательна. Технике должна быть определена четко служебная роль» (Лихачев, Самвелян, 1988: 6). Современные общественные процессы с их вниманием к искусственному интеллекту (ИИ), внедрению современных технологий, автоматизации и роботизации разных сфер жизни, скорее, свидетельствуют о доминирующей роли технического знания. Важность технологий подчеркнута официальными документами и изложена в Концепции технологического развития РФ до 2030 года¹, где в качестве базовых обозначены такие цели, как достижение технологического суверенитета, переход к инновационно ориентированному экономическому росту, технологическое обеспечение устойчивого развития производственных систем. Обсуждение значимости технологического развития страны, важная роль инженерного образования и инженерных профессий — все это определяет частотность в публицистическом дискурсе лексики, тематически связанной с техникой и технологиями.

Стремительное развитие технологий привело к экспансии компьютерно-технической терминологии, медиатизации многих терминов, относящихся к данной сфере. Следствием этих процессов стал лингвистический интерес к проблематике, которая в разных аспектах касается техники и технологий.

Во-первых, лексика цифровой сферы получает словарное описание, она вошла и в словари новых слов, и в специальные тематические словари (Маринова, Волочек, 2023). Институализация сферы цифровых гуманитарных исследований включает такие единицы, как *датасет*, *дашборд*, *таймлайн*, *геоинформационная система*, *автоматическая обработка текста в исследовательское поле* (Орехов, Володин, 2024).

Во-вторых, велико количество научных работ, посвященных осмыслению «цифровой» лексики и способам ее категоризации (Маринова, 2023), установлению связей и пересеканности с другими классами слов (Туркина, 2025), существуют попытки ее идеографического описания (Плотникова, 2024). В статье Е.С. Астапкиной и А.А. Баркович предпринята попытка нейросетевого моделирования IT-терминологии (Баркович, Астапкина, 2026).

¹ Концепция технологического развития на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 22. Ст. 3960.

В-третьих, активно исследуется человеко-машинная коммуникация в самых разных аспектах: стратегии вежливости при взаимодействии человека и нейросети, общение в чат-ботах, промпты как жанр текста и мн.др., связанное с осмыслением различных феноменов высокотехнологической коммуникации (Комарова, 2025; Пиперски, 2024; Ouyang, 2022; Pan, Doering, Kanda, 2024).

Вместе с тем заметно смещение исследовательского интереса в сторону рассмотрения дискурса, касающегося взаимодействия человека и ИИ, и изучения новых слов, возникших в связи с развитием технологий ИИ. Иные сферы развития технологий и их отображение в языке в значительно в меньшей степени включены в лингвистический контекст. В последнее десятилетие довольно заметно расширение сферы использования как базовых слов, относящихся к технологической сфере (например, *технология*, *индустрия*), так и слов, содержащих компоненты *техно-*, которые рассмотрены в нашем исследовании. Эти компоненты функционирует как часть сложносокращенных слов: от давно существующих в языке (*технопарк*, *техноцентр*, *технонаучный*) до неологизмов (*технооптимист*, *технопессимист*, *технотриллер*).

Цель исследования — функционально-прагматический анализ русской лексики, относящейся к семантическому полю технологий, предполагающий установление семантических особенностей с компонентами *тех-* и *техно-*, динамики их употребления.

Методы и материалы

В исследовании применены общенаучные (научный анализ, описание, сопоставление, классификация, обобщение) и специальные лингвистические методы: компонентный и контекстологический анализ значения слова, словообразовательный анализ слова, предобработка лингвистических данных (токенизация, лемматизация, удаление стоп-слов); визуализационные методы (создание цифрового облака). Для выявления коллокаций и их корпусного анализа применялись подходы, принятые в корпусных исследованиях (Brezina, McEnery, Wattam, 2015).

Основной материал исследования получен в результате выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)² единиц, содержащих компонент *техно-*. При поиске этих единиц исключили прагмонимы — обычно это наименования организаций (*Техноавиа*, *Техноникель* и др.).

В качестве источников использовали также данные толковых и идеографических словарей. К последним относится «Большой толковый идеографический словарь русских существительных»³ и синопсис «Универсального

² Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

³ Большой толковый словарь русских существительных / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс Книга, 2009.

идеографического словаря русского языка»⁴. В этих словарях содержится связанный с интересующей нас проблематикой раздел «Техника», куда входят такие денотативно-идеографические группы, как человек (*механизатор, электрик*), инструменты, орудия (*дрель, лопата*), технические устройства (*аккумулятор, газогенератор*), часть технического устройства (*батарея, втулка*), техническое приспособление (*винт, гайка*), технический комплект (*аппаратура, прибор*), технические процессы (*конверсия, монтаж*).

При выборе материала учитывался фактор омонимии, так как компонент *техно-* маркирует музыкальный стиль, соответственно слова *техно-рок, техно-поп, техно-музыка, техно-фанат* и некоторые другие были исключены из выборки. Впрочем, маркером могут служить и различия в написании слов с компонентом *техно-*: первая часть сложных слов с компонентом «техника», «технический» пишется слитно в отличие от слов с компонентом *техно-*, обозначающим музыкальный стиль. В то же время в Национальном корпусе русского языка обнаруживаются единицы с ошибочным дефисным написанием *техно-* в тех случаях, когда это маркер принадлежности слова к технической сфере, и это учитывалось при отборе материала.

Результаты

Если семантическое поле «Техника» получает в идеографических словарях осознаваемые ограничения и связывается с производственными отношениями, а также приборами, инструментами, механизмами, используемыми как в производстве, так и в быту, то само понятие «технологии» оказывается чрезвычайно неопределенным. Можно сказать, что его семантика опирается на античное происхождение корня, связанного с опытом и мастерством. И техника, и технологии способны соединяться с гуманитарной и социальными сферами, отсюда появление в языке таких сложных слов, как *социотехнический* и *социотехнологический*, используемых иногда как синонимичные.

Проведенный анализ показывает, что границы «технологического» оказываются чрезвычайно неопределенными и в чем-то сближающими это прилагательное с тематически связанным прилагательным «цифровой» (и его аналогом «*диджитал*»), характеризующимся семантической диффузностью и приобретающим широкую сочетаемость.

Коллокации «технологический суверенитет» и «технологическое лидерство» зачастую тоже используются как некоторые идеологемы с иногда достаточно размытым содержанием. Тем не менее, устойчивый характер таких выражений вполне очевиден и подтверждается статистическими данными: в информационно-поисковой системе «Интегрум» обнаружено 10396 контекстов со словосочетанием «технологическое лидерство» и 23041 контекст, в котором используется словосочетание «технологический суверенитет».

⁴ Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. С. 22–42.

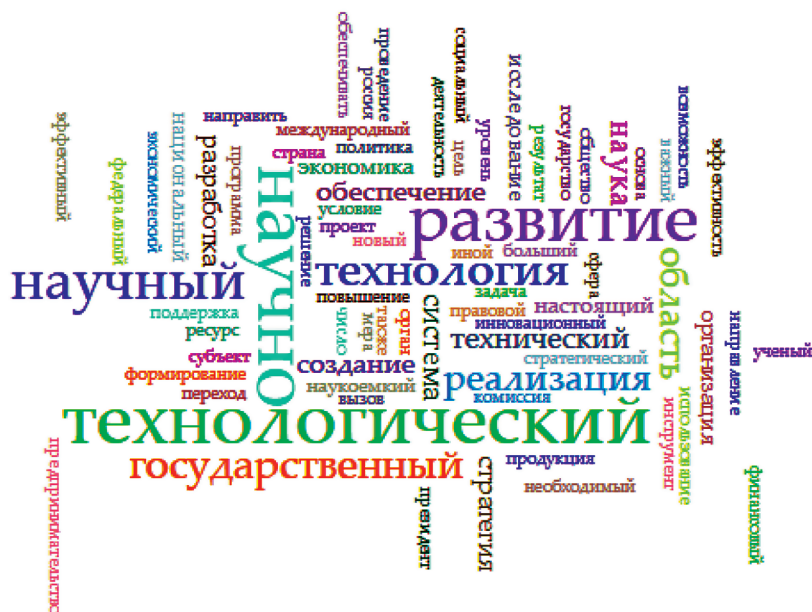
Обсуждение

Семантическое поле «Техника и технологии» и цифровое облако слов

С целью лексического моделирования технологической сферы рассмотрена Концепция технологического развития РФ⁵ как документный текст, в котором представлена программа развития новых технологических областей. По жанрово-стилистическим особенностям это распорядительный документ, имеющий предписывающий характер.

Для моделирования ассоциативно-смыслового поля использованы статистические методы, предполагающие предобработку текстов с удалением стоп-слов и лемматизацией (приведением словоформ к начальной форме) и визуализацией данных в виде облака слов.

В результате проведенного анализа получено облако слов (рис.).

Облако слов, представляющее ассоциативно-смысловое поле «Техника и технологии»

Источник: использован генератор облака слов: <https://wordcloud.online/ru>

Не углубляясь в теоретические проблемы, связанные с изучением различных видов полей (семантических, функционально-семантических, ассоциативных), отметим, что облако слов объединяет с другими типами полей наличие семантических отношений, т.е. корреляций между словами: гипер-гипонимических, синонимических и др. (например, *наука – технологии, технический – технологический*), непрерывность обозначения своей понятийной области (как и семантическое поле, цифровое облако членит ядерные единицы без остатка), взаимосвязь с другими полями в пределах лексической системы.

⁵ Концепция технологического развития на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 22. Ст. 3960.

В данном случае мы наблюдаем связь с семантическим полем «Государство», обусловленную природой анализируемого документа, в котором отражена государственная стратегия технологического развития. Ядро и периферия семантического поля и цифрового облака опираются на частотность элементов, при этом в цифровом облаке частотность оказывается определяющим фактором. Как известно, величина шрифта на рисунке коррелирует со степенью частотности единиц и, безусловно, слова «технология», «технологический», «наука» (его словообразовательные производные), «развитие» составляют ядро поля. Цифровое облако ближе всего по структурным особенностям и сущностным характеристикам к ассоциативно-смысловому полю.

Для него характерна и своя металексика. Обратим внимание на частотность слов широкой семантики *область, сфера, условие, проект, ресурс*, семантика которых применима к очень широкому кругу объектов. К этим же единицам можно отнести и относительно новое слово *вызов*, образованное путем калькирования и используемое в составе словосочетаний «технологические вызовы», «глобальные технологические вызовы».

Активные процессы в лексике техносферы

Обращение к корпусным данным позволяет отследить некоторую динамику в употреблении ряда единиц техносферы. Наиболее заметными являются процессы, связанные с использованием прилагательных «научно-технологический», «научно-технический» и «технологический». Данные НКРЯ показывают, что частотность прилагательного «научно-технологический» в целом невысока, а в 2010-е гг. снижается. Пик частотности прилагательного «научно-технический», по корпусным данным, приходится на 1970-е гг., когда активно употребляется устойчивое словосочетание «научно-технический прогресс» и «научно-техническая революция», далее происходит снижение частотности, а рост словоупотребления вновь наблюдается в 2010-е гг.

Объем значений слов «техника» и «технология» не совпадает. Что касается слова «технология», то оно на протяжении столетия эволюционировало: обозначая решение конкретной задачи определенным способом, впоследствии стало употребляться для обозначения методов в какой-либо деятельности, необязательно промышленной (например, *технологии управления персоналом, коммуникативные технологии*). Не будучи существительным *Pluralia Tantum*, эта единица реализуется тем не менее чаще в форме множественного числа и сочетается с широким кругом единиц, обозначающих сферу реализации технологий (например, *лингвистические технологии, коммуникативные технологии, политические технологии*).

Слово «техника» также расширяет семантику, обозначая различные методы и приемы, что делает возможным его употребление в форме множественного числа, не используемой для основного значения этой единицы (*техники дизайна*). Интересно, что и техники, и технологии, и близкие к ним по значению инструменты широко используются и в управленческом дискурсе, и в дискурсе психологическом, т.е. проникают в другие тематические сферы, никак не связанные с техникой и технологиями.

Слово «технологический» способно сочетаться с существительными «революция», «прогресс», однако контексты указывают на важность компонента новизны («технологический» употребляется со словами *инновация, новинка, новшество, новация, новаторство*) и воздействия технологий на общество («технологическими» становятся *прорыв, достижение, изменение, скачок, эффект*). Контекстные партнеры прилагательного «технологический» указывают и на опасности, ошибки, которые несут технологии (*технологические ошибки, сбои, проблемы*).

Почти 13 % всех контекстов составляет словосочетание «технологический процесс», который рассматривается в фокусе важности достижений науки и техники: *«В 1952–1953 годах Фадеев побывает на девяти металлургических заводах — на Урале, в Москве, в Днепрпетровске... В рабочих записях Фадеев подробно излагает нюансы технологических процессов. Приводит массу терминов, не всегда объясняя их. Он считал, что современный советский человек обязан их знать: „Читатель, не знающий техники, через 10–20 лет будет выглядеть троглодитом. Литература не может равняться на троглодитов!“»* (В. Авченко «Фадеев», 2017).

Словосочетания «технологическое лидерство» и «технологический суверенитет» возникают в конце 1990-х гг. и активно употребляются в связи с ситуацией борьбы, войны, глобального противостояния: *«Борьба за технологическое лидерство, отбросив десятилетиями декларируемые принципы верховенства права и свободной конкуренции, переходит в технологические войны»* («Известия», 06.06.2019). Эти коллокации используются и в научных текстах социальной тематики, и в общественно-политических статьях, в т.ч. текстах, посвященных развитию инженерного образования.

Технологические метафоры, включающие слова «механизмы» и «инструменты» как способы решения, также активно используются в разных сферах: *правовые механизмы, рыночные механизмы, механизмы планирования действий, маркетинговые инструменты, финансовые инструменты*.

Заметна активизация слова «оптика», которое обозначает способ видения мира, модель интерпретации, однако это значение в известных нам лексикографических источниках не зафиксировано, в то время как оно реализуется в разнообразных контекстах, в которых сфера физического опыта проецируется на область интеллектуальной деятельности, например: *«Чтобы авторство начало волновать (и чтобы это, в свою очередь, повлекло за собой системные последствия на уровне эстетики и поэтики), потребовалось изменение общекультурной оптики, общекультурной чувствительности, до которого оставалось еще больше десятилетия»* (О. Балла. От личности героя – к воздуху времени // «Знание – сила», 2008).

Итак, исследуемый материал интересен тем, что показывает в некотором смысле модные веяния, связанные с экстраполяцией технологической сферы на другие области жизни, которые осмысливаются через призму наблюдаемого опыта. Технослова позволяют показать, что социальные процессы носят формализуемый и управляемый характер.

Разграниченные в лексикографических источниках слова «техника» и «технологии» в современной речевой практике рассматриваются как взаимосвязанные и трудно разделяемые сущности. В официальных документах, в частности в «Концепции технологического развития РФ до 2030 года» как предписывающем документе, «технологическое лидерство» и «технологический суверенитет» коррелируют с развитием техники, инженерного образования, появлением инновационных решений. Поэтому рассмотрение семантического поля «Техника» невозможно без обращения к современной общественно-политической коммуникации. Проведенный анализ слов ассоциативно-смыслового поля демонстрирует и центробежные, и центростремительные тенденции в структуре поля. С одной стороны, единицы, называющие технологии, технические манипуляции, инструменты, оказываются способными обозначать более широкий круг объектов. С другой стороны, семантическое поле пополняется словами, обозначающими отношение человека к технике и технологиям.

Слова с префиксоидом техно-

Словообразовательный статус компонента *техно-* в составе сложных слов также требует отдельного комментария. В терминологии единицы *эко-*, *био-*, *нано-*, *техно-* относят к терминологическим элементам, а сложные слова с такими элементами иногда считают образованными при помощи аббревиации, хотя статус данных компонентов не является однозначно определяемым. В ряде работ аналогичные элементы относят к префиксоидам. Префиксоиды занимают промежуточное положение между служебными и корневыми морфемами и представляют интерес как средство выражения многих прагматических значений. Например, в статье Н.И. Коноваловой префиксоиды рассматриваются как средство выражения оценочности (Коновалова, 2025), и это значение представляется существенным для исследуемого нами материала.

В связи с достижениями научно-технического прогресса на рубеже XX–XXI вв. актуализировались греко-латинские по происхождению префиксоиды *нано-*, *кибер-*, *крипто-*» (Николина, Рацибурская, Фатхутдинова, 2020: 7), к которым относится и префиксоид *техно-*.

В «Словообразовательном словаре»⁶ зафиксировано незначительное количество единиц с элементом *техно-*: *техноконтроль*, *технопроект*, *техно-текстиль*, *технохимический*, *техноэкономический*. Обращение к корпусным данным говорит о гораздо более широкой палитре таких единиц, которые являются материалом исследования.

Значение префиксоида *техно-* представлено в словаре-справочники «Аффиксоиды русского языка»⁷:

Техно. 1. Первая часть сложных слов в знач. «техника, технический», пишется слитно. Относящийся к технике, машинам, механизмам; технический.

⁶ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 томах. М. : Русский язык, 1985. Т. 2.

⁷ Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / под ред. Е.А. Левашова (отв. редактор). СПб. : Нестор-История, 2009; Аффиксоиды русского языка: информационно-поисковый ресурс. URL: <https://affixoid.iling.spb.ru/glossary> (дата обращения: 15.03.2026).

2. Первая часть сложных слов в знач. «техника, технический», пишется слитно. Относящийся к технологии; технологиям (высоким, цифровым, информационным).

Круг таких единиц, по данным НКРЯ, достаточно широк и может быть разделен на тематические области:

1) предприятия, производственные комплексы (*технопарк, технокомплекс, техноцентр, технохаб, техносектор, техносеть, техноинкубатор*);

2) глобальные общественные процессы (*техноэволюция, технонаука, техносфера, технокатастрофа, техномир, технокультура, технополитика*);

3) человек (*техночеловек, технофоб, технооптимист, технопессимист, техногений, техноманьяк, технохулиган, технодебил*);

4) объекты, основанные на использовании техники и технологий (*технотриллер, техноутопия, технодизайн, техноигра, техноигрушка*);

5) эмоциональное отношение к технике и технологиям (*техноскепсис, техногордыня, техномагия, технофетишизм*).

Ни контекст, ни семантика многих единиц не позволяет провести четкую границу между префиксоидами *техно1* и *техно2*, особенно это касается той области, в которой язык фиксирует человеко-машинное взаимодействие, например: *«Кстати, перспективе «постчеловека» может быть противопоставлена перспектива «техночеловека» — «человека технологизированного, разумного»* (И. Алексеева. Информационная компетентность, естественный интеллект и НБИКС-революция // «Информационное общество», 2012).

Сложности словарного представления префиксоидов и образованных от них единиц хорошо представлены Ю.С. Ридецкой в (Ридецкая, 2023), они касаются и рассматриваемого нами компонента *техно-*, который участвует в экспрессивном словообразовании в тех случаях, когда входит в состав имен лиц, к которым относятся, например, слова *технооптимист, технопессимист, техногений, технодебил, технодурак, техноманьяк*. Они не зафиксированы в толковых словарях и словарях новых слов, однако при обсуждении проблем ИИ и цифровых технологий единицы «технооптимист» и «технопессимист» действительно частотны. Приведем несколько показательных примеров: *«Технопессимисты считают, что условия жизни: дурная власть, большие города, общественное давление, экранные образы, социальные медиа и пр. — уродуют жизнь человека»* (П. Колозариди, тг-канал «Провода и болота»); *«Тем временем технооптимисты грезят о будущем, в котором роботы освободят людей от монотонной работы»* (тг-канал «Журнал НОЖ»); *«Премия «История будущего» ищет писателей-технооптимистов. Требования: фантастический рассказ с настроением технологического оптимизма...»* (объявление фонда содействия развитию научных, просветительских и коммуникационных инициатив «Атом»). В НКРЯ есть контексты со словом *техноскептик* и *техноскептицизм*, которые в отличие от *технооптимиста* и *технопессимиста*, скорее, имеют окказиональный характер: *«Евгений Морозов — техноскептик цифровой эры. Книга «Техноненависть: как Интернет отучил нас думать» американского публициста белорусского*

происхождения Евгения Морозова представляет собой сборник статей, написанных в период 2012–2013 гг. для ведущих американских и европейских периодических изданий» (Д. Санагурский. Евгений Морозов — техноскептик цифровой эры // «Культурологический журнал», 2014).

В структуре сложных слов префиксоид реализует функцию объектного актанта, маркирующего неопределенную совокупность разных технических объектов, попадающих в поле зрения оценивающего наблюдателя. Такой подход к словообразовательной структуре восходит к когнитивному, развиваемому Е.С. Кубряковой принципу: «...в основу семантики производного слова и формы ее представления ложится особая сформированная в голове человека (или формируемая по мере необходимости в ходе протекания акта номинации) пропозициональная структура» (Кубрякова, 2004: 408).

С точки зрения когнитивного словообразования за этими единицами закодированы сложные форматы знания. Мотивационный перифраз единицы *технооптимист* осложнен прагматикой: *технооптимист* — это человек, который смотрит на развитие технологий с оптимизмом, считая технологии общественным благом, веря в то, что они изменят мир к лучшему. Материал показывает, что словообразовательная модель с компонентом *техно-* является продуктивной для создания новых слов, в семантике которых выражается оценочное отношение к технологиям.

Аналогичные процессы были свойственны словам с компонентом *нано-*, который в 20-е гг. XXI в. утратил словообразовательную активность, в то время как его частотность в начале века обращала на себя внимание исследователей (Орехов, 2014). Способность образовывать, по выражению Л.Л. Федоровой, «серийные образования» характерна для исследуемых нами технослов (Федорова, 2025: 144).

Продуктивность этого префикса приводит к расширению его сочетаемостных возможностей, определяя появление таких единиц, как *технобред*, *техноевропейскость*, *технополитика*, *техномагия*, *технофоб* и др.

Следовательно, слова с префиксоидом *техно-*, существенно обогащающие исследуемую сферу, представляют собой интересный языковой материал, позволяющий зафиксировать продуктивность данной словообразовательной модели и ее прагматический потенциал.

Заключение

Язык техносферы, основу которого составляют лексика и фразеология (если понимать ее широко, включая в состав фразеологии коллокации), активно меняется благодаря развитию технологий и осознанию их общественно-политического значения. Этот пласт языка предстает как динамическая система, влияющая на медийный дискурс о технике и технологиях. Лексика сферы «Техника и технологии» развивает производные значения, а семантика единиц «технологии», «технологический» расширяется, что позволяет говорить об экспансии этих единиц и размывании объема значений слов. Сближение

слов «техника» и «технология» приводит к функциональной близости паронимов «технический» и «технологический».

Перспективой исследования может стать дальнейшее рассмотрение компонента *техн-* в составе сложных слов, например *социотехнический*, *техногуманитарный*, в которых реализована семантика синтеза технического и гуманитарного знания, а также системное лексикографическое представления слов техносферы.

Список литературы

- Бабенко Л.Г. Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. С. 22–42.
- Баркович А.А., Астапкина Е.С. Потенциал нейросетевого моделирования семантического поля «Интернет» в русскоязычном дискурсе // Русистика. 2026. Т. 24. № 1. С. 25–40. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-1-25-40> EDN: XARBFO
- Комарова Е. Выбор промта для больших языковых моделей: деловые коммуникации // Филология и культура. 2025. № 1 (79). С. 66–74. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-79-1-66-74> EDN: VLSMFD
- Коновалова Н.И. Префиксоиды как средство выражения оценочности // VERBA. 2025. № 2 (16). С. 46–57. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-46-57](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-46-57) EDN: TCNNZY
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 556 с. EDN: SUQHIP
- Лихачев Д., Самвелян Н. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М. : Советская Россия, 1988. 144 с.
- Маринова Е.В. Русский язык цифрового общества: семантика, сочетаемость, прагматика ключевых слов // Русский язык за рубежом. 2023. № 2 (297). С. 24–28. <https://doi.org/10.37632/PI.2023.297.2.005> EDN: KZJSBW
- Маринова Е.В., Волочек Е.А. Тематический словарь терминологии цифрового общества RU : проспект / отв. ред. С.В. Лесников. СПб. : Редакция альманаха «Говор», 2023. 200 с. <https://doi.org/10.48612/govor/r11t-t47t-tm73> EDN: HTXDGR
- Николина Н.А., Рацибурская Л.В., Фатхутдинова В.Г. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 5–19. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1> EDN: YQCLJB
- Орехов Б.В. Суперминимум и нанодержава: префиксоиды в языке интернета // Современный русский язык в интернете. М. : Языки славянской культуры, 2014. С. 281–290.
- Орехов Б., Володин А. Digital Humanities в России и конец истории // Цифровые гуманитарные исследования. 2024. Т. 1. № 1. С. 63–85. <https://doi.org/10.31860/cgi-2024-1-63-85> EDN: MLBYRT
- Пиперски А.Ч. Вежливость в коммуникации между человеком и искусственным интеллектом // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15. № 4. С. 89–98. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-4-6> EDN: ACYHVV
- Плотникова А.М. Лексика идеографической сферы «Цифровое общество» в словаре и дискурсе // Лингвистическая семантика в пространственном измерении: Словарь. Дискурс. Корпус / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2024. С. 359–369.

- Ридецкая Ю.С. Особенности описания префиксоидов в неологической академической лексикографии // Вопросы лексикографии. 2023. № 29. С. 28–51. <https://doi.org/10.17223/22274200/29/2> EDN: UKCLUZ
- Туркина Е.В. Тематическое поле «Искусственный интеллект» и его пересечения с микро-полем «риски» в современном медиадискурсе // Коммуникативные исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 911–921. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12\(4\).911-921](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12(4).911-921) EDN: GHNRZO
- Федорова Л.Л. Модели окказионального словосложения в языковом творчестве (по материалам глоссария онлайн-ресурса «Новое в русской лексике» за 2021 г.) // Неология. Неография. 2024 : сб. науч. ст. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2025. С. 140–162. EDN: GOOOTF
- Brezina V., McEnery T., & Wattam S. Collocations in context: a new perspective on collocation networks // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2015. Vol. 20. No. 2. Pp. 139–173. <https://doi.org/10.1075/ijcl.20.2.01bre>
- Ouyang L., Wu J., Jiang X. et al. Training language models to follow instructions with human feedback // *Advances in neural information processing systems*. 2022. Vol. 35. Pp. 27730–27744.
- Pan X., Doering M., Kanda T. What is your other hand doing, robot? A model of behavior for shopkeeper robot's idle hand // *Proceedings of the 2024 ACM / IEEE International Conference on Human-Robot Interaction*. N.-Y., 2024. Pp. 552–560. <https://doi.org/10.1145/3610977.3634986>

Сведения об авторе:

Плотникова Анна Михайловна, доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51. *Сфера научных интересов*: лексикология, семантика, лексикография. Автор более 160 научных работ. ORCID: 0000-0002-6027-2855. AuthorID: 74609. SPIN-код: 9586-5680. E-mail: annaplotnikova@urfu.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-379-391

EDN: DAWBTO

Research article

The language of the technosphere in a dynamic aspect

Anna M. Plotnikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, *Ekaterinburg, Russian Federation*
✉ annaplotnikova@urfu.ru

Abstract. Technological development driven by digitalization, artificial intelligence, and state support for engineering education, determines the relevance of the studies of new words and meanings in lexis and phraseology of techno sphere. The aim of this study is to identify functional and pragmatic features of the semantics of words and phraseological units

related to the sphere ‘Engineering and Technology’ and developing figurative meanings. The material for the study includes words with the component “техно- ‘techno’” in modern Russian language and the associative semantic field of units in the “Concept for Technological Development of Russia until 2030”. The productivity of this word-formation model creates pragmatically marked language units that are semantically unrelated to the technical terminological system and characterize a person’s emotional and evaluative attitude towards technology and equipment. The author used both traditional methods of word-building and semantic analysis of lexical units and corpus and automated data processing methods. Basing on the text “The Concept of Technological Development of Russia until 2030”, the author shows the connection between the associative semantic field visually represented with a word cloud and the semantic field, demonstrates similarities and differences of the two fields. The associative-semantic field “Technology and technologies” broadens including collocations “technological sovereignty” and “technological leadership”, units reflecting the modernity. Synonymic, antonymic, and paronymic relations within the structure of the associative-semantic field under study are also analyzed. The broad combinability of the lexical units *технологический* (*technological*) and *технологии* (*technology*), which destructs the original semantics of the words, is described. The set expressions with the adjective *технологический* (*technological*) are characterized in a dynamic aspect. The technosphere vocabulary closely interacts with the lexicon of various fields of knowledge, having the strongest ties with the digital field. The study makes some predictions about the future development of technosphere vocabulary, which integrates into various areas of humanities and social sciences. The prospects for the research could be a systemic dictionary description of the technosphere vocabulary.

Keywords: lexis, neologisms, prefixoid, compound words, semantic field, associative-semantic field, lexical combinability, collocations

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: received 11.02.2026; accepted 10.05.2026.

For citation: Plotnikova, A. M. (2026). The language of the technosphere in a dynamic aspect. *Russian Language Studies*, 24(3), 379–391. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-379-391> EDN: DAWBTO

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-392-407

EDN: DAYTEU

Научная статья

Словообразовательные новации в современных российских медиа

Л.В. Рацибурская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, *Нижегород, Российская Федерация*

✉ racib@yandex.ru

Аннотация. Исследование выполнено в русле антропоцентрического направления в лингвистике и связано с изучением активных словообразовательных процессов в современном русском языке. Актуальность исследования определяется его целью — анализом в лингвокогнитивном, лингвопрагматическом, социокультурном аспектах результатов таких процессов — новообразований, представленных в текстах массмедиа. Материал исследования — новообразования, взятые из текстов печатных и электронных российских СМИ, теле- и радиоэфира последнего десятилетия. Применены описательный и классификационный методы, структурно-семантический, словообразовательный, контекстуальный анализ. Доказана социокультурная обусловленность продуктивных словообразовательных способов и моделей; выявлены продуктивные узловые и окказиональные способы в области отонимического деривации; охарактеризован функциональный динамизм деривационных аффиксов при формировании оценочности новообразований. Социальная обусловленность словообразовательных новаций проявляется в их словообразовательной структуре: в семантике деривационных моделей, аффиксов и мотивирующих основ, характеризующих актуальные социальные реалии. Особую значимость в социокультурном и лингвокогнитивном аспектах имеют имена собственные в качестве исходных слов деривационных процессов. В лингвопрагматическом аспекте охарактеризованы словообразовательные и контекстуальные средства выражения оценки в новообразованиях. Полученные результаты имеют значение для дериватологии, неологии, прагмалингвистики, медиалингвистики, а также для лексикографической практики.

Ключевые слова: словообразовательная деривация, новообразования, словообразовательные способы, словообразовательные модели, словообразовательные аффиксы, массмедиа

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FSWR-2026-0016) в рамках базовой части государственного задания.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25.01.2026; принята к печати 28.04.2026.

© Рацибурская Л.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Рацибурская Л.В. Словообразовательные новации в современных российских медиа // Русистика. 2026. Т. 24. № 3. С. 392–407. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-392-407> EDN: DAYTEU

Введение

Традиционно медийные новообразования исследовали в структурно-семантическом аспекте: многочисленные работы по дериватологии и неологии рассматривали словообразовательную структуру и обусловленную ею, а также контекстом семантику неодериватов.

Антропоцентрическая парадигма современного гуманитарного знания обусловила возможность новых подходов к словообразовательным процессам: лингвокогнитивного, лингвопрагматического и социокультурного. Краткая характеристика данных подходов представлена в книге Н.А. Николиной и Л.В. Рацибурской «Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект». Лингвокогнитивный подход позволяет объяснить продуктивность тех или иных словообразовательных средств, способов, моделей как актуальных приемов ментального освоения окружающей действительности, осмыслить их как определенные форматы знания о действительности. Лингвопрагматический аспект исследований способствует выявлению экспрессивно-оценочного потенциала деривационных средств, способов словопроизводства и словообразовательных моделей русского языка. Социокультурный аспект исследований позволяет выявить, «как словообразовательный потенциал русского языка реагирует на актуальные социополитические процессы в России и мире»¹.

Комплексное исследование активных словообразовательных процессов в указанных аспектах представлено в работах ученых Нижегородской лингвистической школы, посвященных изучению активных процессов современного русского языка в разных сферах коммуникации² (Куликова, 2020; Радби́ль, Рацибурская, Палоши, 2021; Русский язык интернета..., 2025; Радби́ль и др., 2014; Социокультурные..., 2018). В этих аспектах особый интерес представляют новообразования в современных медийных текстах (Коряковцева, 2016; Радби́ль, Рацибурская, Палоши, 2021).

«Технический прогресс начала XXI в. с небывалой скоростью изменяет не только окружающую человека жизнь, но и его самого» (Касперова, 2025: 114). Изменяются и приоритеты в медиалингвистических параметрах текста (коллективный способ производства текста, цифровые каналы распространения информации, медиатопика и пр.). Сегодня дискурс массмедиа выступает как мощный инструмент даже не столько отражения, сколько непосредственного формирования ценностной модели мира в обществе. «СМИ, диктующие социокультурные и языковые моды, влияют на общественную престижность как отдельных лексем, так и целых словообразовательных типов, являясь

¹ Николина Н.А., Рацибурская Л.В. Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА, 2023. 176 с. EDN: ZUSFKK

² Активные процессы в русском языке новейшего периода : учеб. пособие / под. ред. Т.Б. Радби́ля. М. : ФЛИНТА, 2022. 232 с. EDN: QXNNPY

основными „поставщиками“ неологизмов, <...> неодериватов, новых словообразовательных формантов и моделей» (Радбиль и др., 2014: 151). Исследование медийного дискурса позволяет выявить стоящие за активными процессами в современном русском языке форматы знания, ценностные приоритеты и модели коммуникации носителей языка, т.е. установить, как «сегодня меняются национально-специфичные, традиционно русские способы языкового освоения действительности, насколько серьезны изменения в той концептуальной области, которую принято именовать „русская языковая картина мира“» (Лингвокогнитивные аспекты изучения..., 2020: 5).

Продолжающиеся в начале XXI в. «процессы демократизации русского языка, усиления в речи личностного начала, повышения эмоциональности и раскованности, размывания литературной нормы создают благоприятные условия» для развития категории оценочности (Рацибурская, Сандакова, 2021: 181). Как отмечают исследователи, «в медиадискурсе преобладает негативная оценка в силу специфики функционирования современных средств массовой информации, ориентированных на критику и полемику и остро реагирующих на негативные тенденции в обществе» (Куликова, 2020: 4). По словам Н.И. Клушиной, «негативная номинация — это и есть публицистический ярлык, „конденсирующий“ в себе отрицательный эмоциональный заряд, оказывающий мощное воздействие на восприятие читателя» (Клушина, 2006: 63). Новообразования в современных медийных текстах характеризуются высокой степенью оценочной тональности и являются действенным средством манипулирования общественным сознанием.

Мы рассматриваем новообразования с точки зрения их номинативного, словообразовательного и оценочного потенциала, что обуславливает актуальность проведенного исследования: выявляется социокультурная и экспрессивно-оценочная направленность неодериватов в связи с их словообразовательной структурой, продуктивностью словообразовательных типов и моделей.

Цель исследования — анализ современных медийных новообразований в лингвокогнитивном, лингвопрагматическом, социокультурном аспектах.

Данная работа является своего рода продолжением исследования, результаты которого нашли отражение в (Жданова, Рацибурская, 2024).

Методы и материалы

Материалом исследования послужили словообразовательные новации узуального и неузуального характера, представленные в текстах российских печатных и электронных СМИ, теле- и радиоэфира последнего десятилетия: «Дзен»³, «Первый канал»⁴, «Пятый канал»⁵, «НТВ»⁶, «NN.RU»⁷,

³ Дзен. Статьи. URL: <https://dzen.ru/articles>

⁴ Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/>

⁵ Пятый канал. URL: <https://m.5-tv.ru/>

⁶ НТВ. URL: <https://www.ntv.ru/>

⁷ NN.RU. URL: <https://www.nn.ru/>

«ТВЦ»⁸, «Россия 1»⁹, «Россия 24»¹⁰, «Мир»¹¹, «Российская газета»¹², «Вести FM»¹³, «Наша Версия»¹⁴, «Версия»¹⁵, «VK»¹⁶, «simfmo.rk»¹⁷, «Коммерсантъ»¹⁸, «Аргументы и факты»¹⁹, «Пятница»²⁰, «VKПресс»²¹, «Культура»²², «proГОРОД»²³, «ТВ Mail»²⁴. Данный материал отражает специфику современных словообразовательных процессов в лингвокогнитивном, лингвопрагматическом и социокультурном аспектах.

Новообразования исследовали с помощью описательного и классификационного методов, применяли структурно-семантический, словообразовательный, контекстуальный анализ.

Результаты

Выявлена социокультурная специфика словообразовательных аффиксов, моделей и способов на материале современных медийных новообразований. Новообразования разных словообразовательных моделей и способов отражают социополитические и культурные процессы в современной России (существительные с суффиксом *-(из)ащи(я)*, префиксом *анти-*, префиксоидом *евро-*; сложные существительные агглютинативной структуры, графические неударивающиеся).

В социокультурном и лингвокогнитивном аспектах охарактеризованы имена собственные в современных словообразовательных процессах: определены продуктивные модели отонимического словопроизводства, активизация которого связана с усилением личностного начала в массмедиа на рубеже XX–XXI вв. (производные с суффиксами *-изм-*, *-(из)ащи(я)*, *-щин(а)*; суффиксоидами *-ман(ия)*, *-фоб(ия)*, *-люб*, *-фил*; префиксами *анти-*, *пост-*, *пере-*, *недо-*; графодериваты).

В лингвопрагматическом аспекте рассмотрены средства формирования оценочности новообразований (компоненты словообразовательной структуры и контекст); показан функциональный динамизм аффиксов при выражении оценки. Дифференцируются аффиксы с характерной для них оценочностью,

⁸ ТВЦ. URL: <https://www.tvc.ru/>

⁹ Россия 1. URL: <https://smotrim.ru/channel/1>

¹⁰ Россия 24. URL: <https://vgtrk.ru/russia24>

¹¹ Мир. URL: <https://smotrim.ru/channel/253>

¹² Российская газета. URL: https://rg.ru/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F

¹³ Вести FM. URL: <https://vgtrk.ru/radiovesti>

¹⁴ Наша Версия. URL: <http://pressa.ru/ru/magazines/nasha-versiya#/>

¹⁵ Версия. URL: <https://versia.ru/>

¹⁶ VK. URL: <https://vk.com/?u=2&to=L2xvZ2lu>

¹⁷ simfmo.rk. URL: <https://simfmo-rk.ru/>

¹⁸ Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/>

¹⁹ Аргументы и факты. URL: <https://aif.ru/>

²⁰ Пятница. URL: <https://friday.ru/>

²¹ VKПресс. URL: <https://vk.com/company/ru/press/releases/>

²² Культура. URL: <https://www.culture.ru/>

²³ ProГОРОД. URL: <https://progorodnn.ru/>

²⁴ ТВ Mail. URL: https://tv.mail.ru/nizhnij_novgorod/

в т.ч. с амбивалентной оценочностью (префиксы *супер-*, *гипер-*, *мега-*), аффиксы с семантически обусловленной, а также наведенной и функционально обусловленной оценочностью (префиксы *псевдо-*, *недо-*, *экс-*).

Результаты исследования имеют значение для дериватологии, неологии, прагмалингвистики, медиалингвистики, а также для лексикографической практики.

Обсуждение

Медийные новообразования как отражение социополитических и культурных процессов в современном российском обществе

Новообразования, созданные по разным словообразовательным моделям и различными способами словообразования, так или иначе отражают социополитические и культурные процессы в современном российском обществе.

Актуальные социополитические события нередко номинируются отыменными существительными с суффиксом *-(из)аци(я)* со значением «действие, состояние, сфера занятий, в соответствии со значением мотивирующего слова» (Лопатин, Улуханов, 2016: 288)²⁵:

- (1) **Насекомизация** общества: возможности мозга позволяют создать социум, где самосознание будет полностью утрачено (Дзен. 30.08.2021);
- (2) **афганизация** конфликта на Украине (Первый канал. 27.02.2022);
- (3) **диктаторизация** Европы (Первый канал. 30.07.2025);
- (4) появился даже новый термин: **«прибалтизация исторической памяти»** (Пятый канал. 17.05.2025).

Как отмечают ученые, «цифровая революция коренным образом отразилась на языке, который, приспособляясь к новым технологическим условиям, необратимо трансформируется и обновляется» (Иванова, Клушина, 2025: 75):

- (5) **Киборгизация** человека уже началась, — утверждают ученые (НТВ. 30.09.2025).

Социальное противостояние, столкновение разных политических позиций и точек зрения отражается в новообразованиях с префиксом *анти-*:

- (6) мы заглянули в «Яндекс. Карты» и на основе отзывов составили **анти-титоп** школ (NN.RU. 12.09.2024);
- (7) Подобно тому, как появились вирусы и антивирусы, появились нейросети и появятся **антинейросети** (НТВ. 30.01.2025);
- (8) Сомнительные достижения не только обесценили Нобелевскую премию, но и сделали ее **антипремией** (ТВЦ. 12.07.2025);
- (9) Украина — это **антиРоссия**, а теперь уж и **антиДевятое мая** (Россия 1. 04.05.2025).

²⁵ Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Изд. центр «Азбуковник», 2016. 812 с. EDN: ZCJWLF

В создании новообразований, характеризующих актуальные социополитические реалии, принимают участие и аффиксоиды. Так осложнение отношений с европейскими странами привело к актуализации префиксоида *евро-*:

(10) *евроэлита* стала такой *евронечистью* (Первый канал. 19.02.2025);

(11) *сбежавшие от ТЦК евронахлебники* (Россия 24. 29.04.2025);

(12) *В Киев приехал целый евродесант* (НТВ. 06.04.2025);

(13) *У новых евроизгоев есть общая черта: они популярны в народе в отличие от евробюрократов* (Мир. 07.04.2025);

(14) *Евродезертирство* охватывает новые страны (Пятый Канал. 07.12.2025).

В указанных новообразованиях, негативная оценочность которых обусловлена прежде всего мотивирующей семантикой, наведенная негативная оценка отмечается и у префиксоида *евро-*.

Процессы интернационализации проявляются в активизации словообразовательных моделей аналитического характера, в частности моделей образования сложных слов без соединительных элементов с несклоняемым первым компонентом сложения:

(15) ... *фишинг, выуживание* — вид *интернет-мошенничества*, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей. Выявленные сайты маскировались под *интернет-магазины* (Российская газета. 25.08.2021);

(16) *Эти интернет-продавцы* очень умные... (Вести FM. 16.10.2021);

(17) *VR-терапия. Применение VR-технологий* принесло ощутимые результаты (НТВ. 26.05.2025);

(18) *Никого вип-педофил* компроматом не шантажировал (ТВЦ. 12.07.2025);

(19) *Самого вип-сутенера и финансиста* видели недавно в Тель-Авиве (Первый Канал. 12.02.2026).

Характеризуя современное медийное словотворчество, исследователи отмечают, что «осмысление семантики современный человек проводит посредством схем, графиков, иллюстраций и т.п., т.е. сопутствующей визуализации» (Касперова, 2025: 115). Поэтому получили распространение креолизованные, поликодовые тексты с минимальной вербальной составляющей (Рабибурская, Бусарева, 2024; Чернявская, 2016).

Одно из проявлений визуализации представляют собой графические не-одериваты, в которых исследователями отмечается монографикация, капитализация, полиграфикация, кодографикация (Попова, 2012). При монографикации используются средства алфавита одного языка для выделения внутри слова какой-либо части. В качестве такого средства может использоваться дефис:

(20) *Деревня интер-да. Малые населенные пункты обеспечат стабильной мобильной связью и доступом в интернет* (Российская газета. 20.05.2025). В исходном слове *интернет* часть *-нет*, омонимичная слову-предложению *нет*, заменяется на слово-предложение *да*, которое при этом выделяется дефисом.

При капитализации внутри слова прописными буквами выделяется часть, которая может соответствовать (или не соответствовать) другому узуальному слову:

(21) *ТрЮдный период* (НТВ. 10.03.2025) — о Джастине Трюдо;

(22) *ЖЖЖуткая атака* (НТВ. 29.04.2025);

(23) *Без ЕГЭизма. Музаев отметил, что кампания ЕГЭ и вступительная кампания в ВУЗе — «сообщающиеся сосуды»* (Российская газета. 20.05.2025). В последнем случае в узуальном слове *эгоизм* выделяется аббревиатура ЕГЭ.

При полиграфиксации происходит графическое совмещение разных алфавитов в рамках одного слова:

(24) *План переQUAD* (Коммерсантъ. 15.09.2021);

(25) *PRолет «Байкала»* (Наша Версия. 08.02.2022);

(26) *Ни взять, NISдать* (Версия. 15.12.2025).

При кодографиксации в одном узуальном слове совмещаются элементы разных кодовых систем:

(27) *100ЛИЦА. Журнал о людях во Владимире* (https://vk.com/stolica_magazine);

(28) *«Остатки \$ладки»* (Версия. 25.09.2023).

В название рекламной газеты «Про здоровье» включается эмблематическое изображение сердца в букву *о* предлога *про*:

(29) *Про здоровье* (<https://simfmo.rk.gov.ru/articles/98b1fedd-c08a-4fac-b6d0-fd905a7a22d7>).

В графодериватах могут обыгрываться прецедентные феномены:

(30) *3Девятое царство* (Российская Газета. 03.09.2018) (ср. сказочный зачин: *В тридевятом царстве...*).

Графические дериваты в заголовках выполняют аттрактивную функцию и являются действенным средством экспрессивизации текста.

Исследователи отмечают «значительный лингвокреативный потенциал поликодовых средств текстообразования в современной медиаречи. Наиболее распространенными являются такие графические приемы и средства поликодовости, как дефисация <...> в рамках монографиксации, капитализация и полиграфиксация, кодографиксация, рисунок. Среди неграфических средств особенно заметны цветовые выделения и фотоизображения» (Русский язык интернета, 2025: 354).

Имена собственные в медийных словообразовательных процессах

Характерное для XX в. структурно-семантическое направление в исследовании новообразований в XXI в. обогатилось новыми научными парадигмами.

Отмечаемое учеными усиление личностного начала в современных медийных текстах проявляется в разных аспектах, в т.ч. в вовлечении в словообразовательные процессы разных видов онимов. Так, в медийных текстах широко представлены новообразования на базе имен собственных, прежде всего антропонимов и топонимов.

Отонимные новообразования имеют различную словообразовательную структуру, которая по-разному соотносится со словообразовательным стандартом. Новообразования по своей структуре могут быть стандартными и нестандартными. Стандартные новообразования, или новообразования типовой структуры, соответствуют узуальным словообразовательным типам и моделям. Нестандартные новообразования созданы с отклонением от условий словообразовательных типов и моделей или по неузуальным, окказиональным моделям.

Имена собственные активно используются в некоторых суффиксальных узуальных моделях. Так, антропонимы и топонимы регулярно включаются в модели с суффиксами отвлеченной семантики *-(из)аци(я)*, *-изм* в новообразованиях, называющих общественно-политические, идеологические направления, течения:

(31) *Байден шутит про **финляндизацию** НАТО* (Россия 1. 13.07.2023);

(32) *Как будет происходить **трампизация** Европы* (НТВ. 14.02.2026);

(33) *Классический **киссинджеризм**, политика балансирования* (Вести FM. 19.08.2022);

(34) *Обыкновенный **шольцизм*** (Первый канал. 04.04.2023) — в данном случае наблюдается прецедентная переключка с названием известного фильма «Обыкновенный фашизм».

Синонимичный рассмотренным суффикс *-щин(а)*, присоединяясь к основам личных имен собственных, образует неодериваты с негативной оценкой неодобрения:

(35) *Это такая **хлестаковищина** вкупе с маниловщиной и прочей **остапобендеровщиной*** (Первый канал. 11.02.2025). Здесь создается сложное новообразование на базе имени и фамилии *Остап Бендер*, что свидетельствует о некотором отклонении от словообразовательного стандарта.

Активно функционируют личные имена собственные в качестве производящих в новообразованиях на *-мания*, *-фобия*:

(36) *Его хозяин Хорхи Мас назвал то, что происходило в последние дни, «**Месси-манией**»* (Коммерсантъ. 20.06.2023) — о заключении контракта известного футболиста Лионеля Месси с «Интер Майями»;

(37) *Появился даже термин «**поттеромания**», который описывал, как подростки многих стран подражали героям этих книг буквально во всех жизненных аспектах* (Аргументы и факты. 23.09.2025);

(38) *Но именно «Гостя из будущего» буквально запустила в стране **алисоманию** (еще не связанную с группой «Алиса») — в Селезневу-Гусеву влюбились все мальчишки-подростки* (Аргументы и факты. 29.11.2025);

(39) *После выхода фильма началась настоящая **стриженомания*** (Первый канал. 10.02.2025) — об известном артисте Олеге Стриженове;

(40) ***Клаусофобия*** (Версия. 22.04.2024) — о состоянии здоровья президента Давосского форума Клауса Шваба.

Отонимные новообразования активно создаются также с помощью суффиксоидов *-люб*, *-фил*, *-фоб*:

(41) *Наша экспертная поляна разделяется на несколько фракций: **трам-полюбов**, или **трампофилов**, трампоскептиков и **трампофобов*** (Первый канал. 26.02.2025).

Наряду с новообразованиями стандартной структуры в медийных текстах представлены также отонимные новообразования с различными нарушениями словообразовательного стандарта. Словообразовательные ограничения в сочетаемости морфем могут нарушаться при сочетании производящих основ от имен собственных с некоторыми суффиксами. Так, основы прилагательных с суффиксом *-ск(ий)* обычно не сочетаются с другими суффиксами. Но в новообразовании *британскость* на базе прилагательного *британский* от топонима *Британия* основа производящего прилагательного на *-ск(ий)* сочетается с суффиксом *-ость* с семантикой отвлеченного признака:

(42) ***Британскость** проявляется не только в британских флагах...* (Пятница. 23.02.2026).

Производные на базе имен собственных нередко появляются в результате именной префиксации с отклонением от условий словообразовательных типов. Так, префикс *анти-* со значением противоположности может участвовать в создании новообразований на базе антропонимов и топонимов:

(43) *Появились даже признаки проблемы «отцов и детей»: зумеры **не-много анти-Базаровы** нашего времени, беззубые нигилисты, отвергающие протест* (Российская газета. 29.08.2025);

(44) *Студия позиционировала себя как «**анти-Голливуд**», стала популярна у леваков и на всех мировых фестивалях устраивала живописные уличные демонстрации с живыми скелетами и размазанными кровью лицами* (Российская газета. 04.09.2025);

(45) *В бассейне Печоры предполагалось из реки Ижмы (в Республике Коми) сделать «**анти-Ижму**»: использовать ее как канал, чтобы соединить реки Северную Кельтму с Южной тоже каналом — серией взрывов* (Российская газета. 10.12.2025).

С личными именами собственными сочетаются и другие префиксы, в частности префикс *пост-* временной семантики:

(46) ***ПостКейдж*** (Версия. 06.05.2022) — заголовок статьи об известном актере Николасе Кейдже, который играет героя с идентичным именем.

К нестандартным новообразованиям относятся также отонимные дериваты с префиксами *пере-* с семантикой избыточности и *недо-* с семантикой недостаточности:

(47) *Теперь у нас две звезды: **переВалерия** и **недоПригожин*** (НТВ. 19.12.2025).

Имена собственные нередко обыгрываются в процессах графического словообразования, результаты которого демонстрируют более высокую степень нестандартности структуры.

Так, при капитализации в составе узуального слова прописными буквами могут выделяться онимы:

(48) ***ТРАМП**лин на вершину* (life.ru. 27.04.2016);

(49) **ПроСАХАтили** (Версия. 15.12.2025).

При полиграфиксации в отонимическом производном одна из частей может быть представлена латиницей:

(50) **Назарbye-bye!** (Версия. 11.05.2022). Фамилия бывшего президента Казахстана Назарбаева обыгрывается с помощью присоединения повторяющегося английского прощания *bye-bye*.

Как показывает анализ, новообразования на базе имен собственных характеризуются различным отношением к словообразовательному стандарту: от соответствия узואальным словообразовательным типам и моделям (новообразования с суффиксами *-(из)аци(я)*, *-изм* и др.) до отклонений от условий словообразовательных типов (префиксальные новообразования) и крайней степени нестандартности (графические новообразования).

Таким образом, отонимические новообразования в современных медиа нередко выражают социально обусловленную негативную оценку и являются «удобным способом навязывания адресату социально-политических оценок и манипулирования общественным мнением» (Русский язык интернета..., 2025: 353).

Оценочность новообразований в современных медиа

Исследователи отмечают очевидную оценочную и эмоциональную маркированность многих медийных новообразований (Рабибурская, Сандакова, 2021). Оценочность новообразований формируется различными средствами и зависит от семантико-стилистических характеристик мотивирующих (производящих) слов и аффиксов, а также от условий контекста. Так, в современных медиа востребованы размерно-оценочные префиксы *супер-*, *гипер-*, *мега-* интернационального характера. Данные префиксы могут указывать на значительный размер, высокую степень качества предмета или признака:

(51) *Россия безусловно соберет значительный и **суперзначительный** клуб государств* (НТВ. 07.06.2025);

(52) *чтобы быть не просто энергичными, а **суперэнергичными*** (Первый канал. 08.07.2025);

(53) *В **суперсжатые** сроки проделали огромную работу* (Первый канал. 20.09.2025);

(54) *Минувшую ночь называют **суперснежной** и в Казани* (ТВЦ. 30.01.2026);

(55) *Тема эта не **суперсвежая**, но она постепенно развивалась* (НТВ. 28.03.2026);

(56) *Это не просто опасно, это **суперопасно*** (НТВ. 01.02.2026);

(57) *Это не те вещи, которые наша героиня использует **суперчасто*** (Первый канал. 20.02.2026);

(58) *Мозг переходит в режим «**гипер-бдительности**», обрабатывая каждую деталь и каждую секунду, что замедляет субъективное восприятие времени* (ВКПресс. 12.09.2025);

(59) *Сейчас мы живем в эпоху гипермедийности* (Первый канал. 11.03.2026);

(60) *Это не просто важно, это мегаважно* (Первый канал. 01.03.2025).

Вместе с тем, указывая на размер, данные префиксы характеризуются амбивалентностью выражения оценки. В одних новообразованиях они выражают положительную оценку, которая может быть связана также с мотивирующей семантикой и/или контекстом:

(61) *Где наши суперсчастливики из группы Димы Билана?* (Первый канал. 29.11.2024);

(62) *Встречайте супердуэт!* (НТВ. 21.03.2026);

(63) *Есть суперпродуктивный Питер Пауль Рубенс* (Культура. 06.01.2025);

(64) *Хочу поблагодарить за то, что меня приняли в этот коллектив суперспортивных людей* (Первый канал. 28.09.2025);

(65) *Это не значит, что Трамп — мегадруг России* (Первый канал. 20.05.2025);

(66) *Это было по-настоящему мегакруто* (НТВ. 15.02.2025).

В других новообразованиях возможна ироничная, негативная оценка, которая передается аффиксам от мотивирующих основ и/или контекста:

(67) *Тут нет никакого суперкриминала* (Первый канал. 24.02.2025);

(68) *Но суперлояльных японцев зачем обижать?* (НТВ. 02.09.2025);

(69) *Возможно ли, что одной лишь гипертактильностью Макрона и объясняется поддержка Украины?* (Первый канал. 25.05.2025);

(70) *Мегапафосная премьера прошла в кинотеатре «Художественный»* (НТВ. 30.11.2024);

(71) *Я — за меганестройный хор* (НТВ. 20.09.2025);

(72) *Ты мегазвезда, где твои мегабодигарды?* (Первый канал. 29.08.2025).

Префикс *псевдо-* с семантикой неистинности, ложности в медийных новообразованиях развивает негативную оценочность, которая связана с его семантикой:

(73) *В Молдавии происходят псевдовыборы, которые на Западе считают настоящими* (Первый канал. 29.10.2024);

(74) *Что собой представляет это псевдоправительство в изгнании?* (НТВ. 19.02.2025);

(75) *«Псевдоресторан» на верхней палубе пустовал...туда просто не приносили еду* (proГОРОД. 16.07.2025);

(76) *Пришли люди, которые за деньги, за какие-то идеи, псевдоидеи разрушили страну* (Первый канал. 26.08.2025);

(77) *Чаще всего эти псевдобизнесмены попадают на другом* (Пятый канал. 21.03.2026);

(78) *Она успешная бизнесумен и сама заработала на псевдозолотой дворец* (Россия 24. 12.05.2025);

(79) *Может ли фактор Трампа сдерживать, образумить псевдовоиственных европейцев?* (Первый канал. 28.08.2025);

(80) *Они оказались заложниками своих **псевдопобедных** докладов* (НТВ. 17.02.2026).

Негативную оценочность развивает в медийных новообразованиях и префикс *недо-*, участвующий в создании новообразований с семантикой ‘не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом, заключающим в себе его признаки, но не являющийся им в полной мере’ (Лопатин, Улуханов, 2016: 124)²⁶:

(81) *очередная авантюра продажного **недопрезидента*** (Первый канал. 21.11.2024);

(82) *Для нас **недопобеда** на Украине будет равносильна поражению* (ТВЦ. 23.11.2024);

(83) *Вот что заявил, как бы его назвать, переизбранный, **недоизбранный** президент* (Первый канал. 25.05.2025);

(84) *друзья беспощадной **недоблогерши*** (Россия 1. 06.05.2025).

Негативная оценка префикса *экс-* (‘бывший’) может формироваться под влиянием собственной семантики и контекста:

(85) *Ирина Хакамада снялась в бикини на берегу океана. **Экс-политик** опубликовала фото в купальнике* (ТВ Mail. 28.11.2024);

(86) *Откуда у простого **экс-военного** загородные особняки?* (НТВ. 06.07.2025).

Аксиологически заряженные новообразования «отражают» своего рода «лингвистический портрет современного общества, в них воплощена идеология, система ценностей и предпочтений современного человека, его общий уровень образованности и культуры в условиях новых коммуникативных потребностей и постоянно меняющейся социокультурной среды» (Активные процессы..., 2022: 8).

Проведенное исследование обнаружило существенный ценностный потенциал неологических словообразовательных интенсификаторов в современной медиаречи в свете активных процессов в аксиосфере современного русского языка.

Заключение

Сегодня русский язык функционирует в условиях лингвокреативной свободы, которая проявляется, в частности, в современных деривационных процессах, активизации медийного словотворчества. Результаты словообразовательных процессов, словообразовательные новации, исследуются в актуальных на рубеже XX–XXI вв. социокультурном, лингвокогнитивном и лингвопрагматическом аспектах.

Социокультурный и лингвокогнитивный аспекты позволяют выявить продуктивные словообразовательные способы и модели, так или иначе отражающие актуальные социальные реалии (существительные с суффиксом —

²⁶ Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Изд. центр «Азбуковник», 2016. 812 с. EDN: ZCJWLF

(из)ащи(я), префиксом *анти-*, префиксоидом *евро-*; сложные существительные агглютинативной структуры, графические неодериваты).

Характерным отражением современной действительности становятся деривационные процессы в области имен собственных (производные с суффиксами *-изм-*, *-(из)ащи(я)*, *-щин(а)*; суффиксоидами *-ман(ия)*, *-фоб(ия)*, *-люб*, *-фил*; префиксами *анти-*, *пост-*, *пере-*, *недо-*; графодериваты).

Лингвопрагматический аспект исследования позволяет определить средства формирования оценочности новообразований. Оценочность словообразовательных новаций может создаваться амбивалентными аффиксами (*супер-*, *гипер-*, *мега-*), аффиксами, оценочность которых может быть обусловлена их значением (*псевдо-*, *недо-*, *экс-*), а также мотивирующей семантикой и контекстом.

Таким образом, медийные новообразования показывают, что современным словообразовательным процессам свойственны общие для активных процессов в языках мира, связанные с тенденциями к глобализации и интернационализации тренды. Активные словообразовательные процессы в русском языке демонстрируют высокий креативный и экспрессивный потенциал, отражая характерные для современного российского общества социополитические и культурные реалии.

Список литературы

- Жданова Е.А., Рацибурская Л.В. Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 348–360. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362> EDN: RRNCCG
- Иванова М.В., Клушина Н.И. Креативные возможности языка в интернет-коммуникации // Лингвокреативное пространство интернет-коммуникации : монография. М. : ФЛИНТА, 2025. С. 75–84. EDN: UPHNLA
- Касперова Л.Т. Неологизмы и их функции в речи журналистов и интернет-пользователей // Лингвокреативное пространство интернет-коммуникации : монография. М. : ФЛИНТА, 2025. С. 114–143. EDN: QPWMZP
- Клушина Н.И. Стратегия именования в воздействующей речи // Вестник Московского государственного университета. Серия 10. Журналистика. 2006. № 5. С. 49–65. EDN: PUZQML
- Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce : Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2016. 152 с.
- Куликова В.А. Словообразовательные средства выражения негативной оценки (на материале новообразований в заголовках электронных СМИ XXI в.) : дис. ... канд. фил. наук. Нижний Новгород, 2020. 278 с. EDN: VENJXV
- Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии : монография / под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. 248 с. EDN: OBEVXI
- Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива 2 : монография / под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург : УГПУ, 2012. С. 199–233.
- Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А. Русский язык начала XXI века: лексика,

- словообразование, грамматика, текст : монография. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с. EDN: TQELUB
- Радби́ль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-63-79> EDN: AAVDRN
- Рацибурская Л.В., Бусарева С.Г. Поликодовость как проявление креативности современного медийного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2024. Т. 23. № 4. С. 142–158. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.1> EDN: LKQLLV
- Рацибурская Л.В., Сандакова М.В. Интенсификаторы в русском языке XXI века: словообразование, семантика, синтагматика и динамика оценки // Studia Slavica. Т. 65. № 1. 2021. С. 179–192. <https://doi.org/10.1556/060.2020.00010> EDN: RBVUPH
- Русский язык интернета: поликодовость, интерактивность, гипертекстуальность : монография / под ред. Т.Б. Радби́ля. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. 393 с.
- Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов : монография / Т.Б. Радби́ль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Баккич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова ; под ред. Л.В. Рацибурской. М. : ФЛИНТА, 2018. 232 с.
- Чернявская В.Е. Поликодовость vs «логоцентризм» в речевом воздействии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 2. С. 3–10. <https://doi.org/10.20339/PhS.2-16.003> EDN: VQGCKT

Сведения об авторе:

Рацибурская Лариса Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. *Сфера научных интересов*: дериватология, неология, язык СМИ. Автор более 300 научных публикаций. ORCID: 0000-0002-9332-050X. Scopus Author ID: 57204359476. SPIN-код: 7032-5608. E-mail: racib@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-392-407

EDN: DAYTEU

Research article

Word-building innovations in modern Russian media

Larisa V. Ratsiburskaya

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
✉ racib@yandex.ru

Abstract. The research is carried out in line with the current anthropocentric trend in linguistics and studies active word-building processes in modern Russian language. The need to analyze the results of these processes, innovations in mass media texts, predetermines the relevance of this study. The aim of the study is to analyze modern media neologisms in linguo-

cognitive, linguo-pragmatic, and sociocultural aspects. The research material consists of neologisms from the texts of printed and electronic Russian media, television and radio broadcasts of the last decade. The author used descriptive and classification methods, structural-semantic, word-building and contextual analysis. The research demonstrates sociocultural conditionality of productive word-building ways and models, identifies productive traditional and innovative ways of word-building based on proper names, characterizes the functional dynamics of word-building affixes of evaluative neologisms. Social conditionality of word-building innovations manifests itself in their word-building structure: in the semantics of word-building models, affixes and motivating stems characterizing modern social realities. Proper names as bases of derivational processes are of particular importance in socio-cultural and linguo-cognitive aspects. Word-building and contextual means of expressing evaluation in neologisms are characterized in the linguo-pragmatic aspect. The results obtained are important for derivatology, neology, pragmatolinguistics, media linguistics, and lexicography.

Keywords: word-building derivation, neologisms, word-building methods, word-building models, word-building affixes, mass media

Funding. The work was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FSWR-2026-0016) within the framework of the basic part of the state assignment.

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: received 25.01.2026; accepted 28.04.2026.

For citation: Ratsiburskaya, L. V. (2026). Word-building innovations in modern Russian media. *Russian Language Studies*, 24(3), 392–407. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-392-407> EDN: DAYTEU

References

- Cherniavskaia, V. E. (2016). Multimodality vs “logocentrism” in persuasion. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, (2), 3–10. (In Russ.). <http://doi.org/10.20339/PhS.2-16.003> EDN: VQGCKT
- Ivanova, M. V., & Klushina, N. I. (2025). Creative possibilities of language in Internet communication. In *Linguocreative space of Internet communication* (pp. 75–84). Moscow: FLINTA Publ. (In Russ.). EDN: UPHNLA
- Kasperova, L. T. (2025). Neologisms and their functions in the speech of journalists and Internet users. In *Linguocreative space of Internet communication* (pp. 114–143). Moscow: FLINTA Publ. (In Russ.). EDN: QPWMZP
- Klushina, N. I. (2006). Strategy of naming in effecting speech. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10*, (5), 49–65. (In Russ.). EDN: PUZQML
- Koryakovtseva, E. I. (2016). *Essays on the Language of Modern Slavic Media (Semantic-Word-Formation and Linguocultural Aspects)*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach. (In Russ.).
- Kulikova, V. A. (2020). *Word-formation means of expressing a negative assessment (based on the material of neoderivatives in the headlines of the electronic media of the 21st century)*. (Candidate dissertation). Nizhny Novgorod. (In Russ.). EDN: VENJXV
- Popova, T. V. (2012). Creolized derivatives as an element of Russian written communication at the turn of the XX–XXI centuries. In T.A. Gridina (Ed.), *Linguistics of creativity – 2* (pp. 199–233). Yekaterinburg: UGPU Publ. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (Ed.). (2025). *The Russian language of the Internet: Polycodeness, interactivity, hypertextuality*. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky National Research University. (In Russ.).

- Radbil, T. B., Marinova, E. V., Ratsiburskaya, L. V., Samylicheva, N.A., Shumilova, A. V., Shchenikova, E. V., Vinogradov, S. N., & Zhdanova, E. A. (2014). *The Russian language of the beginning of the XXI century: vocabulary, word formation, grammar, text*. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky National Research University. (In Russ.) EDN: TQEJUB.
- Radbil, T. B., Raciburskaya, L. V., & Paloshi, I. V. (2021). Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language in the era of coronavirus: Linguo-cognitive aspect. *Nauchnyi dialog*, (1), 63–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-63-79> EDN: AAVDRN
- Ratsiburskaya, L. V. (Ed.). (2020). *Linguocognitive aspects of studying national conceptual spheres in synchrony and diachrony*. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky National Research University. (In Russ.). EDN: OBEVXI
- Ratsiburskaya, L. V. (Ed.). (2018). *Sociocultural and linguopragmatic aspects of modern word-formation processes*. Moscow: FLINTA publ. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L. V., & Busareva, S. G. (2024). Polycodeness as creativity manifestation in modern media text. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23(4), 142–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.412> EDN: LKQLLV
- Ratsiburskaya, L. V., Sandakova, M. V. (2021). Intensifiers in Russian in the 21st century: Word-building, semantics, syntagmatics, and dynamics of evaluation. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 65(1), 179–192. (In Russ.). <http://doi.org/10.1556/060.2020.00010> EDN: RBVUPH
- Zhdanova, E. A., & Ratsiburskaya, L. V. (2024). Lexical and word-formation innovations in the Russian-language internet communication: Productive word-formation models. *Russian Language Studies*, 22(3), 348–360. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-348-360> EDN: RRNCCG

Bio note:

Larisa V. Ratsiburskaya, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation. *Research interests*: derivatology, neology, mass media language. The author of more than 300 scientific works. ORCID: 0000-0002-9332-050X. Scopus ID: 57204359476. SPIN-code: 7032-5608. E-mail: racib@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-408-422

EDN: DEETUT

Научная статья

Сленговые маркеры положительной оценочности: динамика конкуренции

О.И. Северская

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация

 oseverskaya@yandex.ru

Аннотация. Проведено актуальное исследование обновления оценочной лексики за счет сленгизмов, распространяющихся в цифровой среде, и впервые дано системное описание новых частотных маркеров положительной оценки (имба, кульно, сасно). Цель исследования — выявить механизмы грамматического, семантического, прагматического и стилистического освоения и конкуренции новых маркеров положительной оценки между собой и с исконным *круто*. Материал исследования составили данные Национального корпуса русского языка, примеры из спонтанной речи и интернет-коммуникации, медиаметрические исследования, статьи словарей сленга, к которым применялись корпусные методы анализа контента, дискурсивный и семантический анализ. Установлено, что исследуемые сленгизмы проходят полный цикл грамматической адаптации и семантически дифференцируются по эмоциональным (эстетической, гедонистической, психологической) и рациональным (утилитарной и телеологической) оценкам, обнаруживая после пика частотности тенденцию к утрате экспрессивности и повышению стилистического регистра до разговорной нормы. Показано, что конкуренция сленговых маркеров положительной оценки имеет функционально-семантический характер, а не объясняется только речевой модой, сменой культурного кода и субкультурного источника заимствования. Впервые сленгизмы рассмотрены системно, проанализированы их словообразовательный потенциал и специализация по типам оценки, а также предложена динамическая модель смены поколений в оценочном сленге. Сделан вывод о подчиненности обновления оценочной лексики принципу компенсаторной динамики: новые заимствования заполняют ниши, освобождающиеся при стирании экспрессивности предыдущих маркеров. В качестве перспективы заявлено исследование восприятия проанализированных маркеров разными возрастными и социальными группами и сравнение с отрицательно-оценочными и амбивалентными сленгизмами 2020-х.

Ключевые слова: оценочная лексика, положительная оценка, неология, заимствования, сленг, сленгизм, социальные сети, синонимическая конкуренция

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 29.01.2026; принята к печати 24.04.2026.

Для цитирования: Северская О.И. Сленговые маркеры положительной оценочности: динамика конкуренции // Русистика. 2026. Т. 24. № 3. С. 408–422. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-408-422> EDN: DEETUT

© Северская О.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

В русском языке 1990-х–2020-х гг. активно формируется группа неологических заимствованных маркеров положительной оценки, которые не просто дублируют исконные *хорошо, отлично, прекрасно*, а вступают в конкурентные отношения между собой, отражая смену культурных кодов и языковых вкусов и, соответственно, внося определенные изменения в аксиосистему русского языка. Актуальность обращения к подобным лексическим единицам определяется ускорением обновления оценочной лексики в эпоху цифровизации и повышением влияния социальных сетей на литературную норму. Индикатором изменений в первую очередь является сленг, о чем свидетельствуют, в частности, исследования компании «Медиалогия», в которых топ-15 наиболее употребительных в социальных медиа слов состоит почти исключительно из сленгизмов.

Объектом исследования стали маркеры положительной оценки *имба, кульно, сасно*, постепенно вытесняющие из употребления свой синоним *круто*, предметом — их семантика, грамматическая адаптация, прагматика и динамика их конкуренции. Что касается изученности затрагиваемых вопросов, то уже выявлены критерии выделения компонентов оценочных значений (Погорелова, Яковлева, 2017); разработана теория лексикографирования собственно оценочной лексики (Лукашевич, Левчик, 2016; Тихонова, 2016), есть и опыты представления новейших оценочных сленгизмов в печатных¹ и онлайн-словарях сленга (российских² и зарубежных³). Активно изучаются массмедиа как источник неологизации (Генералова, 2021), а также коллоквиализация СМИ за счет «нонстандартных» единиц (Загидуллина, Киклевич, 2021; Попова, 2017; Цветова, 2020), влияние социальных медиа на язык (Jakic, Wagner, Meyer, 2017)⁴ и коммуникацию (Романова, Коннова, Глазкова, 2024; Черниченко, 2023). Подчеркивается роль сленга, в т.ч. заимствованного, в пополнении словарного запаса (Михеева, Долинина, Здорикова, 2022; Цибизова, Галанкина, 2021). Особое внимание уделяется геймерскому жаргону (Буряк, 2024; Воронцова, Алдухов, 2023; Khaibullova, Kozina, 2023). Описывается семантика, прагматика и функции отдельных сленговых средств выражения оценки (Воркачев, 2023). Однако, несмотря на отдельные онлайн-фиксации и упоминания обсуждаемых оценочных сленгизмов *имба, кульно* и *сасно* в ряду других новаций в научных статьях и медиакомментариях, в единой системе маркеров положительной оценки и ряду исконных синонимов они до сих пор не рассматривались; не изучался и их грамматический и словообразовательный потенциал.

¹ Никитина Т.Г. Словарь молодежного сленга (Материалы 1980–2000 гг.). СПб. : Фолио-Пресс, 2003. 701 с.; Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь. М. : АСТ, Астрель, 2009. 1104 с.

² Современный сленг. Словарь. URL: <https://modernslang.tilda.ws/> (дата обращения: 04.04.2026).

³ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 04.04.2026).

⁴ Davies S. How has social media changed language? 2016. URL: <https://socialnomics.net/2016/10/27/how-has-social-media-changed-language> (дата обращения: 04.04.2026); Reed J. How Social Media is Changing Language. 2014. URL: <https://www.jonreed.co.uk/social-media-changing-language/> (дата обращения: 04.04.2026).

Предлагается новый, интегрированный взгляд на динамику языковых изменений в выделенном сегменте оценочного сленга. **Цель исследования** — выявить механизмы вхождения новых оценочных единиц в русский язык, их грамматическое освоение и смену оценочных акцентов. Это потребовало решения ряда конкретных задач:

- установить происхождение и хронологию вхождения в русский язык маркеров *имба*, *кульно*, *сасно* и реконструировать их семантический путь от исходных значений (англ. *imbalance*, *cool*, *sassy*) до оценочных;
- проанализировать морфологические характеристики этих единиц, их словообразовательные возможности и синтаксические функции;
- выявить семантико-прагматические оттенки значений и выявить факторы выбора конкретного слова в контексте;
- охарактеризовать место новых маркеров в системе оценочной лексики русского языка, сопоставив их с исконными синонимами (*хорошо*, *отлично*, *круто*, *классно*, *прикольно*) и определив их стилистический статус (сленг, разговорная речь, возможный переход в общий регистр) и векторы его изменения.

Методы и материалы

Материалом исследования послужили тексты Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁵, прежде всего корпуса «Социальные сети», позволяющего проследить конкуренцию оценочных сленгизмов в 2010–2025 гг.; медиаметрики⁶; примеры, выделенные методом включенного лингвистического наблюдения в соцсетях и интернет-источниках. К ним применялись корпусные инструменты анализа контента (поиск коллокаций, сравнение скетчей, портрет слова, статистика относительной частоты, график распределения по годам), а также методы дискурсивного и семантического (в частности, компонентного, контекстуального и контекстно-лексикографического) анализа, метод многоаспектного анализа словарных дефиниций. К методологической основе исследования можно также отнести классические труды по теории оценки (Арутюнова, 1988; Вольф, 1985; Телия, 1981, 1986), а также современные исследования оценочного потенциала сленга (Воркачев, 2023; Орлова, Богданова, 2021; Ухова, 2014) — с их коммуникативно-когнитивным подходом.

Результаты исследования

Доказано, что новые маркеры положительной оценки *имба*, *кульно*, *сасно* не дублируют исконное *круто*, а образуют динамическую систему, в которой каждый элемент проходит свой жизненный цикл, определяемый среди

⁵ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.04.2026).

⁶ Слова 2024 года // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/research/13623> (дата обращения: 04.04.2026); Слова 2025 года // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/research/14321> (дата обращения: 04.04.2026); *Борода К.* От *имбы* до *кукожа*: как говорить с поколением зумеров и альфа на одном языке. Словарь сленга 2025 // Brand Analytics. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/brand-analytics-slang-mem> (дата обращения: 04.04.2026).

прочего и сменой субкультурного источника заимствования, и занимает определенную семантическую нишу. Количественные показатели относительной частоты (*irm*) в корпусе «Социальные сети» иерархичны: *имба* — 0,76 (пик популярности), *сасно* — 0,54 (фаза диффузии), *кульно* — 0,14 (старение), *круто* — 0,09 (переход из сленга в разговорный регистр), что говорит о динамике их конкуренции.

Выявлено грамматическое освоение данных сленгизмов по модели полной адаптации: их словоизменение, образование словообразовательных гнезд, включающих производные существительные, прилагательные и даже глаголы, разнообразные синтаксические позиции подтверждают высокую степень интеграции этих единиц в языковую систему. Наиболее развитая парадигма у лексемы *имба*.

Установлено, что конкуренция маркеров имеет функционально-семантический характер: взаимозамена с разными прагматическими акцентами возможна только в зонах пересечения, но не в специализированных контекстах. Показана роль семантической дифференциации как ключевого механизма, позволяющего новым маркерам сосуществовать и конкурировать: *сасно* специализируется на эстетической и гедонистической оценке, *имба* — на утилитарной и телеологической, *круто* сохраняет универсальность, переходя в разговорный регистр, *кульно* утрачивает позиции из-за отсутствия уникального оценочного оттенка.

Обсуждение

Положительная оценка как динамическая категория

Оценка, вслед за В.Н. Телия, определяется нами как «связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реальностью, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со „стандартом“ бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» (Телия, 1986: 22–23). При этом важно, что «на шкале оценок стандартные признаки стереотипов соотнесены с зоной нормы», а «чисто „эмотивные“ (субъективные) оценки не включают стереотипов, так как они не соотносятся с признаками объектов и не подразумевают классификации» (Вольф, 1985: 61).

Отдавая в оценочном акте приоритет рациональному над эмоциональным, Н.Д. Арутюнова тем не менее выделяет аффективные типы оценки (Арутюнова, 1988: 245). У рассматриваемых сленгизмов аффективность преобладает (что сближает их с междометными и предикативными единицами). Однако, по классификации Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1988: 75–76), они могут иметь в значении как «эмоциональные» (гедонистические, эстетические и психологические), так и «рациональные» (утилитарные и телеологические) коннотативные оценочные смыслы.

Что касается разграничения объективной и субъективной оценок, то оценочные сленгизмы, будучи «стандартизованы» в субкультурных сообще-

ствах, в то же время способны семантически дифференцироваться в зависимости от намерений и состояния говорящего и контекста употребления. В первом случае имеет место, в терминах Е.М. Вольф (Вольф, 1985), «замещающая» оценка объекта, соответствующая стереотипному набору его признаков, во втором — «конкретизирующая», при которой выделяются «некоторые свойства денотативной структуры объекта квалификации, служащие стимулом для эмотивной реакции субъекта» (Телия, 1981: 203–204).

Оценочная лексика образует сложные синонимические ряды (*хорошо, отлично, прекрасно, замечательно, классно, клево, круто, офигенно, потрясно* и др.), в которых различаются абсолютные (полные) и относительные (частичные) синонимы. С одной стороны, исследователи ставят «полную синонимию» в сфере оценки под вопрос (Апресян и др., 1995): каждый маркер вносит свой оттенок, связанный с интенсивностью, сферой употребления, внутренней формой. С другой стороны, сленгизмы, имея в начале жизненного цикла функцию «замещающей» оценки, могут дублировать стереотипные «хорошо/плохо», затем дифференцируясь с ними не только по стилистической окраске (нейтр. *хорошо* vs сленг. *кульно*), но и по интенсивности оценочного компонента (нейтр. *хорошо* vs усиленн. *имба*), дополнительным смыслом, сочетаемостным ограничениям.

Жизненный цикл сленговой лексики характеризуется ускоренной динамикой. В нем выделяются: *инновация* — появление нового слова в речи узкой группы, на этой стадии слово маркирует принадлежность к субкультуре, обладает высокой экспрессивностью и «непонятностью» для внешних наблюдателей; *диффузия* — выход за пределы исходной группы, рост частотности, расширение сочетаемости и семантики за счет использования в медиа- и интернет-коммуникации; *пик популярности* — максимальная частотность, «модность», узнаваемость большинством носителей, потеря части экспрессивности; *старение и стилистическая маркированность* — снижение частотности, уход в пассив, закрепление за определенной возрастной/социальной группой (например, *клево* — признак речи людей старшего поколения), на этой стадии слово либо «архаизируется» в сленге, либо, в редких случаях, входит в общелитературный язык с пометой «разг.» (как это произошло с *круто*). Можно предположить, что *кульно* находится на стадии старения (пик — середина 2000-х гг., устойчивый спад с 2011 г.), *сасно* находится в фазе диффузии или раннего пика (кривая графика частотности устойчива), а *имба* переживает пик в наши дни. Заметим, что лексема *имба* демонстрирует резкий и устойчивый рост частоты употреблений, о чем свидетельствуют графики НКРЯ и данные медиаметрик (за 2025 г. 4,56 млн употреблений, по версии «Медиалогии», и 10,2 млн, по Brand Analytics).

Поскольку частотные единицы со временем теряют экспрессивную силу, язык нуждается в обновлении средств оценки, и наиболее продуктивны в этом плане, в т.ч. и в сленге: внутренняя неологизация — создание новых слов из исконных морфем (например, *отпад, улет*); семантическая деривация —

переосмысление существующего слова (например, *крутой* ‘близкий к вертикальному’ → ‘высоко поднимающийся / заметно выдающийся вперед’ → ‘отличный, прекрасный, заслуживающий одобрения’); заимствование слова из другого языка (чаще всего из английского, глобального языка-донора). Важно также различать прямое заимствование (*кульно* < *cool*, *сасно* < *sassy*) и калькирование (менее характерное для оценочной лексики). В случае с *имба* мы имеем дело с двухступенчатой трансференцией (заимствованием геймерского термина *imba*, от переосмысленного англ. *imbalanced* ‘несбалансированный → нарушающий игровой баланс’). Заимствованные оценочные маркеры воспринимаются как более модные, престижные, современные, поэтому легко интегрируются в принимающий язык.

Этимология и путь в язык: три волны заимствования

За точку отсчета в хронологии вхождения в речь рассматриваемых оценочных сленгизмов примем историю исконных маркеров *крутой*, *круто*, пик их оценочного использования отмечается в 1990-е гг. В специализированных словарях сленга зафиксированы:

а) *крутой* ‘мощный, интенсивный, незаурядный’⁷; ‘о человеке: в высшей степени агрессивный, сильный, имеющий много денег и т.п. / о вещах: лучший, престижный, дорогой’⁸; ‘особенный, выдающийся, обладающий специфическими качествами’⁹;

б) *круто* ‘бизн., фарц. слишком дорого’¹⁰; ‘в высшей степени хорошо (обычно выражает восторг говорящего)’¹¹;

в) производные *крутяк*, *крутяняк*, *крутуха* ‘что-л. яркое, специфическое, особенное, отличное, выдающееся’¹².

В современных толковых словарях отмечается *крутой* ‘жарг. преуспевающий, удачливый, респектабельный // отличный, прекрасный, заслуживающий одобрения’¹³.

Легко проследить семантическую трансформацию *крутой* человек ‘с сильным и твердым характером’ → ‘не просто сильный, а успешный, влиятельный’ → ‘выдающийся, превосходный’. Возможно и англоязычное влияние: выражение *крутой парень* ‘твердый, негибачеый; крутой, как яйцо’ имеет аналог с англ. *hard-boiled guy* ‘букв. круто сваренный парень’¹⁴. Сегодня

⁷ Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов) / под ред. А.Н. Баранова. М. : Метатекст, 1997. С. 176.

⁸ Шкапенко Т.М., Хюбнер Ф. Русский тусовочный как иностранный. Калининград : Янтарный сказ, 2003. С. 179.

⁹ Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М. : АСТ-Пресс, 2007. С. 192–193.

¹⁰ Юганов И., Юганова Ф. Указ. соч. С. 176.

¹¹ Шкапенко Т.М., Хюбнер Ф. Указ соч. С. 178.

¹² Юганов И., Юганова Ф. Указ. соч. С. 176; Елистратов В.С. Указ. соч. С. 193.

¹³ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 04.04.2026).

¹⁴ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 04.04.2026).

круто вошло в общий жаргон и постепенно обретает статус разговорного слова, в отличие от своих предшественников *клево* (уходящего корнями в офенское наречие XIX в.) и *классно* (возникшего в 1920-е гг. на русской почве в образовательной среде и переосмысленного в 1960-е гг. уже как калька англ. class ‘разряд, категория’, ср. *первый / высший класс*).

Кульно (от *кул*) — продукт волны заимствований середины 1990-х гг., времени активного потребления англо-американской культуры. В языке-источнике *cool* ‘холодный, прохладный’ переосмыслилось на основе стандартной метафоризации (температура → эмоции): уже в XIV в. отмечается *cool* ‘хладнокровный, спокойный, не теряющий самообладания’¹⁵. В 1930–1940-х гг. происходит дальнейшее переосмысление: на смену «горячему свингу» приходит *cool jazz* с его «прохладной манерой», и сленговое использование *cool* ‘модный, стильный’ фиксируется уже в 1933 г. в афроамериканском английском; в 1940-е гг. значение расширяется ‘отличный, превосходный’; в 1950-е гг. *That’s cool* становится обозначением всего, что достойно восхищения¹⁶. Имеют словарную фиксацию: *кульный* ‘очень хороший, отличный, высокого качества’; *кульно* ‘отлично, замечательно’¹⁷, а также *кул* ‘то же, что и круто, здорово’¹⁸.

Сасно (от англ. *sassy* ‘дерзкий, бойкий, нахальный’) — более позднее заимствование из фан-сообществ комиксов и аниме, постепенно выходящее за их пределы в значении ‘симпатичный, милый’. Зафиксировано онлайн-словарями: *сасный* ‘красивый, привлекательный’¹⁹.

Имба (от англ. *imbalanced*, сокращенного до *imba* ‘чрезмерно сильный, непобедимый в честном бою персонаж / сверхмогущественное оружие / неуязвимая тактика или суперспособность’) — геймерский жаргонизм, появившийся в начале 2000-х гг. (ср.: *большинство катает на той технике, которая признано имбалансной, т.е. слишком хорошей* (vk, 2004), широко распространившийся в 2010-х гг. с ростом популярности киберспорта и стриминга и превратившийся из сугубо игрового сленгизма в обозначение чего-то выдающегося вообще. Зафиксированы *имба* ‘о сильном персонаже/оружии/навыке (в видеоигре) / о том, что обладает хорошими качествами’ и *имбовый* ‘сильный, мощный; хороший’²⁰.

Грамматическая адаптация и словообразовательный потенциал

Круто квалифицируется как предикатив: *Как же тут круто!* (Карелия, 2025); или наречие: *теперь берем умные слова и КРУТО РИФМУЕМ* (VK, 2015). Наречие при этом сочетает в значении переносные (‘здорово, хорошо’)

¹⁵ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 04.04.2026).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Елистратов В.С. Указ. соч. С. 196.

¹⁸ Современный сленг. Словарь. URL: <https://modernslang.tilda.ws/> (дата обращения: 04.04.2026).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

и прямые ('резко, решительно') смыслы: *Группа круто набрала популярность...* (Дневник Ведущего, 2025), ср.: *круто/резко взлетела; Кто тоже готов круто прокачать свою жизнь?* (Натуропат Зайнутдинов, 2025), ср.: *круто/резко/решительно изменить* практически неразличимые в контексте.

Кульно и *сасно* имеют тот же морфологический статус — предикатива в близком к междометному употреблении: *Вау супер, кульно ваще!* (Otveta.Mail.ru, 2012); *(Тут) кульно!* (VK, 2023); *Сасно...* как всегда на высоте, ты топ! (Чат для художников, 2021); и наречия: *кульно вы веселитесь* (Республика Мордовия, 2010); *Выглядит сасно, на сяоми похоже* (Rozetked Discuss, 2021).

Имба может быть как предикативом: *Имба. Надо брать* (Rozetked Discuss, 2022), так и существительным: *имба в чате* (Чат для художников, 2022), *Просто имба, а не телефон* (Rozetked Discuss, 2022). Как существительное *имба* склоняется и изменяется по числам: *генератор имбы, стал имбой, не замечаю имб, имбами* получились. В некоторых сочетаниях типа *имба вещь, имба идея, имба арт* сленгизм морфологически близок к прилагательному, ср. *хорошая вещь, отличная идея, замечательный арт*. Встретился и единичный пример, в котором *имба* имеет форму глагола неопределенной семантики: *Я тебя тоже имба* (Чат для художников, 2022).

Все эти сленгизмы имеют, кроме прилагательных (*крутой, кульный, сасный*), от которых и образованы наречия, целый ряд производных: *крутан (Крутой специалист (профи, крутан). VK, 2015), крутыши (Папаша у нее был каким-то крутышом в городской милиции... Д. Рубина, Медная шкатулка, 2011–2015); крутышка (Я и его две дочери <...> были самые крутышки в поселке, ведь у нас была не просто редкая Барби, а япоонская. Настя. Изобретательная, 2022), крутышечный (пойду поищу крутышечные стразики. Свадебное платье, 2019); сасненький (адопт сасненький. Чат для художников, 2021), саснуть 'сделать что-то достойное восхищения' (Саснул чел. Rozetked Discuss, 2021); засасить 'приукрасить' (в спонтанной речи: *Надо же как тебя засасили!*); имбовый (девушки ваще имбовые, имбовые панчи — примеры из Чата для художников, 2022), имбово (Да это слишком уж имбово будет. Rozetked Discuss, 2020), имбайбер 'супергерой' (есть несколько вещей способных заставить начинающего имбайбера бросить это гиблое дело. VK, 2016); известен в геймерском жаргоне глагол поимбить 'использовать что-то имбовое для победы' (поимбил всех на уровне с новым оружием. VK, 2013); используется *имба* и как префиксоид: *имба-меди-ган*, от англ. *medigun* < *medical* + *gun* 'лечебное оружие' (Vb, 2013), ср. *супермедиган*.*

Особый интерес представляют образованные от обсуждаемых сленгизмов степени сравнения: простая сравнительная (*кульнее, саснее, имбовее*) и аналоги составной превосходной, образуемые с помощью редупликации: *сасно-сасно, имба-имбучая*, дублирования синонимом: *красиво и сасно; сасно-прекрасно; имба, просто прекрасно*, а также разного рода интенсификаторов: *мегакульно, супер имба; очень сасно, как (же) сасно, уауауау сасно; боже какая имба, рил имба, настоящая имба, прям имба, имба ваще, лютая имба, имба, до которой как до луны и др.* Заметим, что только один из маркеров,

имба, может и сам превращаться в интенсификатор оценки: *Имба рад что тебе понравилось* (Чат для художников, 2022), ср. *очень рад*.

Что касается синтаксических ролей рассматриваемых сленгизмов, то органичнее всего для них позиции предикатива: *это дорого... но круто; кот из огурца — имба; эт кульно; о, сасно!* (примеры из чатов); обстоятельства образа действия: *круто наблюдать, выглядит сасно*, именного сказуемого: *Майор Гром имба* или *Проц<ессор> имба* (Rozetrd Discuss, 2022); однокоренные прилагательные закономерно употребляются в роли определений: *крутой диджей, кульный трек, сасная музыка, имбовая штука*.

Семантические и прагматические оттенки оценочных значений

Если взять за точку отсчета шкалы оценки стереотипное *хорошо*, то *круто* ‘отлично, прекрасно’ представляет первую ступень интенсификации, как и нейтрально-одобрительное *кульно* ‘отлично, замечательно’ — оба указывают на отклонение от нормы; *сасно* ‘красиво, привлекательно’ демонстрирует сдвиг в сторону аффективности, эмоциональности оценки «дразнящей красоты»; *имба* на этой шкале — маркер абсолютного превосходства, это не «хорошо», «отлично» или «привлекательно», а «сногшибательно здорово». Итак, смена сленговых маркеров положительной оценки идет по пути ее интенсификации.

Диагностически интересно распределение в 2010–2020-е гг. объектов оценки, определяющих тот или иной ее тип.

Круто — оценочный «универсал». Типичные объекты эмоциональной оценки, гедонистической «приятно, вызывает удовольствие» и психологической «вызывает восхищение, гордость», — это события, впечатления (*будет круто, круто потусили*), эстетические объекты (*красиво, стильно и круто*) и деятельность (*круто получается*). Типичные объекты рациональной, телеологической оценки «эффективно, результативно» — результаты деятельности (*круто прокачать*) и личностные качества (*крутой специалист, крутыш*).

Кульно — аксиологический аналог *круто*. Выражает гедонистическую оценку музыки (*кульные треки*), мероприятий (*кульный кофе-брейк*), ситуации (*кульно веселимся*), временные отрезки (*кульное лето*), телеологическую оценку устройств (*кульные термометры*).

Сасно — маркер узкой эстетико-гедонистической семантики. Эстетической оценки «красивый, привлекательный, милый» удостаиваются люди и их внешность (*сасный мужик*), персонажи и мастера (*сасные персонажи, сасная художница*), стиль (*сасный стиль, выглядит сасно*), предметы интерьера (*сасное зеркало*), гедонистической «вызывает удовольствие, нравится» — сенсорно воспринимаемое (*сасный голос, сасная музыка*), собственная деятельность (*я так сасно рисовала год назад*). Практически отсутствуют, но все же встречаются рационалистические (утилитарные, телеологические) оценки гаджетов (*быстрый, удобный, красивый, сасный*).

Имба — маркер рационального превосходства, а не чувственного наслаждения, сохраняющий первоначальную игровую семантику (*imbalanced* → ‘сверхсильный, нарушающий баланс в пользу эффективности’). В его семантике преобладают рациональные оценки — утилитарная «полезный, выгодный, качественный» в отношении материалов (для холстов имба), магазинов и услуг (перекресток и пятерочка имба), еды и напитков (курники имба, яблочный сок имба), телеологическая «эффективный, дающий преимущество» в отношении игровых элементов (сайно имба, имбовый персонаж), техники и гаджетов (камера имба, режим астрофотографии имба вещь), идей (имба идея). Эмоциональные, гедонистические и психологические оценки периферийны, если и встречаются, то в ироничном модусе (имбовая бабуля из электрички). Эстетические оценки единичны (оттенок красного имбовый).

Согласно Е.М. Вольф, оценочный предикат включает «эмотивность» и «аффектность» (Вольф, 1985: 37–46). Для *сасно* аффектность максимальна («милота», эстетическое наслаждение), для *имбы* — минимальна (рациональное вычисление пользы). *Круто* занимает срединное положение, приближаясь к сленговой оценочной «норме».

Таким образом, конкуренция маркеров объясняется не только сменой моды, но и функционально-семантической дифференциацией: новейшие заимствования (*сасно*, *имба*) занимают ниши, которые *круто* покрывало слишком широко и недифференцированно. *Кульно*, видимо, проигрывает конкуренцию именно из-за отсутствия собственной семантической ниши.

Конкуренция и смена поколений положительно-оценочных сленгизмов

Хронология пиков, насколько ее можно реконструировать по косвенным данным (словарные фиксации, мемуарные свидетельства, частотность в разновременных корпусах), выглядит следующим образом:

1990-е – начало 2000-х гг.: абсолютное доминирование *кульно*, зафиксированного в словарях сленга как актуальная единица;

2000-е – 2010-е гг.: *круто*, пройдя к этому моменту путь от криминального и фарцовочного жаргона до универсальной оценки, начинает активно вытеснять *кульно*;

2013–2015 гг.: *сасно* фиксируется в фан-сообществах и постепенно набирает частотность, особенно в технологических, художественных и эстетически ориентированных чатах; параллельно в игровой среде появляется *имба*;

середина 2010-х гг. — настоящее время: *имба* достигает пика, переходя из геймерских чатов в общий жаргон молодежной коммуникации, *сасно* с этим сленгизмом конкурирует — за счет дифференциации сфер оценки; *кульно* уходит в пассив, *круто* теряет частоту употреблений в сленге.

Смена поколений оценочного сленга обусловлена несколькими факторами: устареванием культурного кода; сменой субкультурного источника (1990-е: массовая поп-культура → 2010-е: фан-сообщества → 2020-е: геймерская субкультура); потребностью в семантической дифференциации.

В некоторых контекстах маркеры могут быть взаимозаменяемы. Например, *это просто имба / круто / сасно* допустимо при оценке удачного рисунка, с прагматическими акцентами, соответственно: на техническом мастерстве, детализации, «мощи»; общей «положительности» без конкретики; эстетическом удовольствии, «милоте». Контексты «невзаимозаменяемости» более показательны: *выглядит сасно* ≠ *выглядит имбово* (внешность редко оценивают по шкале «эффективности»); *гаджет имба*, но не **гаджет сасный* (техническая характеристика не относится к эстетической сфере). Таким образом, победа одного маркера над другим возможна лишь в тех зонах, где их семантики пересекаются (в основном, в зоне общей гедонистической оценки).

В стилистической иерархии слов положительной оценки различаются нейтральные *хорошо, прекрасно, замечательно, отлично*, нейтрально-разговорное *здорово*, разговорно-сниженные *классно, клево, круто*, к которым добавляются как экспрессивные синонимы менее освоенные *кульно, сасно, имба*.

На основе анализа частотности, сочетаемости и восприятия носителями языка можно заключить, что *круто* окончательно перешло из сленга в разговорный регистр устной речи, публицистики, рекламы, не вызывая ощущения «жаргонности»; *имба*, расширяя сочетаемость и снижая субкультурную маркированность, в ближайшие 5–10 лет может занять ту же нишу, что и *круто*, сохраняя оттенок «превосходства по эффективности»; *сасно* пока сохраняет узкую сферу употребления (в интернет-сообществах художников и фандомов), однако игровая форма *сасно-прекрасно* демонстрирует потенциал для иронического расширения; *кульно* архаизируется; сохраняясь как маркер «ностальгии по 1990-м».

Заключение

Полученные данные подтверждают гипотезу о компенсаторной динамике конкуренции новых оценочных сленгизмов, об их дифференциации — не только в плане интенсивности выражения оценки, но и в плане стилистической приемлемости, о прохождении ими определенного жизненного цикла, заканчивающееся либо уходом в пассив, либо повышением стилевого регистра до разговорного, после чего на смену приходит следующее заимствование или неологизм с более яркой внутренней формой и узкой референцией.

В перспективе возможны лонгитюдное наблюдение за частотностью и сочетаемостью проанализированных маркеров, экспериментальные исследования их восприятия разными возрастными и социальными группами, сравнение с отрицательными (*заиквар, кринж, треш* и др.) и амбивалентными (*жесть*) сленгизмами 2020-х гг.

Список литературы

Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка : проспект. М. : Русские словари, 1995. 558 с.

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт : монография. М. : Наука, 1988. 341 с. EDN: YKBSRJ
- Буряк Н.Ю. Игровой сленг как новая форма коммуникации в современном мире // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-6 (92). С. 21–23. <http://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-5-6-21-23> EDN: KJXVLU
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
- Воркачев С.Г. Себе и вполне себе: семантика, прагматика, функции // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 33–48. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48>. EDN: ZCCNSS
- Воронцова Ю.А., Алдухов А.Ю. Лексика геймеров в английском и русском языках // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 83–91. EDN: LPTVUP
- Генералова Е.В. Медиатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 2. С. 180–192. <http://doi.org/10.21638/spbu22.2021.207> EDN: FNHHVK
- Загидуллина М.В., Киклевич А.К. Некоторые аспекты демократизации языка современных российских СМИ // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 401–418. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-401-418> EDN: OUYYN0
- Лукашевич Н.В., Левчик А.В. Создание лексикона оценочных слов русского языка РусСен-тиЛекс // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем (OSTIS-2016) : материалы VI Междунар. науч.-техн. конф. Минск : БГУИР, 2016. С. 377–382. EDN: ZIGLGN
- Михеева Л.Н., Долинина Л.Н., Здорикова Ю.Н. Лингвокультурная ситуация в современной России: речевая культура студенчества : монография. М. : ФЛИНТА, 2022. 216 с. EDN: TBKBFN
- Орлова Н.О., Богданова О.Ю. Функциональное назначение сленга (на материале русских и американских сленгизмов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 6. С. 98–104. <http://doi.org/10.37482/2687-1505-V146> EDN: KDEEUX
- Погорелова С.Д., Яковлева А.С. Структура оценочной ситуации и ее компоненты // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 3 (399). С. 98–103. EDN: YSELUR
- Попова В.А. Слова в сетях массмедиа // Медиалингвистика. 2017. № 1 (16). С. 111–122. EDN: YHCWYF
- Романова И.В., Коннова О.В., Глазкова А.В. Влияние социальных сетей на язык и коммуникацию // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 3 (51). С. 210–216. <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.51.20> EDN: QSDIHJ
- Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М. : Наука, 1981. 269 с.
- Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 143 с.
- Тихонова М.А. Аксиология в контексте лексикографии: модель «Словаря оценочной лексики русского языка» : дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 200 с. EDN: YUGIDE
- Ухова П.С. Оценочный потенциал лексических единиц молодежного сленга // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 4. С. 180–184. EDN: RHXWZR
- Цветова Н.С. Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 3. С. 280–292. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.301> EDN: ZYWQPF
- Цибизова О.В., Галанкина И.И. Англицизмы в молодежном сленге 2020–2021 гг.: опыт описания и анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 684–698. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698> EDN: OJQAGG

- Черниченко Е.Н. Роль социальных медиа в трансформации языка // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 7 (43). С. 98–104. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.31> EDN: FWJAYZ
- Jakic A., Wagner M.O., Meyer A. The impact of language style accommodation during social media interactions on brand trust // *Journal of Service Management*. 2017. Vol. 28. № 3. Pp. 418–441. <https://doi.org/10.1108/JOSM-12-2016-0325>
- Khaibulova M., Kozina A. Gaming slang: The influence of video games on the Russian language // *Technology and Language*. 2023. Vol. 4. № 1. Pp. 60–74. <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.01.05> EDN: KEWWCI

Сведения об авторе:

Северская Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2. Сфера научных интересов: корпусная лингвистика, медиалингвистика, культура речи, современный русский язык, поэтика. ORCID: 0000-0002-6277-9756. AuthorID: 431616. SPIN-код: 7991-2559. E-mail: oseverskaya@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-408-422

EDN: DEETUT

Research article

Slang markers with positive evaluation: the dynamics of competition

Olga I. Severskaya

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ oseverskaya@yandex.ru

Abstract. The research studies the renewal of evaluative vocabulary with slangisms spreading in the digital environment and for the first time provides a systematic description of new frequent markers of positive evaluation (*имба* (from *imbalanced* ‘the best’, *кульно* (from *cool*), *сасно* ‘attractively’). The aim of the study is to identify the mechanisms of grammatical, semantic, pragmatic, and stylistic adoption and competition of new markers of positive evaluation among themselves and with the original *круто* ‘cool’. The study material included data from the Russian National Corpus, examples from spontaneous speech and online communication, media metric studies, and slang dictionary entries. The material was processed with corpus methods of content analysis and discourse and semantic analysis. The research established that the slang units undergo a full cycle of grammatical adaptation and are semantically differentiated by emotional (aesthetic, hedonistic, and psychological) and rational (utilitarian and teleological) evaluations; reaching the peak in frequency, they lose expressiveness and elevate their stylistic register to the colloquial norm. We show that the competition between slang markers of positive evaluation is functional and semantic and is not driven solely by speech fashion, shifts in cultural codes, and subcultural sources of borrowing. For the first time,

slang units are examined systematically; their word-formation potential and specialization by types of evaluation are analyzed; a dynamic model of generation change in evaluative slang is proposed. The author concludes that the renewal of evaluative vocabulary is subject to compensatory dynamics: new borrowings fill the niches after the previous markers lose their expressiveness. The prospects for the study are in analyzing their perception by people of different ages and social groups and in comparison with the negative evaluative and ambivalent slangisms of the 2020s.

Keywords: evaluative vocabulary, evaluativeness, neology, borrowings, slang, slangism, social media, synonymous competition

Conflict of interest. The author has no conflict of interest to declare.

Article history: received 29.01.2026; accepted 24.04.2026.

For citation: Severskaya, O. I. (2026). Slang markers with positive evaluation: the dynamics of competition. *Russian Language Studies*, 24(3), 408–422. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-408-422> EDN: DEETUT

References

- Apresyan, Ju. D., Boguslavskaya, O. Ju., Levontina, I. B., & Uryson, E. V. (1995). *New explanatory dictionary of Russian synonyms*. Moscow: Russkie slovari Publ. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1988). *Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.). EDN: YKBSRJ
- Buryak, N. Ju. (2024). Gaming slang as a new form of communication in the modern world. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, (5-6), 21–23. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-5-6-21-23> EDN: KJXVLU
- Chernichenko, E. N. (2023). The role of social media in the transformation of language. *Russian Linguistic Bulletin*, (7), 98–104 (In Russ.). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.31> EDN: FWJAYZ
- Generalova, E. V. (2021). Media text as a reflection of dynamic chronological changes in vocabulary and phraseology. *Media Linguistics*, 8(2), 180–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.207> EDN: FNHHVK
- Jakic, A., Wagner, M. O., & Meyer, A. (2017). The impact of language style accommodation during social media interactions on brand trust. *Journal of Service Management*, 28(3), 418–441. <https://doi.org/10.1108/JOSM-12-2016-0325>
- Khaibullova, M., & Kozina, A. (2023). Gaming slang: The influence of video games on the Russian language. *Technology and Language*, 4(1), 60–74, <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.01.05>
- Loukachevitch, N. V., & Levchik, A. V. (2016). Creation of the Russian sentiment lexicon RusSentilex. In: *Open Semantic Technologies for Designing Intelligent Systems (OSTIS-2016): Proceedings of the VI International Scientific and Technical Conference* (pp. 377–382). Minsk: BGUIR Publ. (In Russ.). EDN: ZIGLGN
- Miheeva, L. N., Dolinina, L. N., & Zdorikova, Ju. N. (2022). *Linguistic and cultural situation in modern Russia: speech culture of students*. Moscow: FLINTA Publ. (In Russ.). EDN: TBKBFN
- Orlova, N. O., & Bogdanova, O. Ju. (2021). The functional purpose of slang (based on Russian and American slangisms). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 21(6), 98–104. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V146> EDN: KDEEUX
- Pogorelova, S. D., & Jakovleva, A. S. (2017). The structure of evaluation situation and its components. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (3), 98–103. (In Russ.). EDN: YSELUR

- Popova, V. A. (2017). Words in mass media webs. *Media Linguistics*, (1), 111–122. (In Russ.). EDN: YHCWYF
- Romanova, I. V., Konnova, O. V., & Glazkova, A. V. (2024). The impact of social media on language and communication. *Russian Linguistic Bulletin*, (3), 210–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.51.20> EDN: QSDIHJ
- Telia, V. N. (1981). *Types of linguistic meanings. Bound meaning of the word in language*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1986). *The connotative aspect of the semantics of nominative units*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
- Tikhonova, M. A. (2016). *Axiology in the context of lexicography: The model of the “Russian language evaluation vocabulary dictionary”*. [Author’s cand. philol. diss.] Moscow. (In Russ.) EDN: YUGIDE
- Tsibizova, O. V., & Galankina, I. I. (2021). Loan words from English in youth slang 2020–2021: Evidence of description and analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 684–698. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698> EDN: OJQAGG
- Tsvetova, N. S. (2020). Criticism of media language as a vector of development of media linguistics. *Media Linguistics*, 7(3), 280–292. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.301> EDN: ZYWQPF
- Ukhova, P. S. (2014). Estimating potential of lexical units of the youth slang. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1(4), 180–184. (In Russ.). EDN: RHXWZR
- Vorkachev, S. G. (2023). Sebe and vpolne sebe: Semantics, pragmatics, functions. *Russian Language Studies*, 21(1), 33–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48> EDN: ZCCNSS
- Vorontsova, Ju. A., & Aldukhov, A. Ju. (2023). Gamers’ vocabulary in English and Russian. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 9(2), 83–91. (In Russ.). EDN: LPTVUP
- Wolf, E. M. (1985). *Functional semantics of evaluation*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
- Zagidullina, M. V., & Kiklewicz, A. K. (2021). Some aspects of the Russian language democratization in modern media. *Russian Language Studies*, 19(4), 401–418. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-401-418> EDN: FNHHVK

Bio note:

Olga I. Severskaya, PhD in Philology, Leading Researcher, Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 18 Volkhonka St., bldg. 2, Moscow, 119019, Russian Federation. *Research interests*: corpus linguistics, media linguistics, speech culture, modern Russian language, poetics. ORCID: 0000-0002-6277-9756. AuthorID: 431616. SPIN-code: 7991-2559. E-mail: oseverskaya@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-423-438

EDN: DFIDMW

Научная статья

Исторические чередования согласных в парадигмах русских глаголов-неологизмов

И.В. Фуфаева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация
✉ iriel@inbox.ru

Аннотация. Исторические чередования согласных в русской глагольной парадигме (типа *пустить* – *пущу*) утратили фонетическую мотивировку, что делает актуальным изучение их продуктивности при освоении новых слов. В условиях активного пополнения лексики исследование того, как носители языка образуют формы 1-го лица ед. числа от новых глаголов, позволяет оценить динамику грамматической системы. Цель исследования — выяснить, сохраняют ли носители русского языка исторические чередования в парадигмах новых глаголов II спряжения, а также выявить стратегии формообразования в зоне грамматической неопределенности. Материалом послужил 21 новый глагол (неологизмы и жаргонизмы) с основами на *м'*, *в'*, *н'*, *ф'*, *т'*, *с'*, *ст'*, *д'*. Проведен стимульный опрос 311 респондентов в Google Forms по поводу формы 1-го л. ед. ч. с последующей ручной обработкой и кодификацией ответов, включая разделение фонетического и графического аспектов чередования. В результате была установлена иерархия устойчивости чередований: максимальна у глаголов на губной (*спамлю* — 99 %), минимальна у основ на *-с'* (*флекишу* всего 30 % ответов). В рамках одного типа чередований на их продуктивность при образовании формы 1 л. ед. ч. влияют частотность и знакомость (идентифицируется по комментариям респондентов) глагола. Зафиксированы высокочастотные формы без чередования, окказионализмы (напр., *френдлю*, *форицу*), использование при затруднении формы однокоренного глагола, в парадигме которого нет чередований (*хайпую* вместо *хайплю* от *хайпить*), отказы от образования, перифразы. Обнаружено расхождение между устной и письменной нормой: носители сохраняют чередование фонетически, но графически унифицируют основу (*посчу* вместо *пощу*). Сделано заключение, что исторические чередования в новых глаголах демонстрируют снижение продуктивности и конкурируют с моделями аналогического выравнивания парадигмы, реморфологизации маркеров 1-го л. и деривационного замещения. Процесс детерминирован типом основы и частотностью глагола, а в рамках письменной формы конфликтом фонетического чутья с графическим аналитизмом.

Ключевые слова: неология, грамматические неологизмы, грамматическая адаптация, глагольные словоформы, окказионализмы, морфонологические чередования, окказиональные словоформы, аналогическое выравнивание, парадигматическое выравнивание, грамматическая вариативность

© Фуфаева И.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-031).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 28.01.2026; принята к печати 18.05.2026.

Для цитирования: Фуфаева И.В. Исторические чередования согласных в парадигмах русских глаголов-неологизмов // Русистика. 2026. Т. 24. № 3. С. 423–438. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-423-438> EDN: DFIDMW

Введение

Исследование посвящено сохранности в формах новых глаголов исторических (праславянских) чередований согласных, так называемых «стандартных чередований» (Зализняк, 1977), с которыми во II спряжении образуются формы 1 л. ед. ч. и страдательного причастия прош. вр.: *пустить* – *пущу*, *пущенный*, а у части глаголов I спряжения все личные формы, действительные причастия и деепричастия наст. вр.: *искать* – *ищу*, *ищешь*, *ищете*, *ищи* и пр., *ищущий*, *ища*.

В современной письменной речи формы *постю*, *комментю* встречаются наряду с *пощу*, *комменчу*. С. Янурик обращает внимание на фиксацию в словарях молодежного сленга форм без чередования *чатюсь* (Никитина, 2013), *бютю* (Грачев, 2006) и вытеснение в лексикографии формы с чередованием *чачусь* формой без чередования *чатюсь*. Приводя примеры из узуса с чередованием и без, он заключает, что этот вопрос остается «открытым» для новых глаголов с основой на *-д-* и *-т-* (Янурик, 2024).

В «Справочнике по правописанию, произношению, литературному редактированию» практическое отсутствие форм 1 л. ед. ч. некоторых редких глаголов: *башу* (от *басить*), *галжу* (от *галдеть*), *гвозжу* (от *гвоздить*), *дужу* (от *дудеть*), *ерунжу* (от *ерундить*), *пылесощу* (от *пылесосить*), *сосежу* (от *соседить*), *шкожу* (от *шкодить*) — объясняется необычностью звучания (Розенталь, Джанджакова, Кабанова, 1999: 318). Однако корректнее говорить о проблеме чередований. Так, для глагола *пылесосить* (по данным Национального корпуса русского языка, далее НКРЯ, с 1966 г.) в основном корпусе НКРЯ встретилось по 2 вхождения формы *пылесощу* и *пылесосю* (при 109 вхождениях всех форм).

Показательно употребление пользовательницей форума LittleOne.ru формы *тущу* с нестандартным чередованием с'/щ: «я до сих пор не тущу вне дома». Форма вызвала замешательство других участниц, автор пояснила: «Я имела ввиду слово тусю»¹. Диалог демонстрирует, что для носителей языка образование формы 1-го лица от глагола *тусить* не является автоматическим и вызывает фонетическую неопределенность (*тущу* vs *тусю*).

Используя поисковую систему Яндекс, Н.А. Слюсарь и М.А. Холодилова обнаружили не только формы с чередованиями и без них с разным соотношением обоих вариантов для разных типов глагольных основ, но и нестандартные чередования, например, для глагола *зафрендить*: «Следующие

¹ Форум LittleOne.ru. URL: <https://forum.littleone.ru/showthread.php?t=8483244&page=9701> (дата обращения: 08.08.2026).

формы 1 лица единственного числа этого глагола были обнаружены в интернете: зафренжу со стандартным чередованием д/ж, зафренжду с чередованием д/жд, исходно пришедшим из старославянского, зафрендю, не имеющим чередования, и несколькими вариантами с чередованиями, не засвидетельствованными в стандартном русском языке. Среди них зафрендлю, зафренджу, зафренчу, зафрендчу, зафрендшу и зафрендшу»² (Sliousar, Kholodilova, 2013: 246). Для нестандартного формообразования в литературе иногда используется термин «окказионализм», например, в тексте: «Морфологические окказионализмы — это индивидуально-авторские формы слов, которые являются собой нарушение современной грамматической формы» (Веккесер, Мамаева, Шмультская, 2021), в названии статьи: «Грамматические окказионализмы в русской поэзии второй половины XX – начала XXI в.» (Козинец, 2023) и т.д.; в нашем исследовании применяется термин «окказиональные формы».

Факторы, определяющие стабильность или изменение глагольной парадигмы, остаются одним из центральных вопросов морфологической теории, см. напр. (Focke, 2024). В фокусе нашего исследования находится один из срезов этой проблемы.

Цель исследования — на материале новых глаголов выяснить, продолжают ли носители языка ощущать исторические чередования неотъемлемой частью глагольных парадигм, а также выявить стратегии формообразования в условиях грамматической неопределенности.

Методы и материалы

Материалом стали новые глаголы с финалями основы, предполагающими чередование. Основой выборки послужил телеграм-чат Rozetked Discuss с более чем 23 тыс. участников. Использовался метод стимульного эксперимента, позволяющий выявить спектр потенциальных стратегий, зафиксировать отказы от образования формы и перифрастические замены, получить метаязыковую рефлекссию носителей, т.е. исследовать не только готовые формы, но и процесс формообразования в условиях грамматической неопределенности, что важно для изучения динамики системы.

В ходе отбора обнаружилось, что все неологизмы с типами основ, предполагающими чередование, относятся ко II спряжению, в котором чередования в парадигме личных форм возникли в 1 л. ед. ч. под влиянием соседнего *j* (йотации). Поэтому изучалась сохранность чередований в этой форме (чередования: м'/мл', п'/пл', в'/вл', ф'/фл', с'/ш', ст'/щ, т'/ч, д'/ж).

Стимульный материал включал 21 новый глагол II спряжения с 5 типами чередований³:

1) губной согласный⁴ / губной + -л- (7 глаголов: *спамить*, *соскуфиться*, *шеймить*, *факапить*, *хайпить*, *аппрувить*, *фолловить*);

² Перевод с английского.

³ Глаголы совершенного вида включены в опрос наравне с глаголами несовершенного вида, поскольку чередование согласных в форме 1 л. ед. ч. не зависит от вида и проявляется одинаково в настоящем и будущем времени.

⁴ В т.ч. губно-губные и губно-зубные.

- 2) т' / ч' (7 глаголов: *донатить, хейтить, мьютить, комментить, газлайтить, репортировать, твитить*);
 3) с'т' / щ' (3 глагола: *постить, копипастить, бустить*);
 4) с' / ш' (3 глагола: *форсить, флексить, пофиксить*);
 5) д' / ж (1 глагол: *френдить*).

Респонденты ($N = 311$) получили инструкцию «Пожалуйста, образуйте от предложенных глаголов — неологизмов и жаргонизмов — форму первого лица, как в парах *он включит – я включаю, он гулит – я гулю и т.п.*». Далее следовал 21 идентично сформулированный пункт, содержащий стимул в форме 3 л. ед. ч. (напр., «*Он донатит, я...*»). Задачей респондента была подстановка требуемой формы. Полные результаты опроса доступны по адресу: Fufaeva, I. (2026). Survey data and systematized results on first-person forms of Russian neologism verbs [Dataset]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.21859461>

Фактор (не)знакомства с глаголами как особенность исследовательского дизайна. Особенностью исследования является варьирующаяся степень знакомства респондентов с предложенными глаголами, относящимися к разным пластам языка: от общего интернет-жаргона (*постить, спамить*) до молодежного сленга (*факапить, копипастить*) и психологического дискурса (*газлайтить, шеймить*).

В контексте исследования низкая известность и частотность стимулов являются методическим преимуществом. При изучении грамматических форм, а не семантики, незнакомое слово выступает в роли «чистого» стимула, вынуждающего не воспроизводить готовую форму, а конструировать ее на основе внутренних грамматических правил, интуитивных представлений о грамматике. Затруднения, вариативность, окказиональное творчество форм, вызванные низкой известностью стимула, являются индикатором неполной продуктивности моделей словоизменения. Максимально продуктивные модели должны автоматически применяться и к незнакомой основе.

Для учета ответов с несколькими вариантами использовался метод дробных весов. Для учета фонетически традиционных форм в нестандартном написании по аналогии с остальной глагольной парадигмой (*посчу, комментчу*) был разработан метод ретроспективного орфоэпического анализа.

Результаты

Эмпирически подтверждено снижение продуктивности исторических чередований согласных у новых глаголов (рис. 1). Экспериментальные данные показали комплекс признаков этого снижения продуктивности: прямое образование форм без чередования (рис. 2), метаязыковую неуверенность носителей, активное окказиональное творчество.

Определены факторы, детерминирующие степень сохранности чередований, включая ключевой фактор — фонетический тип финали основы. Установлена нисходящая шкала устойчивости чередований: от максимальной у глаголов на губные (*спамлю* — 99 %) до минимальной у основ на -с' - (*флекшу* — всего 30 %). Другим важным фактором является частотность и знако-

мость глагола. Обнаружен самостоятельный фактор эрозии традиционной нормы на письме: орфографическое выравнивание парадигмы. Часть носителей языка сохраняет чередование фонетически, но графически унифицирует основу (*посчу* вместо *пощу*, *донатчу* вместо *доначу*). Расхождение между фонетической и графической сохранностью традиционных форм количественно измерено с помощью разработанного метода ретроспективного орфоэпического анализа.

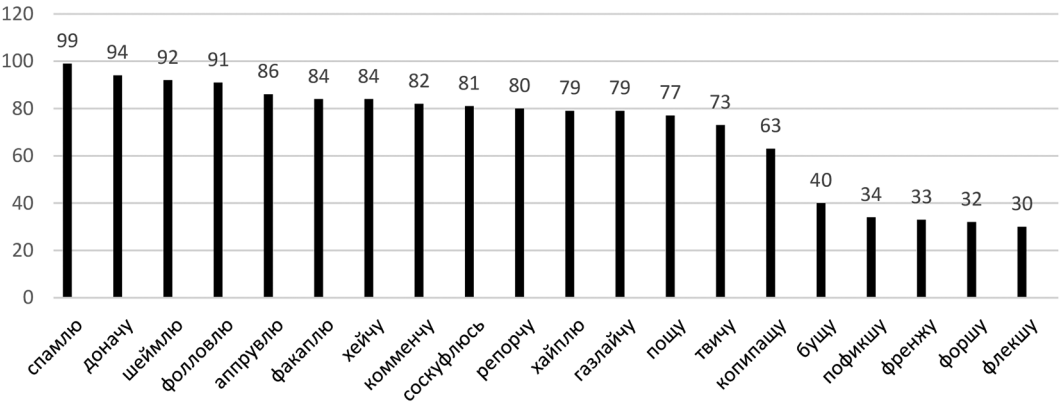

Рис. 1. Частотность образованных респондентами традиционных форм 1 л. ед. ч. с историческими чередованиями без учета графической вариативности (т.е. нетрадиционной записи традиционной формы, например, [пощу] в виде посчу, постчу, пошщу и пр. с графическим выравниванием основы) у новых глаголов, %
Источник: составлено И.В. Фуфаевой по результатам анализа опроса.

Fig. 1. Frequency of traditional forms of the first person singular formed by respondents with historical alternations without taking into account graphic variability (i.e. non-traditional recording of the traditional form, for example, [poshchu] in the form poschu, postchu, posshchu, etc. with graphic alignment of the base) for new verbs, %
Source: compiled by I.V. Fufaeva based on the results of the survey analysis.

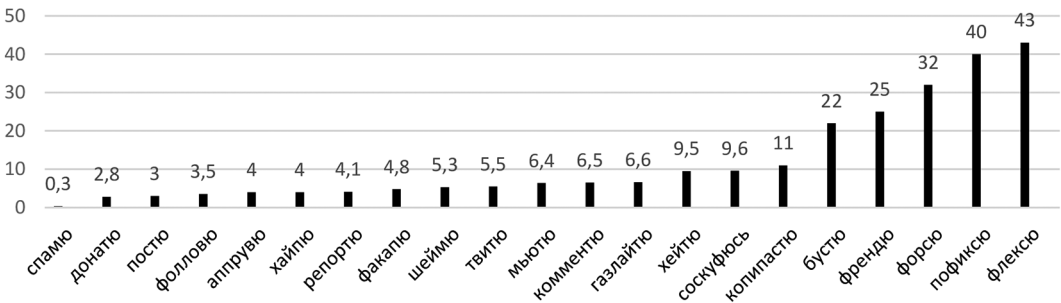

Рис. 2. Частотность образованных респондентами форм 1 л. ед. ч. без чередований у новых глаголов, %
Источник: составлено И.В. Фуфаевой по результатам анализа опроса.

Fig. 2. Frequency of forms 1Sg without alternations for new verbs formed by respondents, %
Source: compiled by I.V. Fufaeva based on the results of the survey analysis.

Систематизированы стратегии речевого поведения носителей в ситуации грамматической неопределенности. Показано, что многообразие окказиональных форм укладывается в ограниченный набор стратегий, демонстриру-

ющих стремление языкового сознания к регуляризации и сохранению тождества глагольной основы: аналогическое выравнивание парадигмы, ре-морфологизация маркеров 1-го лица, деривационное замещение, графическое выравнивание.

Результаты исследования имеют значение для теории исторической морфологии, грамматической вариативности и динамики глагольной парадигмы, а также для методики описания неологизмов и интернет-жаргона.

Обсуждение

Обработка и кодификация данных

Стратегии респондентов оказались разнообразными и выходили за рамки выбора из двух форм: традиционной с историческим чередованием и формы без чередования. Для их учета использовалась кодификация:

- традиционная форма (с историческим чередованием);
- форма без чередования;
- окказиональная форма (не совпадающая с обеими опциями);
- отказ от образования, включая перифраз (описательный оборот: «*делаю пост*», «*занимаюсь газлайтингом*», «*делаю факап*», «*кидаю спам*»);
- метаязыковой комментарий («не знаю», «?», «вообще неестественно звучит, но по-другому никак», «Слышала в будущем времени: *аппрувну*. В настоящем, наверное, будет „*аппрувлю*“», и пр.);
- ответы с несколькими вариантами (например, «*Постю / пощю*», «Не носитель этого глагола. Как будто и *френдлю*, и *френдю* норм»).

Для целых групп глаголов существенная часть ответов была представлена традиционными формами в окказиональном написании, позволявшем респондентам лучше сохранять графическое единство парадигмы (*постит* – *пощу*, *комментит* – *комментчу*). Такие явления требуют внимания в условиях радикального повышения доли спонтанной письменной речи в цифровую эпоху (Занадворова, 2024; Кронгауз, 2013; Зализняк, Микаэлян, 2006; Литневская, 2011) и типологии орфографических ошибок в русскоязычном интернет-корпусе как важного направления исследований, активно развивающегося в 2020-е гг. (Хохлова, 2022; Слюсарь, Гурков, Чернова, 2022). Разработанный для реконструкции фонетического облика метод ретроспективного орфоэпического анализа позволил определить звучание записанных форм и количественно измерить расхождение между устной и письменной нормой, выделить пласт фонетически традиционных, но графически окказиональных форм. На основе правил русской орфоэпии и фонетики (Вербицкая, 1993) выявлены буквосочетания, репрезентирующие традиционные чередования на фонетическом уровне.

1. Тип *ст* /*щ* (*постить*). К фонетически традиционным отнесены формы с буквосочетаниями *сч* (*пощу*), *сищ* (*бощу*), *стищ* (*пощу*). В соответствии с нормами произношения они реализуются как [ш':]. Эту интерпретацию подтверждают комментарии респондентов (орфография сохранена): «*пощу*

(*пощу*)», «*произносится как «пощю»*», «*бусчу** [*бущу*]», «*скорее всего С и Ч сливаются в Щ*», «*произносится через Щ*» (к форме *копипасчу*).

Формы с буквосочетаниями, не поддающимися трактовке как [ш':] (*стч*, *сти*, *тиц*, *ич*), не включали в число «фонетически традиционных» и учитывали как окказиональные, но отражающие шипящие звуки, т.е. чередования, близкие к историческим.

2. Тип *т' / ч* (*донатить*). Включались формы с буквосочетаниями *тч* (*донатчу*), *тиц* (*коменцичу*), из-за ассимиляции реализующимися как долгий мягкий [ч':]. Форма *комментчу* полностью совпадает с *коменчу*, так как в сочетаниях (*н*)*тч* звук [т] выпадает, и оно произносится как [нч'] (Кедрова и др., 2001).

Для глаголов с выявленными «фонетически традиционными» окказионализмами итоговые подсчеты проводили дважды:

1) для анализа устной речи фонетически одинаковые формы типа *посчу* и *пощу* объединяли в одну категорию;

2) для анализа письменной практики эти же формы учитывали отдельно.

Это позволило проанализировать отдельно фонетическое упрощение и орфографическое выравнивание, учесть графическую мотивацию, сближающую форму 1 л. ед. ч. с остальной парадигмой.

Десятки респондентов дали ответы с несколькими вариантами. Для избежания двойного счета этих респондентов применяли дробные веса: ответ «*шеймлю/шеймю*» (2 варианта) засчитывали как +0,5 к количеству ответов *шеймлю* и +0,5 к количеству ответов *шеймю*, а ответ «*коммен(т)чу / комментю*» (3 варианта) — как + $\approx 0,33$ к количеству каждого из вариантов: *комменчу*, *комментчу* и *комментю*. Получение нецелых значений частот ответов является стандартной практикой в статистической обработке лингвистических данных.

Для разграничения окказиональных форм и ошибок / опечаток в случае сомнения форма трактовали как окказиональную, а не ошибочную, особенно при повторяемости (например, *форциу* — 66 случаев). Этот консервативный подход минимизирует риск исключения из анализа ценных проявлений языкового поиска.

Специфика спонтанной письменной речи, близости клавиш на QWERTY-клавиатуре приводит к опечаткам типа *шкймлю* вместо *шеймлю*, *апппувлю* вместо *аппрувлю*; ответы с опечатками, не искажавшими фонетический облик финали формы и поддававшиеся однозначной интерпретации, не исключали из анализа, остальные ответы с опечатками исключали как невалидные.

Подробные количественные результаты для каждого глагола и языковая рефлексия респондентов доступны по адресу: Fufaeva, I. (2026). Survey data and systematized results on first-person forms of Russian neologism verbs [Dataset]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.21859461>

Обобщенные данные результатов опроса по каждому типу чередований (табл.), демонстрируют нисходящую шкалу устойчивости от губных согласных к с'/ш и роль альтернативных стратегий формообразования.

Сводная таблица. Обобщенные данные результатов опроса по типам чередований

Тип чередования	Традиционные формы, % (диапазон)	Формы без чередования, % (диапазон)	Отказы, % (среднее по всему типу)	Основные стратегии окказионального формообразования, %
Губной / губной + -л- т'/ч ⁵	99–79 (от сламлю 99 до хайплю 79) 95–82 (фонет.) / 94–73 (граф.) (от доначу 95/94, до тви(т')чу 83/73)	0,3–9,6 (от сламлю 0,3 до соскуфюсь 9,6) 2,8–9,5 (от донато 2,8 до хейто 9,5)	3,6 (min у сламлит', max у факалит' и аппрувит') 4,9 (min у донатит', max у газлайтит')	– (редкие окказионализмы, < 2 %) Универсализация л: твитлю 3,5. Графическое выравнивание: твитчу 9,6, репортчу 4,5, комментчу 3,8. Мьютчу 3,5
с'т'/щ ⁶	93–57 (фонет.) / 77–63 (граф.) (от [пош'у] 93 / 77 до [буш':у] 57 / 40)	3–22 (от постю 3 до бустю 22)	7,0 (min у копиластит', max у бустит')	Графическое выравнивание: бусчу 13, копиластчу 11, лосчу 8,4
д'/ж	33 (френжу)	25 (френдю)	7,1 (у френдит')	Универсализация л: френдлю 24. Выравнивание парадигмы: френджу 5.
с'/ш	34–30 (от пофикшу 34 до флекшу 30)	32–43 (от форсю 32 до флексю 43)	8,8 (min у флексит' 8,4, max у форсит' 9,3)	Универсализация ч: френдчу 4,5 Универсализация ш: форшу 21, флекшу 14, пофикшу 11

Источник: составлено И.В. Фуфаевой по результатам опроса.

Summary table. Main survey results by alternation type

Alternation type	Traditional forms, % (range)	Forms without alternation, % (range)	Rejections, % (average per type)	Most frequent occasionalisms (example, frequency, %)
Labial / labial + л	99–79 (from <i>slamlju</i> 99 to <i>khaiplju</i> 79)	0.3–9.6 (from <i>slamlju</i> 0.3 to <i>soskufjus'</i> 9.6)	3.6 (min for <i>slamit'</i> , max for <i>fakapit'</i> and <i>appruvit'</i>)	– (rare occasionalisms, < 2%)
t'/ch	95–82 (phonet.) / 94–73 (graph.) (from <i>dona(t)chu</i> 95/94 to <i>twi(t)chu</i> 83/73)	2.8–9.5 (from <i>dona(tju)</i> 2.8 to <i>khejtju</i> 9.5)	4.9 (min for <i>donatit'</i> , max for <i>gazlajitit'</i>)	Generalization of l: <i>twitlju</i> 3.5. Graphic leveling: <i>twitchu</i> 9.6, <i>reportchu</i> 4.5, <i>commentchu</i> 3.8, <i>m'jutchu</i> 3.5
s't'/shch'	93–57 (phonet.) / 77–63 (graph.) (from [pos''us''u] 93/77 to [bus''us''u] 57/40)	3–22 (from <i>postju</i> 3 to <i>bustju</i> 22)	7.0 (min for <i>kopipasit'</i> , max for <i>bustit'</i>)	Graphic leveling: <i>buschu</i> 13, <i>kopipaschu</i> 11, <i>poschu</i> 8.4
d'/zh	33 (<i>frenzhu</i>)	25 (<i>frendju</i>)	7.1 (<i>frendit'</i>)	Generalization of l: <i>frendlju</i> 24. Graphic leveling: <i>frendzhu</i> 5. Generalization of ch': <i>frendchu</i> 4.5
s'/sh	34–30 (from <i>poфикshu</i> 34 to <i>flekshu</i> 30)	32–43 (from <i>forsju</i> 32 to <i>fleksju</i> 43)	8.8 (min for <i>fleksit'</i> 8.4, max for <i>forsit'</i> 9.3)	Generalization of <i>shch'</i> : <i>forschu</i> 21, <i>flekshchu</i> 14, <i>poфикshchu</i> 11

Source: compiled by I.V. Fufaeva based on survey data.

⁵ Для чередований т'/ч и с'т'/щ даны две величины процента частот традиционных форм: в фонетическом аспекте (с учетом нетрадиционной записи традиционных фонетически форм типа *лосчу*) и в графическом аспекте.

⁶ См. сноску 6.

Признаки снижения устойчивости исторических чередований

1. Формы без чередований: от 0,3 % (*спамю*) до 43 % (*флексю*) ответов (см. рис. 2).

2. Метаязыковая неуверенность и рефлексия, например: «*факаплю?*». Образование формы, предполагающей чередование согласных, для многих носителей языка происходит не автоматически, а требует сознательных усилий, что характерно для распадающейся грамматической модели.

3. Отказ от образования формы и перифразирование: «*выкладываю посты*», «*кидаю спам*» и пр.

4. Окаzionaleное формобразование. Часть окаzionaleльных форм высокочастотна: *френдлю* — 77 ответов, *пофикишу* — 34 ответа.

5. Вариативность как индикатор отсутствия узуальной нормы. В 22 ответах содержится две и более формы, как правило, традиционная и форма без чередования: *пофикишу* / *пофиксю*, *шеймлю* / *шеймю*, *хейтю* / *хейчу*, *комменчу* / *комментю*, *газлайчу* / *газлайтю*, *твичу* / *твиттю*, *постю* / *пощу*, *посищу* / *постю*, *бустю?* / *бустчу?*, *копипастью* / *копипащу* (2 ответа), «*флекшу* / *флексю*» (2 ответа). Ответы с окаzionaleльной формой: *хайплю* / *хайпую*, *френжу* / *френджу*, *френдю* / *френдлю*, *пофикишу* / *пофиксю*, *форишу* / *форсю* (4 ответа), *соскуфусь* / *соскуфушусь*. Ответ *коммен(т)чу*/комментю содержит 3 формы: *комменчу*, *комментчу*, *комментю*.

6. Орфографическое выравнивание. Написания типа *посчу* [пóш':у] демонстрируют отдельный графемный уровень разрушения чередований.

Факторы, влияющие на степень сохранности чередований

А. Тип чередования финали основы (ключевой)

Наиболее устойчивы чередования м'/мл', п'/пл', в'/вл', ф'/фл'. Сохранение конечного согласного основы минимизирует давление парадигматического выравнивания. Наименее устойчиво чередование с'/ш. Традиционную форму *флекшу* образовало лишь 30 % респондентов, *форишу* — 32 %, *пофикишу* — 34 %.

В. Конфликт фонетического и графического уровней

Для глаголов с чередованиями т'/ч', с'т'/щ' (*постить*, *бустить*, *копипасть*, *комментировать*, *донатить*, *хейтить*, *мьютить*, *газлайтить*, *репортировать*, *твитить*) выявлена тенденция унификации графического облика основы, разрушающая традиционную норму на письме. Написания *посчу*, *посищу*, *постичу*, *донатчу* ([пóш':у], [данач':у]) свидетельствуют о том, что часть носителей, сохраняя чередование на фонетическом уровне, стремится приблизить графический облик основы к остальной глагольной парадигме (рис. 3). Для *постить* разница между фонетической (93 %, включая *посчу*, *посищу*, *постичу*) и графической (77 %) сохранностью составляет 16 п.п., для *бустить* — 17 п.п., для *твитить* — 10 п.п. (рис. 3).

С. Частотность и знакомость глагола

В рамках одного типа чередования выбор традиционной формы положительно коррелирует с частотностью и привычностью глагола (по данным НКРЯ и метаязыковых комментариев респондентов).

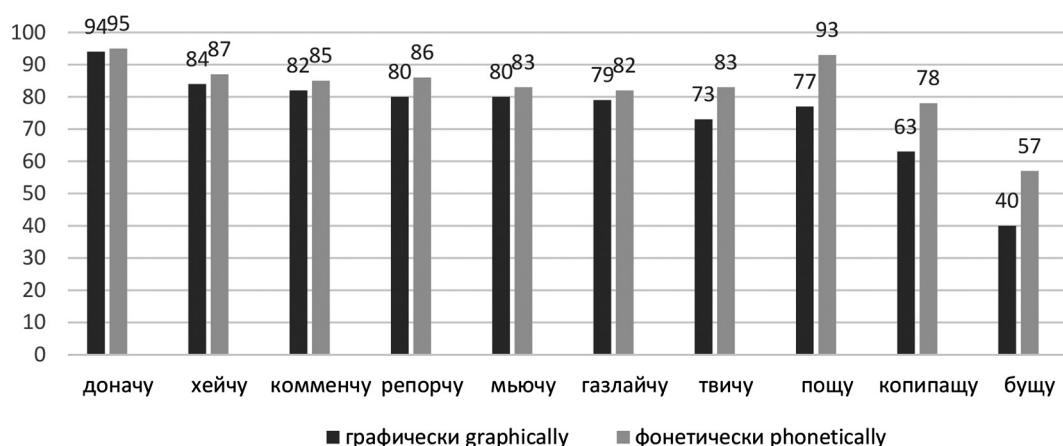

Рис. 3. Сопоставление частотности традиционных форм в графическом и фонетическом смысле, %

Источник: составлено И.В. Фуфайевой по результатам анализа опроса.

Fig. 3. Comparison of the frequency of traditional forms in the graphic and phonetic sense, %

Source: compiled by I.V. Fufaeva based on the results of the survey analysis.

Так, в группе [губной]/[губной]+л традиционную форму глагола *спамить* (453 вхождений в НКРЯ, комм. «очень употребимо, встречалось») выбрало 99 % респондентов, а глагола *факапнуть* (4 вхождения в НКРЯ) — 87 %.

В группе *с'т'/щ'* традиционную (в фонетическом смысле) форму глагола *постить* (1926 вхождений в НКРЯ) выбрало 93 % респондентов, а *копипастить* (61 вхождение в НКРЯ, комм. «совершенно не понимаю значение») — 78 %.

В группе *т'/ч'* фонетически традиционную форму глагола *донатить* (64 вхождения в НКРЯ) выбрало 95 % респондентов, а глагола *газлайтить* (3 вхождения, комментарий «понятия не имею, что это значит») — 82 %. При этом глагол *донатить* плохо отражен в НКРЯ, так как употребляется в слабо репрезентированных в корпусе и более новых сферах (в Telegram, сообществах стримеров и пр.). Это подтверждает резкий рост в 2022 г. запросов в Google Trends, связанных с глаголом *донатить*. Из-за временного лага в пополнении НКРЯ свежие всплески употребления в нем не отражаются. Иначе говоря, знакомость слова зависит не от абстрактной корпусной частотности, а от принадлежности респондента к определенному коммуникативному сообществу, и НКРЯ отражает ее лишь приблизительно.

Судя по отказам в формате «не знаю этого слова», для ряда носителей язык функционирует как механизм воспроизведения готовых, услышанных ранее форм, образовать незнакомую форму трудно или невозможно. Для других актуально конструирование формы, в т.ч. окказиональной, по аналогии с другими типами глаголов.

Окказиональные формы и стратегии носителей

Окказиональные формы как продукт речевого творчества демонстрируют стратегии носителей в ситуации грамматической неопределенности, использование словообразовательных ресурсов для создания форм по аналогии.

Изучение зон морфологической аналогии представляет особый интерес в рус-
ле современных грамматических теорий (Zhukova, Janda, 2024).

Особенно важны высокочастотные грамматические окказионализмы
типа форм на *-щ* для основ на *с*: *флекищу*. Ниже перечислены типы альтерна-
тивных стратегий респондентов:

1) Универсализация *-л-* и шипящих как маркеров 1-го лица. В глаголах
на губные *-л-* исторически обусловлен (*спам-л-ю* как *руб-л-ю* < **rub-j-o*), но
в эксперименте формы с *-л-* зафиксированы для 11 из 14 глаголов других
групп, в т.ч. наиболее массовое *френдлю* (75 ответов, 24 %)⁷, ранее зафиксиро-
ванное в интернете (Sliousar, Kholodilova, 2013: 246), а также *твитлю* (11 от-
ветов), *газлайтлю* (8 ответов), *мьютлю* (6 ответов), *репортлю* (5 ответов), *по-
фикслю* и *бустлю* (по 3 ответа), *копирастлю* и *хейтлю* (по 2 ответа), *форслю*
и *комментлю* (по 1 ответу). Исторический реликт переосмысливается как мар-
кер 1-го лица и переносится по аналогии, что можно рассматривать как
реморфологизацию.

Аналогично происходит универсализация шипящих: для глаголов с че-
редованием *с'/ш* массово возникают формы на *-щ-* (*форищу* — 66, *флекищу* —
43, *пофиксщу* — 34), на что, видимо, влияет, помимо аналогии с формами типа
поищу, фонетическая компромиссность звука [ш':] между палатальным *-с'-*
и твердым *-ш-*. Шипящие импортируются и в другие группы (*факапчу* — 7,
соскуфчусь — 3 и др.; всего ~20 ответов) и заменяют друг друга внутри групп
т'/ч', *ст'/щ'*, *д'/ж* (*френдчу*, *репоричу* и пр.; всего ~92 ответа).

2) Аналогия с глаголами I спряжения и глаголами на *-р-*. С тематическим
гласным *-а-* образовано 15 форм: *постаю*, *мьютаю*, *факапаю* и пр., всего
25 ответов. Это стратегия конструирования глаголов I спряжения **факапать*,
**мьютать* и пр., парадигма которых изначально лишена чередований.

Респонденты также замещали формы исходных глаголов формами дру-
гих производных глаголов, как существующих, так и гипотетических:

- *хайпую*, *флексию* по аналогии с *рисую* от *рисовать* с суффиксом
-ова/-у-, всего 41,5 ответ. *Хайпую* — лексическое замещение исходного гла-
гола *хайпнуть*, см. комм. «*понимаю, что это от „хайповать“*»;

- *комментирую*, *форсирую*, *френдирую*, *бустирую* и др. с производным
суффиксом *-ирова/-иру*, всего 20 ответов. *Комментирую*, *форсирую* — лекси-
ческое замещение исходных глаголов *комментировать*, *форсировать* существующи-
ми глаголами; остальные такие формы образованы по аналогии.

- *донатствую*, *факапствую*, *хейтерствую*, *фолловерствую* и др. по
анalogии с глаголами, образованными от абстрактных существительных (ср.
занудствовать от *занудство*) и от существующих агентивов *хейтер*, *фолло-
вер*, (ср. *актерствовать*); всего 12 ответов;

- *аппрувну*, *репортну*, *хайпану* от существующих глаголов мгновенного
действия с суффиксом *-ну/-н-*. Это не окказиональные формы в полном смыс-
ле, а выбор видового варианта; всего 4 ответа;

Возможна ассоциация с англ. *friendly* в конструкциях типа *веган-френдли*.

- *хайповничаю, факапничаю, флексничаю*, всего 3 ответа, по аналогии с глаголами *чаевничать, огородничать*;
- *твиттеру, газлайтеру* с сохранением II спряжения, так как финаль *-р-* сама исключает исторические чередования в форме 1-го л. ед. ч.; всего 3 ответа;
- форма *оскуфью* от негативно-оценочного *скуф* к *соскуфиться* по аналогии с суффиксально-префиксальными глаголами от негативно-оценочных номинаций типа *охаметь* от *хам*.

Всего зафиксировано 104 окказиональные формы по моделям, сохраняющим тождество основы и исключающим чередования.

3) Графическое выравнивание и орфографическая гиперкоррекция. Для глаголов с чередованиями *т'/ч'*, *ст'/щ'* респонденты использовали нетрадиционную запись, сближающую форму с остальной парадигмой. Массовые варианты на *-сч-*: *посчу* 26 ответов, *копипасчу* 35, *бучу* 39; всего 100 ответов. На *-тч-*: *твитчу* 30, *мьютчу* 11, *комментчу* 11,7; всего 83 ответа. Фонетически эти формы традиционны: [данач':у], [пош':у], но графически окказиональны. Общее количество 217 ответов.

4) Маргинальные модели. Гибридные формы *факапчлю* и пр., всего 8 ответов; формы с йотацией *шеймью, соскуфьюсь*, всего 5 ответов; формы по аналогии с твердыми основами I спряжения *шейму, пофиксу*, всего 3 ответа.

Заключение

Исторические чередования согласных в русской глагольной парадигме, утратившие фонетическую мотивировку тысячелетия назад, продолжают функционировать в условиях активного пополнения лексики заимствованными и неологическими глаголами. Однако, как показало исследование, их продуктивность в новых единицах снижается: носители языка прибегают к аналогическому выравниванию парадигмы, реморфологизации маркеров 1-го лица и деривационному замещению. Этот процесс детерминирован сложным взаимодействием фонетических, социолингвистических и орфографических факторов, причем тип основы глагола оказывается ключевым параметром сохранности чередований. Наименее надежно воспроизводится чередование *с'/ш*; с соответствующими формами успешно конкурируют не только формы без чередования (*флексю*), но и формы с неузуальным чередованием *с'/щ* (*флекшю*). На использование традиционных форм с чередованием влияет также фактор частотности глагола, коррелирующий, в свою очередь, с недостаточной грамматической адаптированностью неологических глаголов.

Особую актуальность приобретает выявленное расхождение между устной и письменной нормой в цифровую эпоху. Спонтанная письменная речь интернет-коммуникации демонстрирует тенденцию к графическому унифицированию основы, в то время как фонетическое чутье носителей сохраняет историческое чередование. Конфликт фонетического и графического уровней требует дальнейшего изучения в рамках типологии орфографических вариантов русскоязычного интернет-корпуса.

Грамматическая вариативность, окказиональное творчество и мета-языковая неуверенность, зафиксированные в эксперименте, свидетельствуют о том, что глагольная парадигма новых единиц стала полигоном морфологических изменений и новаций. Необходим мониторинг дальнейшего развития этой системы, поскольку высокочастотные окказиональные формы способны закрепляться в узусе и влиять на норму. Результаты исследования открывают перспективы для изучения механизмов аналогии в морфологии, динамики письменной нормы в цифровой среде и грамматической адаптации заимствований в русском языке.

Список литературы

- Веккесер М.В., Мамаева С.В., Шмутьская Л.С. Грамматическая неология: разновидности морфологических окказионализмов в текстах художественной литературы // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. 2021. № 12 (21). С. 19–26. URL: sfu-kras.ru (дата обращения: 13.08.2026). EDN: DOBXWY
- Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. М. : Высшая школа, 1993. 144 с.
- Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. М. : Эксмо, 2006. 672 с. EDN: QRHAFX
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М. : Русский язык, 1977. 879 с. EDN: UFUIPV
- Зализняк А.А., Микаэлян И. Переписка по электронной почте как лингвистический объект // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Междунар. Конф. «Диалог 2006». М., 2006. С. 157–162. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm> (дата обращения: 13.08.2026).
- Занадворова А.В. О терминах «письменная разговорная речь» и «непринужденная письменная речь» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2024. № 3 (41). С. 86–96. <https://doi.org/10.31912/pvrli-2024.3.7> EDN: IUVBRA
- Кедрова Г.Е., Руденко-Моргун О.И., Егоров А.М., Омелянова Е.Б. Русская фонетика : учебно-справочный комплекс. М. : Астрей, 2001. URL: <http://www.philol.msu.ru/~fonetica/> (дата обращения: 13.08.2026).
- Козинец С.Б. Грамматические окказионализмы в русской поэзии второй половины XX – начала XXI в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 2. С. 239–244. https://doi.org/10.52452/19931778_2023_2_239 EDN: SBZOEI
- Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М. : АСТ: CORPUS, 2013. 412 с. EDN: SBVWBV
- Литневская Е.И. Письменная разговорная речь: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 5. С. 67–82. EDN: OKFARX
- Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. 864 с. EDN: UOGZIB
- Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М. : ЧеРо, 1999. 400 с.
- Слюсарь Н.А., Гурков И.Е., Чернова Д.А. Одни ошибки вреднее других: роль типа и частотности орфографических ошибок в обработке слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. междунар. конф. «Диалог». 2022. Вып. 21 (S). С. 1158–1166. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2022-21-1158-1166> EDN: JNSYEM
- Хохлова М.В. О некоторых типах ошибок в русскоязычном интернет-корпусе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. междунар. конф. «Диалог». 2022. Вып. 21 (S). С. 1068–1076. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2022-21-1168-1176> EDN: DYPSDW

- Янурик С. Особенности морфологической адаптации новых глаголов-англицизмов в русской компьютерной лексике // *Говорящий и пишущий: к 100-летию со дня рождения Т.Г. Винокур* / отв. ред. Е.В. Какорина, А.Р. Пестова. М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2024. С. 430–442. https://doi.org/10.31912/anniversary_vinokur-2024
- Focke N. What drives paradigm change? Analogy, deponency, and verbal aspect in the history of *dati* / *dajati* / *davati* // *Russian Linguistics*. 2024. Vol. 48. № 1. P. 17. <https://doi.org/10.1007/s11185-024-09303-5> EDN: KCKNPR
- Slioussar N.A., Kholodilova M.A. Paradigm Leveling in Non-Standard Russian. In *Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics: The Second MIT Meeting 2011*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2013. Pp. 243–258. URL: <http://www.slioussar.ru/resources/SlioussarKholodilova2013FASL.pdf> (дата обращения: 13.08.2026).
- Zhukova V., Janda L.A. Russian grammar as a constructicon: beyond a list // *Russian Linguistics*. 2024. Vol. 48. № 1. P. 15. <https://doi.org/10.1007/s11185-024-09298-z> EDN: RXQYFM

Сведения об авторе:

Фуфаева Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории лингвистической конфликтологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. *Сфера научных интересов*: словообразование, неология, активные процессы в современном русском языке, экспрессивность, оценка. ORCID: 0000-0003-0952-8461. SPIN-код: 3988-6268. ResearcherID: KPB-5111-2024. ScopusID: 57973419200. E-mail: iriel@inbox.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-423-438

EDN: DFIDMW

Research article

Historical consonant alternations in the new Russian verbs paradigms

Irina V. Fufaeva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
✉ iriel@inbox.ru

Abstract. Historical consonant alternations in the Russian verbal paradigm (e.g., *pustit* – *pušču*) have lost their phonetic motivation, making it relevant to study their productivity in the adoption of new words. Given the active development of the lexicon, investigating how native speakers form the 1st person singular of new verbs allows us to assess the dynamics of the grammatical system. The aim of the study is to determine whether native Russian speakers preserve historical alternations in the paradigms of new verbs with the second conjugation type and to identify the strategies of making up new forms in situations of grammatical uncertainty. The material consisted of 21 new verbs (neologisms and jargonisms) with stems ending in *m*’, *v*’, *p*’, *f*’, *t*’, *s*’, *st*’, *d*’. A stimulus-based survey was conducted using Google Forms with

311 respondents regarding the 1st person singular form. It was followed by manual processing and codification of the answers, including the separation of phonetic and orthographic aspects of alternations. A hierarchy of alternation stability was established: it is highest for labial-stem verbs (*spamyu* — 99%) and lowest for *-s’-* stems (*flekshu* — only 30% of responses). Within the same type of alternation, the frequency and familiarity of the verb (the latter identified through respondents’ comments) influence their productivity in forming the 1st person singular. We revealed high-frequency non-alternating forms, occasionalisms (e.g., *freindlu, forschu*); the use, in case of difficulty, of a form from a cognate verb whose paradigm lacks alternations (*haypuyu* instead of *khayplyu* from *khaypit*); refusals to make up a form; periphrases. A divergence between spoken and written norms was found: speakers preserve alternations phonetically while graphically they standardize the stem (*poschu* instead of *poshchu*). Historical alternations in new verbs show declining productivity and compete with models of similar paradigm unification, remorphologization of 1st person markers, and derivational substitution. The process is determined by the stem type and verb frequency, and by the conflict between phonetic intuition and orthographic analyticity in the written form.

Key words: neology, grammatical neologisms, grammatical adaptation, verb word forms, occasionalisms, morphophonological alternations, occasional word forms, analogical leveling, paradigmatic leveling, grammatical variability

Funding. This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at HSE University (HSE-BR-2025-031).

Conflict of interest. The author has no conflict of interest to declare.

Article history: received 28.01.2026; accepted 18.05.2026.

For citation: Fufaeva, I. V. (2026). Historical consonant alternations in the new Russian verbs paradigms. *Russian Language Studies*, 24(3), 423–438. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-423-438> EDN: DFIDMW

References

- Focke, N. (2024). What drives paradigm change? Analogy, deponency, and verbal aspect in the history of *dati* / *dajati* / *davati*. *Russian Linguistics*, 48(1), 17. <https://doi.org/10.1007/s11185-024-09303-5> EDN: KCKNPR
- Grachev, M. A. (2006). *Dictionary of Modern Youth Jargon*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.). EDN: QRHAFX
- Kedrova, G. E., Rudenko-Morgun, O. I., Egorov, A. M., & Omel’yanova, E. B. (2001). *Russian Phonetics: A Study and Reference Complex*. Moscow: Astreya Publ. <http://www.philol.msu.ru/~fonetica/> (accessed: 13.08.2026) (In Russ.).
- Khokhlova, M. V. (2022). Errors in the Russian web corpus. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue”*, 21(S), 1068–1076. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2022-21-1068-1076> EDN: DYPSPDW
- Kozinets, S. B. (2023). Grammatical occasionalisms in Russian poetry of the second half of the XX – beginning of the XXI centuries. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (2), 239–244. (In Russ.). https://doi.org/10.52452/19931778_2023_2_239 EDN: SBZOEI
- Krongauz, M. A. (2013). *Teach Yourself Albanian*. Moscow: AST: CORPUS Publ. (In Russ.). EDN: SBVWBV
- Litnevskaya, E. I. (2011). Written colloquial speech: Myth or reality? *Lomonosov Philology Journal*, (5), 67–82. (In Russ.). EDN: OKFARX
- Nikitina, T. G. (2013). *Key Concepts of Youth Culture: A Thematic Slang Dictionary*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin Publ. (In Russ.). EDN: UOGZIB

- Rozental', D. E., Dzhandzhakova, E. V., & Kabanova, N. P. (1999). *Handbook of Spelling, Pronunciation, and Literary Editing*. Moscow: CheRo Publ. (In Russ.).
- Slioussar, N. A., & Kholodilova, M. A. (2013). Paradigm leveling in non-standard Russian. In *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Second MIT Meeting 2011* (pp. 243–258). Ann Arbor: Michigan Slavic Publ. URL: <http://www.slioussar.ru/resources/SlioussarKholodilova2013FASL.pdf>
- Slioussar, N. A., Gurkov, I. E., & Chernova, D. A. (2022). Some errors are more harmful than others: The role of error type and frequency of orthographic errors in word processing. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue"*, 21(S), 1158–1166. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2022-21-1158-1166> EDN: JNSYEM
- Vekkesser, M. V., Mamaeva, S. V., & Shmul'skaya, L. S. (2021). Grammatical neology: Varieties of morphological occasionalisms in the texts of fiction. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statey*, (12), 19–26. URL: sfu-kras.ru (accessed: 13.08.2026) EDN: DOBXWY (In Russ.).
- Verbitskaya, L. A. (1993). *Let's Speak Correctly*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. (In Russ.).
- Yanurik, S. (2024). Features of morphological adaptation of new Anglicism verbs in Russian computer lexicon. In Kakorina, E. V., & Pestova, A. R. (Eds.), *Speaking and Writing: On the 100th Anniversary of T. G. Vinokur's Birth* (pp. 430–442). Moscow: Institut Russkogo Yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ. https://doi.org/10.31912/anniversary_vinokur-2024 URL: <https://ruslang.ru/book/govoryaschiy-i-pishuschiy-k-100-letiyu-sodnya-rozhdeniya-tatyany-grigorevny-vinokur> (accessed: 13.08.2026) (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (1977). *Grammatical Dictionary of the Russian Language: Inflection*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ. (In Russ.). EDN: UFUIPV
- Zaliznyak, A. A., & Mikayelyan, I. (2006). Email correspondence as a linguistic object. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2006"* (pp. 157–162). Moscow. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm> (In Russ.).
- Zanadvorova, A. V. (2024). About the terms “written colloquial speech” and “casual written speech”. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, (3), 86–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.3.7> EDN: IUVBRA
- Zhukova, V., & Janda, L. A. (2024). Russian grammar as a constructicon: Beyond a list. *Russian Linguistics*, 48(1), 15. <https://doi.org/10.1007/s11185-024-09298-z>. EDN: RXQYFM

Bio note:

Irina V. Fufaeva, Candidate of Philology, Research Fellow, Laboratory of Linguistic Conflictology, National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. *Research interests*: word formation, neology, active processes in the modern Russian language, expressiveness, evaluation. ORCID: 0000-0003-0952-8461. SPIN-code: 3988-6268. ResearcherID: KPB-5111-2024. ScopusID: 57973419200. E-mail: iriel@inbox.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-439-452

EDN: DGGBRY

Научная статья

Новообразования с суффиксом -оид в русском языке новейшего периода

Е.В. Шаповаленко , Т.М. Шкапенко

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, *Калининград, Российская Федерация*

✉ EShapovalenko@kantiana.ru

Аннотация. Рассмотрены основные модели новообразований с суффиксом *-оид* в русском языке новейшего периода. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления прагматических особенностей неогерманизмов в сопоставлении с предыдущими историческими периодами языкового развития. Цель исследования — систематизация и описание моделей образования неологизмов с суффиксом *-оид*, выявление основных дискурсивных областей их функционирования и обнаружение лингвокогнитивных механизмов, лежащих в основе вектора происходящих изменений. Материалом анализа послужили данные Национального корпуса русского языка, неограниченных печатных и электронных источников и открытых интернет-ресурсов. В основе методологии исследования лежит синхронно-диахронный подход, позволяющий описывать инновационные явления в их тесной связи с предыдущими этапами эволюции. Констатируется выход словообразовательной модели с суффиксом *-оид* за пределы сферы терминообразования в область прагматически маркированной деривации. Строго денотативная функция номинации объектов окружающего мира сменяется обозначением лиц по признаку их принадлежности к определенному типизируемому объединению. В качестве основных мотивирующих основ выступают имена собственные (антропонимы, этнонимы, разновидности топонимов и др.) или нарицательные, служащие именем известных лингвоконцептов или лингвокультурных типажей. В новейших номинациях формант *-оид* выполняет не только классифицирующую функцию, но и роль маркера негативной оценки. В качестве лингвокогнитивного основания пейорации рассматривается прототипическая семантика подобия, расцениваемая номинатором как отклонение от эталона или нормы. В результате неологические образования с суффиксом *-оид* становятся средством аксиологической стигматизации и используются в рамках «языка вражды» как средство экспликации оппозиции «свой/чужой». Перспективы исследования видятся в дальнейшем мониторинге новообразований с суффиксом *-оид* в различных дискурсивных практиках и в определении продуктивности словообразовательной модели.

Ключевые слова: деривационные модели, словообразовательное значение, модификационное значение, мутационное значение, пейорация, социофоллизмы, язык вражды

Вклад авторов: авторы внесли эквивалентный вклад в разработку концепции исследования, написание и редактирование текста статьи.

© Шаповаленко Е.В., Шкапенко Т.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 05.02.2026; принята к печати 12.04.2026.

Для цитирования: Шаповаленко Е.В., Шкапенко Т.М. Новообразования с суффиксом -оид в русском языке новейшего периода // Русистика. 2026. Т. 24. № 3. С. 439–452. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-439-452> EDN: DGGBRY

Введение

Словообразовательный бум в русском языке новейшего периода (с 1990-х гг.) получил уже достаточно глубокое и всестороннее осмысление в целом ряде лингвистических работ. К наиболее продуктивным словообразовательным типам отнесены: аналитическое композитообразование, аббревиация и усечение, гиперпродуктивность суффиксов и префиксов греко-латинского происхождения, а также геймификация словообразовательных процессов, являющаяся часто следствием конвергенции языков или англо-русской гибридизации (Габдреева, Агеева, 2025).

Среди формантов, обеспечивающих процессы создания неологизмов, наибольший интерес вызвали префиксальные единицы (*супер-*, *мега-*, *экстра-*, *гипер-* и пр.), рассматриваемые в общем контексте влияния английского языка как донора глобализационных процессов (Петрухина, 2017; Шкапенко, Шаповаленко, 2020), а также в ономаσιологическом, социокультурном, лингвокогнитивном и аксиологическом аспектах (Радби́ль, Ясаи, Палоши, 2022; Рацибурская, 2025). Осмысление новых трендов в суффиксальном словообразовании сводилось преимущественно к описанию функций, выполняемых английскими аффиксами на почве русского языка: *-инг* (Левина, 2023), *-ция* (Шапошникова, 2021), *-ер* (Дибирова, Казимова, 2023) и др.

На особенности функционирования суффиксов греко-латинского происхождения в процессах образования неологических единиц начали обращать внимание сравнительно недавно. Так, формант латинского происхождения *-ат* стал предметом изучения в составе терминологических дериватов *когнитариат*, *прекариат* и *салариат* в (Шкапенко, Стрельчук, 2025). Активизация суффиксов *-ум* и *-ус* в практике создания новых имен рассматривалась как стремление интеллектуализировать названия различных учебных заведений в коммерческом нейминге (Зубрицкая, 2024: 180). В то же время малоисследованными остаются вопросы активизации суффиксов латинского или греческого происхождения, выполнявших ранее функции терминоэлементов, а с начала XXI в. использующихся в новообразованиях в качестве оценочно-прагматических маркеров. Изучение словообразовательных моделей неoderиватов с суффиксом *-оид*, выявление лингвокогнитивных оснований прагматизации данного форманта предполагают обязательное обращение к фактологическим данным в длительной хронологической перспективе. Это связано с необходимостью использования «динамического подхода в изучении словообразования, который позволяет преодолеть разрыв между синхроническим и диахроническим словообразованием и подойти к исследованию словообразовательных отношений с исторических позиций» (Ерофеева, Лукоянова, 2025: 259).

Цель исследования — выявление деривационных моделей с суффиксом *-oid* в синхронно-диахронной перспективе, систематизация основных словообразовательных моделей производных с данным формантом в русском языке новейшего периода и описание лингвокогнитивных механизмов, обуславливающих вектор негативной прагматизации значений слов, построенных по модели *N + -oid*.

Методы и материалы исследования

В исследовании применены словообразовательный, ономаσιологический, этимологический, функционально-семантический и лингвокогнитивный методы анализа. Материалом послужили лексемы с аффиксом *-oid*, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ)¹. Общее их количество в Основном корпусе НКРЯ с 1772 по 2022 г. составило 344 лексемы. Эти данные получили с использованием семантико-грамматических ограничивающих параметров, при помощи которых дериваты разделили на неодушевленные (250 лексем по запросу **oid, (S) & (m) & (inan)*) и одушевленные существительные (94 лексемы по запросу **oid, (S) & (m) & (anim)*). Выборку новейших дериватов с формантом *-oid* осуществляли также на базе неографических словарных источников (Новые слова и значения², Новое в русской лексике (НРЛ)³) и материалов открытых интернет-ресурсов. Анализ продуктивности словообразовательной модели проводили с помощью соответствующих инструментов в Основном корпусе НКРЯ.

Результаты

Описана эволюция словообразовательных моделей существительных с формантом *-oid* в длительной исторической перспективе. Установлен факт выхода словообразовательного форманта за пределы собственно терминологической номинации, в которой он выполнял функцию обозначения денотата, схожего, но не тождественного со значением мотивационной основы.

Выделены и классифицированы основные типы словообразовательных моделей с суффиксом *-oid* в русском языке новейшего периода. К ним отнесены: отантропонимическая, отэтнотонимическая, оттопонимическая деривация, отхремотонимическая деривация, а также случаи образования от апеллятивов, служащих именем известных лингвоконцептов или лингвокультурных типажей.

Установлено преобладание в неoderиватах с суффиксом *-oid* прагматической функции негативной оценки. Описаны лингвокогнитивные механизмы перехода форманта *-oid* от безоценочной денотативной функции в сфере терминообразования к пейоративной аксиологизации в новейших производных.

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

² Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 2 томах / отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. Т. I. 816 с.

³ Новое в русской лексике. СПб. : ИЛИ РАН, 2021–2026. URL: <https://neolex.iling.spb.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

К ним отнесена прототипическая семантика подобия, воспринимаемая обыденным сознанием как отклонение от эталона или нормы и, следовательно, создающая алгоритм восприятия оидности как когнитивной основы пейорации обозначаемого.

Обсуждение

Функционирование форманта *-оид* в качестве терминоэлемента в научном дискурсе

Формант *-оид* восходит к латинизированной греческой морфеме *-oeidēs* (от др.-греч. слова *εἶδος* «вид, облик, образ», праиндоевропейский корень **weid* «видеть», санскр. वेदस् (*védas*), праслав. **vidь* (ср. рус. *вид*), др.-англ. *wit*⁴ и т.п.). Содержащая в себе иконический компонент прототипическая семантика становится лингвокогнитивным основанием для развития в морфеме значения «подобия», востребованного различными науками для классификации однородных объектов. Продиктованная естественной онтологией необходимость их номинации получает устойчивое словообразовательное маркирование с помощью суффикса *-оид*. Данный формант используется в словах, называющих «предмет, явление, подобный(-ое) тому, который(-ое) назван(о) мотивирующим словом, но имеющий(-ее) отличие от него», например: *сфера* → *сфероид* «всякая поверхность, близкая к сфере», *монгол* → *монголоид* «представитель расы, к которой относятся, в частности, монголы»⁵ и т.п. Как следствие, словообразовательная модель «мотивирующее существительное + *-оид* в значении подобия» становится продуктивной в терминообозначениях, характерных для различных европейских языков, а сам формант рассматривается как «мобильное, транслокальное, оперативное словообразовательное средство» (Blommaert, Dong, 2010: 368).

В русском языке, по данным НКРЯ, первое употребление существительного с суффиксом *-оид* фиксируется во второй половине XVIII в.: «*Посрединъ стояла Алибеева полатка, подлѣ коей поднимались ночью 16 фанарей фигурой ромбоида, для отличенія его полатки отъ прочихъ*» (1772 г.). В XIX в. и начале XX в. словообразовательные модели с данным формантом активным образом используются в математических, химико-биологических и медицинских терминах, например: *циклоид*, *эллипсоид*, *металлоид*, *алкалоид*, *кристаллоид*, *геморроид* и т.п. Из общего количества вхождений (7033) наиболее частотными лексемами являются термины естественных наук: *астероид* (1194), *экдистероид* (900), *сперматозоид* (450), *алкалоид* (384).

Необходимо отметить, что особую роль модели с формантом *-оид* выполняют в процессе образования лингвистических терминов, например: *дифтонгоид*, *аффиксоид*, *префиксоид*, *радиксоид* и др. В современных работах по лингвистике наблюдаются рост новообразований, построенных по данной модели, и увеличение частотности их использования: *морфемоид*, *флексид*,

⁴ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 10.03.2026).

⁵ Лопатин В.В., Улукханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. С. 576–577.

постфиксоид и даже *формантоид*. Увеличение продуктивности оидных терминообразований в лингвистике можно объяснить диффузным состоянием словообразовательной системы современного русского языка, вызванного проникновением в него англоязычных деривационных моделей. Симптоматично, что сам формант *-оид* также получает характеристику суффиксоида в словаре-справочнике «Аффиксоиды русского языка», согласно которому он реализует значение подобия в рамках терминов («то, что сходно с тем, что указано в слове ранее»: *дерматоид*, *кристаллоид*⁶ и т.п.).

Не существует согласия между учеными и в характеристике производных с суффиксом *-оид* с точки зрения ономаσιологических деривационных типов (Dokulil, 1962). Так, В.В. Лопатин и И.С. Улуханов предлагают относить производные со значением подобия к реализующим модификационное значение⁷, поскольку оно предполагает сохранение той же денотативной основы при изменении количественного, оценочного, экспрессивного и т.п. признаков (например, *дом* → *домик*, *белый* → *беловатый*). Другие исследователи, однако, считают включение значения подобия в сферу модификации спорным: «значение подобия не является идентифицирующим, так как производное называет реалию, отличную от реалии, обозначенной производящей основой, но подобную ей. У таких производных суффикс называет классифицирующий признак ‘предмет’ и часть уточняющего признака ‘сходный с...’. Мотивирующая основа также выражает часть уточняющего признака» (Осильбекова, 2013: 70). Более определенно высказывается по данному поводу И.Г. Кудрявцева, утверждающая, что такого рода форманты реализуют свою базовую функцию в рамках мутационного словообразования и являются «модальными операторами трансформации, преобразующими исходное терминологическое понятие в производное», так как «семантика производного слова не является простой суммой значений производящего слова» и форманта (Кудрявцева, 2008: 33–34). Данное утверждение представляется вполне обоснованным, поскольку в значении производного слова мы наблюдаем не столько видоизменение исходного понятия, сколько обозначение коррелирующего с ним нового объекта по признаку подобия. В составе производных терминологический суффикс *-оид* формирует новое понятие на основе признака сходства/подобия («имеющий вид», «подобный», «относящийся по типу»), например: *европеоид* — это не «модифицированный европеец», а представитель антропологического типа, выделенного по комплексу признаков.

Основные модели новообразований с суффиксом -оид в русском языке новейшего периода

Согласно данным НКРЯ, в последние десятилетия наблюдается значительный рост использования оидной модели вне сферы терминологического обозначения, при образовании одушевленных существительных. Если в период

⁶ Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / отв. ред. Е.А. Левашов. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 169–170.

⁷ Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Азбуковник, 2016. С. 29–30.

1960–1990 гг. мы обнаруживаем 256 вхождений, то с 1990 по 2026 г. — уже 1700. Многие из новейших производных реализуют значения, не зафиксированные на данный момент в источниках академической неографии.

Наиболее продуктивной словообразовательной моделью является отсубстантивное образование существительных от антропонимов, обозначающих приверженцев и сторонников того или иного лица по модели: фамилия (как правило, с усечением ненулевой флексии) + *-оид*. В качестве производящей основы избираются фамилии более или менее известных политических деятелей, например, *марксоид*, *горбачоид*, *собчакоид*, *порошенкоид*, *фоменкоид*, *зеленкоид*, *меркелоид*, *маскоид*, *трампоид*, *обамоид*, *клинтоноид*, *сталиноид* и др. Лишь незначительная часть данных неологизмов из области политики получила лексикографическое описание. Так, в словаре «Новые слова и значения» 1990-х гг. слово *ельциноид* описывается как «приверженец взглядов и политики Президента РФ Б.Н. Ельцина; тот, кто уподобляется ему (публ., презрит.). *Ельциноиды до сих пор пляшут по могилам предков*»⁸; в электронном лексикографическом ресурсе «Новое в русской лексике» значение лексемы *клинтоноид* (2015 г.) объясняется как: «о демократе и стороннике Хиллари Клинтон. *Партия „клинтоноидов“ (Хиллари Клинтон, Джон Маккейн) — это „партия войны“, а партия „Джорджа Буша — Барака Обамы“ — это „партия мира“*»⁹, однако лишено пометы пренебрежительной оценки именуемого объекта.

И.А. Меркулова включает подобные словообразовательные инновации в группу так называемых социофолизмов, т.е. оскорбительных соционимов, слов или словосочетаний, негативно обозначающих «человека по тому или иному социальному признаку» (Меркулова, 2022: 326). Действительно, анализ их употребления недвусмысленным образом показывает, что в отличие от нейтрального обозначения сторонников какого-либо политика в производных с суффиксом *-ист* (*трампи́ст*, *пути́нист*), инновационная модель с формантом *-оид* нацелена не столько на функцию обозначения, сколько на выражение отрицательного и/или ироничного отношения к референту. Например: «*Логичный результат провалившейся „изоляции“, — подводит итог российский дипломат и добавляет: За что байденоиды боролись, на то и напоролись*»¹⁰; «*Клинтоноиды рулят бабками в России! А у кого бабки — у того и ВЛАСТЬ! <...> А что с Трампоноидами делать?!*» — пример взят из (Замальдинов, 2025: 430).

Очевидно, что в данных производных прототипическое значение ‘подобный X’ маргинализируется, подчиняясь прагматической функции оценки со знаком минус. Основой зачисления в группу последователей того или иного

⁸ Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 2 томах / отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. Т. I. С. 570.

⁹ Новое в русской лексике. СПб. : ИЛИ РАН, 2021–2026. URL: <https://neolex.iling.spb.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

¹⁰ Бушев А., Коголов Ю. На Анталийском форуме Сергея Лаврова назвали «дипломатической рок-звездой» // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2025/04/12/na-antalijskom-forume-sergeia-lavrova-nazvali-diplomaticheskoy-rok-zvezdoj.html> (дата обращения: 17.03.2026).

политического деятеля становится именно негативное к ним отношение, передаваемое суффиксом *-оид*. Об этом свидетельствует и анализ метарефлексивов носителей современного русского языка, например: «Суффикс «*-оид*» я буду использовать для обозначения тех людей, кто воспринимает любое не-восторженное высказывание в адрес своего кумира как личное оскорбление, как покушение на нечто сверхзначимое (если использовать психологический язык)» (2013)» — взято из (Николина, Рацибурская, Фатхутдинова, 2020: 10).

Тяготение анализируемой деривационной модели к оценке политических феноменов различного рода находит свое отражение и в активизации метонимической словообразовательной модели, в которой *-оид* присоединяется к онимам различного типа (агоронимы, астионимы, топонимы и др.). Например, *май-даноид* от названия центральной площади в Киеве, ставшей пространством масштабных политических протестов. О резко отрицательном отношении к участникам данных событий свидетельствуют различные примеры употребления данного слова («*Это как понаехавшие майданоиды со своим уставом, превратившие в свинарник чужие города*»¹¹), а также их параллельное хождение с другими деривационными моделями, например, с суффиксальным образованием *майданутые* или игровым контаминатом *майдауны*.

Не меньшее распространение получает также производное *оранжоид* с маркированным «пренебрежительным» значением «активисты „оранжевой революции“», отметила Л.Н. Ребрина, квалифицировавшая данный тип как производное от «прецедентных имен (в том числе хрононимов, сопряженных с определенным ценностным отношением)» (Ребрина, 2020: 144–145). В сущности, приведенные нами выше примеры отантропонимических новообразований (*лениноиды*, *трампоиды* и т.п.) также могут быть охарактеризованы как основанные на прецедентных именах, использование которых мотивировано их известностью и наличием в них аксиологического потенциала.

Оидная деривационная модель вербализует целостные фрагменты действительности, выражая и одновременно формируя желаемое отношение к определенным реалиям. Бинарная оппозиция «свой/чужой» находит отражение в активизации в современном медиадискурсе таких неoderиватов, как *либероиды* («*Либероиды настроены на организацию в России новой перестройки (Перестройка-2) (2012)*» (Ребрина, 2020: 148); «*Либероид — это полностью сформированный сегодняшней идеологией потребления и извращенного индивидуализма тип личности*»¹²), *толерантоиды* («*Мы не должны поддаваться на лукавые речи толерантоидов*»¹³), даже *западноиды* («*Русский человек сегодня — это „западноид“, т.е. существо без роду и без племени, примитивное, подражательное, насквозь прагматизированное*»¹⁴).

¹¹ Ответы Mail.ru. URL: <https://otvet.mail.ru/question/194654117> (дата обращения: 20.03.2026).

¹² Либероид реально опасен для общества // Livejournal. URL: <https://tstealth1.livejournal.com/364946.html> (дата обращения: 17.03.2026).

¹³ Филолог Г. Государство, Народ и Страна // Издательство «Русская идея». URL: <https://rusidea.org/38009> (дата обращения: 15.03.2026).

¹⁴ Кузнецов Д.В. Европейская секуляризация как главный фактор преобразовательной политики Петра I и ее влияние на исторический путь России // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 2. С. 33.

Кроме апеллятивов со значением политических реалий, в качестве мотивирующей основы используются этнонимы, получающие в производном значении также пейоративную оценку, например: *кавказоид*, *армяноид*, *рашиноид* и др.: «*Кавказоиды зорко следят за порядком и не допускают толчеи и драк в очереди за бюджетным баблом*»¹⁵; «*Армяноиды любят чужими руками настраивать другие нации друг на друга, в этом ваша гнилая суть, предатели и подхалимы Америки*»¹⁶. Даже те номинации (*кавказоид*), которые уже существовали в языке в качестве антропологических терминов, выполняют не классифицирующую, а оценочную роль. Их использование маркирует отношение к представителям именуемого этноса, свидетельствуя о конфликтогенности этнических взаимоотношений. «Оидная» экспансия данного типа усиливает и расширяет «дискриминирующую» функцию форманта, поскольку «при использовании указанных „нисходящих“ этнонимов-кличек характеристики и оценки поведения отдельно взятого индивида переносятся на всю этническую общность, на весь народ» (Набок, 2011: 63–64).

Следующая, достаточно репрезентативная группа, представлена дериватами, образованными от названий поисковых интернет-систем или компаний, осуществляющих свою деятельность посредством интернет-технологий (*яндесоид*, *гуглоид*, *битриксоид* и др.), например: «... *яндесоид. Это не просто человек, работающий в „Яндексе“. Он является частью этой семьи и разделяет ее ценности*», — уверен г-н Носик (РБК.26.07.2013)» — пример взят из (Николина, Рацибурская, Фатхутдинова, 2020: 10); «*Гуглоиды уже празднуют. Все уже потихоньку погружаются в пучину новогоднего пьянства. Вот и гуглотранслятору уже тоже по-моему налили*»¹⁷. Примечательно, что лишь отдельные контексты передают оценочное отношение к представителям цифрового мира, основанием которого становится преимущественно релокация многих из них в другие страны. Например: «*Массовый отъезд ИТ спецов — патриотичные „битриксоиды“, массово сбежали „джависты“ и „питонисты“*»¹⁸. Существует, однако, и иное видение причин использования оидной модели в новейших номинациях ИТ-специалистов, явленное на форуме программистов и сисадминов «Cyberforum»: «*Сегодня наткнулся на интересную страницу с фотографиями всех гуглоидов (пришельцев с планеты Google)*»¹⁹. Заметим, что предложенное оригинальное определение вызывает прямую ассоциацию с термином *гуманоид* («человекоподобные существа, обитающие

¹⁵ CadillacClub. URL: <https://cadillac-club.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

¹⁶ В центре Тюмени молодые люди выкрикивали националистические лозунги у «Союза армян» // VK. URL: https://vk.com/wall-87010855_2455742 (дата обращения: 10.03.2026).

¹⁷ Гуглоиды уже празднуют // Livejournal. URL: <https://luxs135.livejournal.com/123489.html> (дата обращения: 10.03.2026).

¹⁸ Россихин Д. Массовый отъезд ИТ спецов — патриотичные „битриксоиды“, массово сбежали „джависты“ и „питонисты“ // Json.tv. URL: <https://json.tv/video/massovii-otezd-it-spetsov-patriotichnie-bitriksoidi-massovo-sbezhal-dzhavisti-i-pitonisti-302653175/> (дата обращения: 10.03.2026).

¹⁹ Cyberforum.ru. URL: <https://www.cyberforum.ru/google/thread2293372.html> (дата обращения: 10.03.2026).

на других планетах; инопланетяне' (Ефремова, 2000), а также напоминает о разделении современного человечества на категории *digital natives* (цифровых аборигенов) и *digital immigrants* (цифровых эмигрантов), предложенные американским писателем М. Пренски (Prensky, 2001).

Особый интерес вызывает группа дериватов, образованных от апеллятивов, в значении которых уже заложен отрицательный смысл, например, *зомбоид* ← *зомби* + *-оид* или *терпилоид* ← *терпил(а)* + *-оид*. Например: «Да они зомбоиды. Другого слова и не найду»²⁰; «Просто грабнули, вас все устраивает? Терпилоиды!»²¹. Вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что *-оид* в данном случае становится средством усиления пейоративного оттенка значения. С большей долей вероятности можно предположить, что присоединение к основе суффикса *-оид* актуализирует семантику множественности, о чем косвенным образом свидетельствует и преимущественное использование данных слов в форме множественного числа. Эта морфологическая особенность характерна и для всех остальных неолексем с формантом *-оид*, что подчеркивает неединичность определенного типа личности.

Таким образом, в лексических новациях формант *-оид* сохраняет классифицирующую функцию терминоэлемента, подчиняя ее, однако, пейоративной прагматической оценочности. Вследствие этого словообразовательное значение, присущее данной группе дериватов, можно определить как 'тот, кто маркируется негативным образом на основании принадлежности к группе людей по мировоззренческому, идейному, институциональному или поведенческому признакам'. С точки зрения ономаσιологического типа все неодериваты, вне сомнения, относятся к мутационному типу, поскольку используемый в них суффикс не только добавляет оценочный элемент, но и изменяет сам денотат. Если мотивирующая основа включает имя прецедентной личности, концепта, названия институции и т.п., то семантика производного описывается как 'приверженец, последователь, участник' того, что именует мотивирующая основа.

Лингвокогнитивные основания пейоративизации суффикса -оид в новейших словообразовательных моделях

Явный тренд пейоративизации суффикса *-оид* в неологических номинациях со значением лица ставит перед исследователями вопрос о том, каковы языковые факторы перехода нейтрального терминологического форманта к ярко выраженной негативной оценочности. Л.Н. Ребрина в качестве причины «закрепившейся за суффиксом негативной коннотации и трансформации классификационного признака структурного мотиватора» указывает «нетипичную комбинаторику словообразовательной единицы», его использование вне терминологических единиц специальных языков (Ребрина, 2020: 144).

²⁰ Форум на Кинопоиске. URL: <https://forumkinopoisk.ru/profile/91218-feyacl/content/> (дата обращения: 17.03.2026).

²¹ Investoserega. Пульс // Т-Банк. URL: <https://www.tbank.ru/invest/social/profile/investorserega/> (дата обращения: 17.03.2026).

На наш взгляд, данное объяснение не является исчерпывающим, поскольку должно быть дополнено глубинными, лингвокогнитивными основаниями.

Выполненный в обширной синхронно-диахронной перспективе анализ показывает, что основным фактором, обусловившим вектор пейорации форманта, является его прототипическая семантика. Значение ‘подобный’, но не тождественный какому-либо объекту, взятому в качестве эталонного или нормативного, предполагает наличие возможностей семантико-прагматического сдвига в направлении негативной оценочности. Ярким примером подобного восприятия может служить лексема *гуманоид* (от лат. *humanus* ‘человеческий’ и греч. *eidōs* ‘вид’), обладающая изначально нейтральным значением, однако под влиянием научно-фантастической литературы и массового кинематографа начавшая восприниматься как «не-человек», как некая аномалия или угроза. Интересной в этой связи представляется мысль М.А. Лаппо, что «унижение определенных групп происходит по принципу отказа им именно в принадлежности к человеческому виду либо ущербности в человеческом смысле» (Лаппо, 2013: 101).

Наблюдаемый в существительном *гуманоид* сдвиг в направлении прагматической оценочности усиливает эмоциональную нагруженность форманта, превращая его в маркер социальной стигматизации. Категория подобия переосмысливается через призму «чуждости», «ненормативности», символического исключения из круга «эталонных» и «своих». Полученная модель становится прецедентной для аналогового словообразования, являющегося основным принципом развития словообразовательной системы, т.е. «способностью человека создавать новые слова по существующим в языке словообразовательным моделям» (Дьяков, 2012: 252).

В качестве семантико-деривационных прецедентов могли также послужить медицинские термины со значением отклонений от нормы *шизоид* или *истероид*, подвергшиеся со временем детерминологизации и ставшие инструментами социальной критики и/или оскорбления в повседневных разговорных практиках. «Если положительные характеристики расцениваются с точки зрения соответствия норме, то негативные представляют собой отклонение от нормы, вследствие чего для их обозначения необходима отдельная номинация» (Усенко, 2024: 143).

На популяризацию оидного словообразования определенное воздействие имела также коммуникативная среда, во многом сформированная логикой цифрового взаимодействия, ориентированного на быстрое распознавание и тиражирование типизированных интерпретационных схем. Это приводит к своеобразной «каталогизации личностей», в рамках которой сложные поведенческие и ценностные характеристики индивида редуцируются до краткой, легко считываемой номинации. Использование форманта *-оид* становится чрезвычайно удобным средством социальной стигматизации, или «ярлыкообразования», т.е. производства слов «лингвотоксинов», «которые служат для того, чтобы „заклеймить“ идеологического противника, поскольку эти слова обладают

ослабленным денотативным значением и гипертрофированным отрицательным коннотативным компонентом» (Сковородников, Копнина, 2017: 29).

Сама словообразовательная модель такого рода выполняет не столько описательную, сколько индексальную функцию: она сигнализирует о принадлежности референта к уже известной и культурно распознаваемой категории. Производные такого типа минимизируют необходимость развернутой аргументации и подменяют аналитическое суждение готовым классифицирующим ярлыком. Их коммуникативная эффективность определяется степенью интересубъективной узнаваемости: коммуникативный успех достигается тогда, когда адресант и адресат разделяют общий репертуар социальных стереотипов и без труда реконструируют имплицитную оценку.

В анализируемых новообразованиях формант *-oid* демонстрирует переход от инструмента научной классификации к средству повседневной таксономии, обслуживающей потребность общества в быстрых и однозначных интерпретациях. Если в терминологическом употреблении он служил средством уточнения границ научных понятий, то в современной речевой практике все чаще участвует в символической сегрегации, нередко основанной на субъективной оценке номинатора.

Заключение

В течение длительного периода суффикс *-oid* представлял собой интернациональный формант, функционирующий в междисциплинарном научном дискурсе. Его продуктивность в различных интеллектуальных сферах определялась потребностями номинации феноменов, имеющих значительное сходство с отраженным в мотивирующей основе денотатом. В русском языке новейшего периода *-oid* утрачивает свою исключительную классифицирующую функцию и начинает использоваться как прагматический маркер пейоративной оценки людей по принципу их принадлежности к определенной группе. Рост продуктивности данной модели свидетельствует о сложных взаимоотношениях внутри современного социума, находящих свое выражение в востребованности лексических инноваций, формирующих современный «язык вражды». Полная лексикографическая инвентаризация данных инноваций имеет не только лингвистическую значимость, но и способна служить индикатором наличия в обществе конфликтогенных зон.

Список литературы

- Габдреева Н.В., Агеева А.В. Заимствование в русском языке новейшего периода: сопутствующие языковые процессы // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 225–240. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-225-240> EDN: FHVPNE
- Дибирова З.А., Казимова Э.А. Активизация англоязычных морфем в современном русском словообразовании // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 38. № 3. С. 127–132. <http://doi.org/10.21779/2542-0313-2023-38-3-127-132> EDN: UZJSYY

- Дьяков А.И. Словообразовательный потенциал и словообразовательная активность англицизмов в русском языке // Вестник науки Сибири. 2012. № 4 (5). С. 252–256. EDN: PCDTFP
- Ерофеева И.В., Лукоянова Ю.К. Конфиксальные дериваты с начальным *без-* в языке древнерусских летописей // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 257–274. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-257-274> EDN: DVDOMC
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 10.03.2026).
- Замальдинов В.Е. Интернет-коммуникация как пространство для создания словообразовательных неологизмов // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2025. № 2 (57). С. 426–435. [http://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2\(57\).426-435](http://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.2(57).426-435) EDN: BSSNNI
- Зубрицкая Е.В. Гибридные номинации в лингвистическом ландшафте г. Калининграда : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2024. 241 с. EDN: CSULPE
- Кудрявцева И.Г. Модальность как словообразовательная категория в системе префиксальных имен существительных : дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2008. 373 с. EDN: NQFSBV
- Лапто М.А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы : монография. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. 180 с. EDN: STLQEB
- Левина С.Д. Адаптация иноязычной морфемы *-инг* в русском языке начала XXI в. // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 1. С. 34–47. [http://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1\(6\)-34-47](http://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1(6)-34-47) EDN: UHJDKH
- Меркулова И.А. Оскорбительные соционимы в интернет-дискурсе // Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа. М. : ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2022. С. 325–332. EDN: MNZUJD
- Набок И.Л. Этноним в межэтнической коммуникации // Вестник Герценовского университета. 2011. № 5. С. 59–64. EDN: NWGBIJ
- Николина Н.А., Рацибурская Л.В., Фатхутдинова В.Г. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 5–19. <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1> EDN: YQCJVB
- Осильбекова Д.А. Семантическая и функциональная неоднородность модификационных суффиксов имен существительных // Филологическая регионалистика. 2013. № 1. С. 67–71. EDN: THJUVN
- Петрухина Е.В. Интернациональные префиксы как когнитивные проводники новых воззрений // Когнитивные исследования языка. 2017. № 36. С. 311–320. EDN: YZZTVB
- Радбиль Т.Б., Ясаи Л., Палоши И.В. Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 101–121. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121> EDN: HBSLQD
- Рацибурская Л.В. Аксиологический потенциал словообразовательных аффиксов в современном русском языке // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2025. <http://doi.org/10.1556/060.2025.00213> EDN: VRPKMV
- Ребрина Л.Н. Семантико-мотивационные характеристики неолексем вражды: дискурсивное раскрытие внутренней формы слова // Научный диалог. 2020. № 8. С. 141–155. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-141-155> EDN: CZOHIN
- Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 28–32. EDN: ZQQYBH
- Усенко Н.М. Новые пейоративные обозначения как маркеры новой реальности // Политическая лингвистика. 2024. № 3. С. 141–147. EDN: CQBAQQ

- Шапошникова И.В. К вопросу об экспликации универсалий русской языковой личности на модели ассоциативно-вербальной сети // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 314–329. <http://doi.org/10.17223/18137083/77/24> EDN: NYWFTL
- Шкапенко Т.М., Стрельчук Е.Н. Терминодериваты со значением новых социальных страт в англоязычном и русскоязычном социологическом дискурсе // Russian Journal of Linguistics. 2025. Т. 29. № 2. С. 432–456. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-40338> EDN: LIJRWWS
- Шкапенко Т.М., Шаповаленко Е.В. Семантико-прагматическая эволюция префикса латинского происхождения SUPER (по данным польского и английского языков) // Научный диалог. 2020. № 2. С. 161–177. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-161-177> EDN: GAIUVA
- Blommaert J., Dong J. Language and Movement in Space // The Handbook of Language and Globalization. London : Blackwell Publishing, 2010. Pp. 366–385. <https://doi.org/10.1002/9781444324068.ch16>
- Dokulil M. Tvoření slov v češtině // Teorie odvozování slov. Praha : Československé akademie věd, 1962. S. 191–219.
- Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On The Horizon, 9, 2001. Pp. 3–6. <http://dx.doi.org/10.1108/10748120110424816>

Сведения об авторах:

Шаповаленко Евгений Владимирович, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Российская Федерация, 236001, Калининград, ул. Невского, д. 14. *Сфера научных интересов*: словообразование, лингвистика глобализации, историческая грамматика славянских языков. ORCID: 0000-0002-7045-4310. SPIN-код: 4322-2364. ResearcherID: AAO-7762-2020. ScopusID: 57574255600. E-mail: EShapovalenko1@kantiana.ru

Шкапенко Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Российская Федерация, 236001, Калининград, ул. Невского, д. 14. *Сфера научных интересов*: лингвистика глобализации, лексическая семантика, ономастика, терминология. ORCID: 0000-0002-6892-4205. SPIN-код: 2831-5268. ResearcherID: Y-3002-2019. ScopusID: 57574599600. E-mail: TShkapenko@kantiana.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-439-452

EDN: DGGBRY

Research article

Neologisms with the suffix -oid in modern Russian language

Evgenii V. Shapovalenko^{}, Tatiana M. Shkapenko^{}

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

 EShapovalenko@kantiana.ru

Abstract. The main derivational models of neologisms with the suffix *-oid* in contemporary Russian language are considered. The relevance of the study lies in the need to identify the pragmasemantic features of these neoderivatives in comparison with previous stages of linguistics.

tic development. The aim of the research is to systematize and describe the word-formation models of neologisms with the suffix *-oid*, to determine their main discursive domains, and to uncover the linguistic-cognitive mechanisms of the ongoing changes. The empirical basis of the study comprises data from the Russian National Corpus, neographic printed and digital sources and open-access Internet resources. The methodological framework is based on the synchronic-diachronic approach, which makes it possible to account for innovative phenomena in close connection with preceding stages of language evolution. The analysis demonstrates that the derivational model involving the suffix *-oid* has expanded beyond the domain of terminological word formation into the sphere of pragmatically marked derivation. The strictly denotative function of naming objects in the surrounding world is increasingly replaced by the designation of persons according to their belonging to a particular group. The motivating bases include proper names (anthroponyms, ethnonyms, various types of toponyms, etc.) as well as common nouns denoting well-established linguistic concepts or linguistic-cultural types. In modern speech, the formant *-oid* performs a classification function and serves as a marker of negative evaluation. The linguistic-cognitive basis of this pejorative shift is rooted in the prototypical semantics of similarity, which is interpreted by the nominator as a deviation from a perceived norm or standard. As a result, neologisms with the suffix *-oid* are a means of axiological stigmatization and are used within the framework of hate speech to articulate the opposition between “in-group” and “out-group.” The prospects for the study are seen in further monitoring of new words with the suffix *-oid* in various discursive practices and in determining the productivity of the word-formation model.

Keywords: derivational patterns, word-forming meaning, modificational meaning, mutational meaning, pejoration, sociophobisms, hate speech

Contribution of the authors: the authors made an equal contribution to developing the concept of the research, writing and editing the article.

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received 05.02.2026; accepted 12.04.2026.

For citation: Shapovalenko, E. V., & Shkapenko, T. M. (2026). Neological formations with the suffix *-oid* in contemporary Russian. *Russian Language Studies*, 24(3), 439–452. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-439-452> EDN: DGGBRY